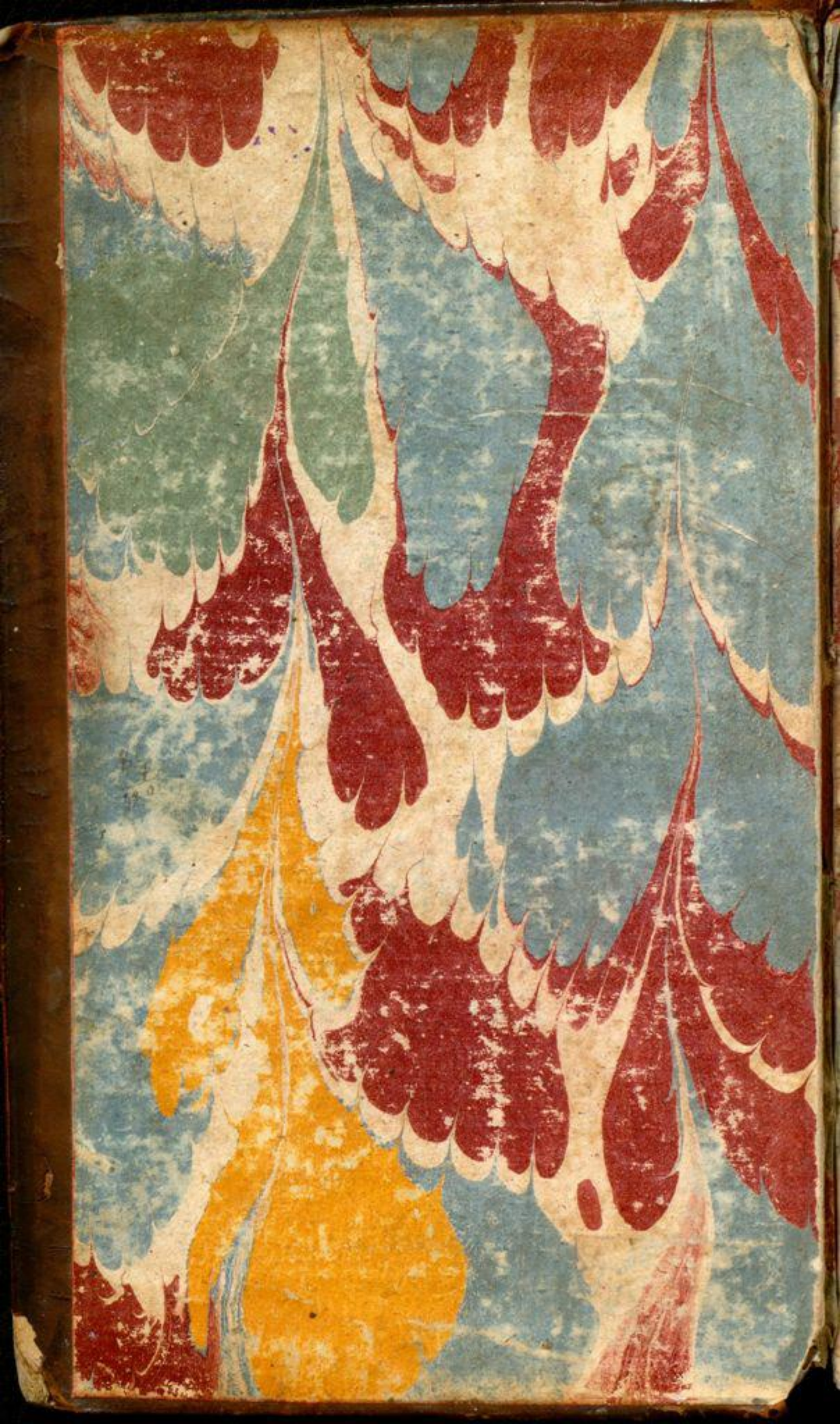
ТРУДОЛЮБИВАЯ
ПЧЕЛА
1759



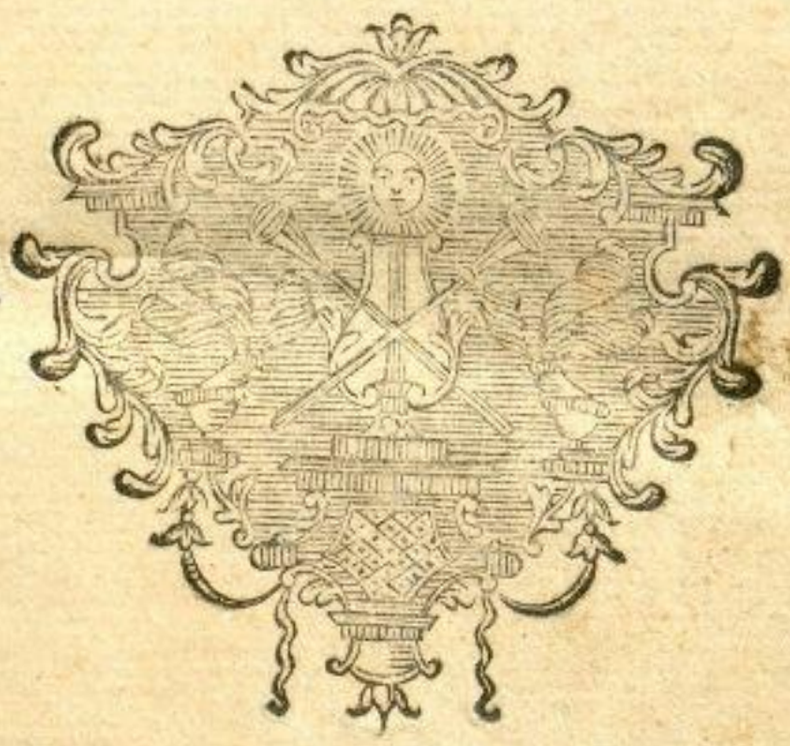
Цѣна 1 рубл: 50 коп.
редкая

No 13.

ТРУДОЛЮБИВАЯ

ПЧЕЛА.

Генварь 1759 года. – декабрь



ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

редкая
1Рс
83

им. Горького
БИБЛИОТЕКА
М. Г. У.

~~44:3107~~
246082 Мр.
(11)

рег. 3237

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
Государынѣ Великой Княгинѣ,
ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

УМомъ и красотой и милостью Богиня,
О просвѣщенная ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ!
ВЕЛИКІИ ПЕТРЪ отверзъ къ наукамъ Россамъ дверь,
И вводитъ въ ону насъ ЕВО премудра ДЩЕРЬ,
СЪ ЕКАТЕРИНОЮ ПЕТРУ подобясь нынѣ,
И образецъ дая съ ПЕТРОМЪ ЕКАТЕРИНѢ:
Возвысь сей низкій трудъ примѣрами ЕЯ,
И покровительствомъ, Минерва будь моя!

* * *

Александръ Сумароковъ.

I.

О ПОЛЬЗѢ
МИѲОЛОГІИ.

МНогіе какъ изъ древнихъ, такъ и изъ новыхъ писали о Миѳологіи, то есть, о баснословіи. Нѣкоторые собрали имена и различныя названія боговъ и богинь; другіе изъяснили оныхъ родословіе; иные о знатнѣйшихъ ихъ дѣлахъ подали извѣстіе; изображенія каждаго представили; храмы, жертвоприношенія, свойства и силу ихъ показали; опредѣлили, которые каждому изъ нихъ птицы, звѣри и деревà собственны; какія одежды и украшенія всякому приличествуютъ, объявили; наконецъ означили изобрѣтенныя ими науки, художества и орудія. Есть и такіе, которые Героевъ и Героинь житія, браки, дѣтей, путешествія, подвиги и прочія обстоятелства

ятельства подробно описавъ, въ сочиненіяхъ своихъ потомкамъ оставили. О чудныхъ и ужасныхъ приключеніяхъ, невѣроятныхъ преображеніяхъ и превращеніяхъ почерпнутыхъ изъ временъ въ предѣлахъ исторіи невключенныхъ находимъ мы разныя книги. Сколько въ свѣтъ издано многоразличныхъ толкованій на басни, то естественныхъ, то историческихъ, то нравоучительныхъ; сколько имѣемъ мы мнѣній о происхожденіи многобожія; сколько возраженій на мнимыя языческихъ боговъ чудеса, ложныя ихъ пророченія, и на оказанное имъ втуне божественное почитаніе. Наипаче достойно здѣсь упомянуть о тѣхъ, которые разсѣянныя повсюду до древняго баснословія принадлежащія части, не инако какъ сожалѣнія достойный Еитъ, раздробленные и раскиданные суровою Мидіею неповиннаго Авсирта члены, прилѣжно собирая составили цѣлую систему, или цѣлое Миѳологіи тѣло. Сіи писатели неусыпными своими трудами заслужили себѣ великую похвалу у искусныхъ и знающихъ людей, просвѣтили бывшее чрезъ толь долгія лѣта во тьмѣ сіе ученіе, и пріобрѣли имени своему безсмертную славу. Всѣ просвѣщенные народы пользуются преизрядными ихъ

сочине-

сочиненїями , во всѣхъ порядочно учрежденныхъ училищахъ толкуютъ ихъ книги , любители наукъ читаютъ оныя съ крайнимъ удовольствїемъ. Однако сего всего не довольно , чтобъ заградить уста хулителей сей науки ; не взирая на пользу ея и красоту , ругаютъ оную и поносятъ вездѣ непристойными словами , и безполезною называютъ. А во утвержденїе своего мнѣнїя приводятъ нѣкоторыхъ изъ числа ученыхъ людей , которые прилѣжа къ вышнимъ , какъ они говорятъ , наукамъ , Миѳологїю , не имѣя вовсе объ ней яснаго понятїя , и не проникнувъ внутренняго ея состава , или презираютъ , и за бездѣлицу и сказки дряхлыхъ старухъ , выдуманныя для потѣхи малымъ ребятамъ почитаютъ , или углублены мыслями своими въ хрустальныя небеса , въ солнечныя пылинки , въ потаенныя качества , въ превращенїе круговой поверхности въ четыреугольникъ , въ нераздѣлимыя количества , и въ пустоту наднебесную молчанїемъ своимъ а иногда и высоковажною усмѣшкою соглашаются на ругательства ихъ. Но чтобъ неосновательное сїе многихъ мнѣнїе опровергнуть , и достоинство Миѳологїи , сколько возможно, возстановить и укрѣпить , намѣренъ я здѣсь вкратцѣ

в пользѣ Миѳологіи любопытнымъ и правду любящимъ читателямъ предложить. Не сыщетъ никто въ семъ сочиненіи ни громкихъ словъ, ни замысловатыхъ рѣчей, ни красно и искусно сплетеннаго слога; но одну только истинну простыми словами изображенную, которая, какъ Еврипидъ говоритъ, не требуетъ никакихъ украшеній. Лжѣ свойственно прикрывать наготу свою свѣтлыми и златотканными одеждами, а истинна напротивъ того и въ черномъ сіяетъ вретищѣ.

Великое человѣческому роду дарованіе божіе, умъ мыслящій и разсуждающій не только о всѣхъ видимыхъ, но и отъ зрѣнія нашего сокровенныхъ вещахъ, не только о вещественныхъ шѣлахъ, но и о духахъ веществу вовсе непричастныхъ: не меньшій во истинну даръ и слово, безъ котораго мы, можетъ быть, не столь различествовали бы отъ прочихъ звѣрей. Есть и въ нихъ, хотя не на такой степени, какъ въ человѣкѣ, понятіе, разсужденіе и память; имѣютъ они между собою отъ естества знаки, которыми одинъ другому показать и изъяснить желанія свои и страсти могутъ и умѣютъ: однако лишены слова изображающаго удобно всѣ мысли человѣ-

ческія

ческія и всѣ оныхъ малѣйшія части, преимущество какъ въ вышепоказанныхъ ума дѣйствіяхъ, такъ и въ семъ уступаютъ человѣку. И для того отецъ бывшихъ всѣхъ и будущихъ стихотворцевъ Омиръ не могъ людей назвать лучшимъ и отмѣннымъ отъ другихъ именемъ, какъ только симъ, что они умѣютъ дѣлить голосъ свой на мѣлкія части. Отъ сихъ двухъ вложенныхъ намъ свойствъ произошли науки, въ которыхъ состоитъ человѣческое блаженство. Науки насъ отъ самаго малолѣтства будто млекомъ и сотомъ питаютъ, въ цвѣтущемъ возрастѣ сбуздываютъ страсти наши, и прямый путь къ добродѣтели показываютъ, а въ старости изможденныя силы тѣла и разума нашего ободряютъ и оживотворяютъ. Сіи благородныя ума и слова человѣческаго отрасли рожденіе свое, сколько намъ изъ древности извѣстно, имѣли въ Азіи, откуда чрезъ путешествія и странствованія любопытныхъ и разумныхъ мужей перешли потомъ въ Грецію; а изъ Греціи разлились по пространнымъ Римскимъ областямъ, въ которыхъ чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ вездѣ распространившись, наконецъ стали увядать такъ, что и со всѣмъ было исчезли. Наступили внезапно темныя и

варварскія времена ; вся почти Европа помраченная невѣжествомъ подъ игомъ незнанія стенала , пока опять изъ Греціи , гдѣ еще нѣкоторые ихъ остатки , какъ скрытыя въ пепелѣ таились искры, варварами въ Италію не были изгнаны. Достойное удивленія приключеніе! Варвары причину подаютъ къ истребленію варварства. Въ Италіи впервые благополучной для нихъ вѣкъ возобновился , потомъ начали вездѣ приходить въ прежнее свое достоинство , и такъ вся Европа вскорѣ просвѣтилась. Нѣтъ теперь въ ней ни одного государства , гдѣ бы не процвѣтали науки , и общаго благополучія не умножали. Произвели древнія времена остроумныхъ Философовъ , краснорѣчивыхъ Ораторовъ , прилѣжныхъ и безпристрастныхъ Историковъ , сладостныхъ Стихотворцевъ , и нынѣшніе производятъ. Сколько осталось намъ Греческихъ и Латинскихъ писателей , коихъ сочиненія всему свѣту пріятны и любимы , сколько и теперь имѣемъ Французскихъ , Италіанскихъ , Аглинскихъ , Нѣмецкихъ , Гишпанскихъ , Шведскихъ , Датскихъ , Голландскихъ , Польскихъ и нашихъ Россійскихъ книгъ , изъ которыхъ иныя въ переводахъ , а иныя въ самихъ подлинникахъ читаемъ , и чтеніемъ ихъ

насла-

наслаждаемся. Весьма мало сыщется, я думаю такихъ, кои бы не употребляли времени на чтеніе полезныхъ и увеселительныхъ книгъ. Но къ совершенному разумѣнію безчисленнаго ихъ множества на разныхъ языкахъ сколь полезна и сколь нужна Миѳологія, тотъ подлинно знаетъ, кто взявъ какую нибудь по правиламъ благоразумія и искусства сочиненную книгу, не съ великою и почти невѣроятною скоропоспѣшностію оную прочитываетъ, или лучше сказать, пробѣгаетъ не взирая ни на какія, которыя въ ней могутъ случиться, трудности и препятства, но съ зрѣлымъ разсужденіемъ о всемъ томъ, что ему не извѣстно или не понятно покажется, прилѣжно старается получить довольное знаніе и въ тонкость постигнуть. О древнихъ не упоминаю, въ которыхъ вездѣ, ежели такъ сказать можно, царствуетъ баснословіе. Не увидите не только у Стихотворцевъ, отъ которыхъ какъ отъ нѣкоего источника всѣ басни для разныхъ причинъ вымышлены, умножены и украшены, но и у Ораторовъ, Историковъ, Географовъ, Натуральной исторіи писателей и Философовъ, не увидите почти ни одной страницы, на которой бы не было именъ изъ Миѳологіи взятыхъ

и заклю-

и заключающихъ въ себѣ пространныя размышленія, но естьли оныя читателямъ небудутъ извѣстны, то не будутъ они чувствовать тѣхъ пріятностей и красотъ, которыя возвели древнихъ на самую высочайшую степень мудрости и ученія, и славѣ ихъ даровали вѣчность. И для того многіе будучи уже увѣрены о превосходныхъ качествахъ Греческихъ и Латинскихъ писателей, и языки разумѣя, отъ чтенія ихъ не могутъ получить себѣ пользы и желаемаго увеселенія. Правда что довольное искусство въ разныхъ наукахъ требуется къ отвращенію сего препятствія, просвѣщенный благороднымъ воспитаніемъ умъ, обхожденіе съ разумными людьми; однако и Миѳологія непослѣднее между прочими занимаетъ мѣсто. Желалъ бы я знать хотя одного человѣка, которой бы не преткновенно могъ читать и разумѣть ихъ книги, не упражняясь въ Миѳологіи. Но можетъ быть новые писатели и безъ нее вразумительны? Никакъ. Они послѣдуя стопамъ древнихъ учителей и истинныхъ натуры подражателей, узнавъ преимущества ихъ баснословія, удержали оное, и украсили имъ также и свои сочиненія. Тѣже имена боговъ и богинь у нихъ находимъ, которыя были у древнихъ, хотя

хотя со всѣмъ для другой причины; полубоги, Нимфы, Сатиры и Силваны, названія разныхъ животныхъ и бездушныхъ вещей, преизрядныя подобія и сравненія по большой части не изъ древняго ли баснословія приняты? И такъ тщательному и любопытному читателю незнающему Миѳологіи и новыхъ авторовъ книги не меньше причинятъ трудности. Темны ему покажутся многія мѣста, неприличное а иногда и противное вообразитъ себѣ оныхъ знаменованіе, и какъ бы съ предъидущимъ и послѣдующимъ смыслъ ихъ согласить недоумѣвать станетъ. Что-жъ касается до нѣжныхъ рѣчей, великолѣпныхъ словъ, остроумныхъ замысловъ и прочихъ склада красотъ зависящихъ отъ Миѳологіи, то смѣло могу сказать, что оныхъ безъ довольнаго въ ней знанія и со многимъ трудомъ открыть не возможно. Представимъ себѣ въ примѣръ сіе слово: АРГОНАВТЫ. Оно одно, но цѣлая подъ онымъ разумѣется исторія, которую изъ Греческихъ Аполлодоръ Родійскій, а изъ Латинскихъ стихотворцевъ Каій Валерій Флаккъ пространно описали. Должно при семъ словѣ знать, кто они были, и кого предводителемъ имѣли; кто начальникъ ихъ путешествія, какія онъ

причины

причины представлялъ совѣтуя имъ сей путь воспріять, и съ какимъ тайнымъ умысломъ; кто изъ боговъ и богинь вспомоществовали имъ въ семъ предпріятіи, кто напротивъ того препятствовалъ, и для чего; кто состроилъ корабль, какое оному имя, и кто на немъ былъ кормщикъ; откуда они въ путь отправились, чрезъ которыя моря проѣзжали, какія преодолѣвали трудности, къ которымъ приставали островамъ, гдѣ на матерую землю выходили, что съ ними тамъ достопамятное здѣлалось; кто отъ нихъ отсталъ, и какъ послѣ опять соединился; кто умеръ на пути, что происходило по пріѣздѣ ихъ къ уреченному мѣсту, какъ они были приняты, и какимъ образомъ намѣреніе свое произвели въ дѣйство, какъ возвратились въ отечество, и что потомъ воспослѣдовало. Сіе все вкратцѣ мною сказанное, и еще далеко больше изъ пространной сей матеріи надлежитъ знать тому, кто хочетъ имѣть точное понятіе объ Аргонавтахъ. И другія Миѳологическія слова толковать короче почти нельзя за тѣмъ, что одна басня соединяется со многими другими.

Исторія представляетъ намъ начала, укрѣпленіе и распространеніе государствъ, подаетъ основательныя

правила

пра́вила, и показываетъ въ самомъ дѣлѣ збывшїеся примѣры ко управленїю цѣлыхъ народовъ, описываетъ прехвальныя и вѣчной славы достойныя дѣла мужей знаменитыхъ, опредѣляетъ точное время, когда, какимъ образомъ и кѣмъ населены ужасныя пустыни и непроходимыя дубравы, когда пагубными непрїятельскими войнами, или междоусобными раздорами цвѣтущїя предъ тѣмъ разрушились царства. Сїя толь нужная, полезная и прїятная наука не можетъ достигнуть къ совершенству безъ Миѳологїи. Причину сему легко узнать можно, естьли приведемъ на память то, что перьвые писатели были стихотворцы, и что всѣхъ земель исторїя приближаясь къ своимъ началамъ теряется наконецъ въ Миѳологїи. Гдѣ сыщемъ мы о древнѣйшихъ народахъ извѣстїя; откуда узнаемъ ихъ происхожденїе, правленїе и случившїяся въ немъ перемѣны; кто объявитъ намъ имена, родословїе, добрыя и худыя поступки ихъ владѣльцевъ; отъ кого увѣдомимся, гдѣ и кѣмъ изобрѣтены и заведены различныя науки и художества; кѣмъ состроены часто въ исторїяхъ упоминаемые города, храмы и прочїя удивительныя зданїя? Миѳологїя насъ изъ сего недоумѣнїя выведетъ, и

въ

въ толикой тьмѣ нѣкоторой свѣтъ подать можетъ. Въ ней обрѣтаемъ мы Троянскую исторію баснями предъ невѣжами нѣсколько закрытую, а предъ глазами разумныхъ людей великолѣпно украшенную. Финикіянъ морскія путешествія въ отдаленныя страны, преселеніе одной ихъ части въ Віотію, а другой въ Африку, и созданіе городовъ тамъ Ѳивъ, а здѣсь Кархидона остались бы на вѣки въ забвеніи, есть ли бы въ баснословныхъ повѣстяхъ не были сохранены. Ѳивейскія плачевныя приключенія, убіеніе отца, бракосочетаніе матери, въ незнаніи кровосмѣшеніе сына, востаніе двухъ родныхъ братьевъ другъ на друга, отчаянное ихъ сраженіе и прочія всѣ бѣдственныя слѣдствія, на конецъ паденіе всего Царскаго дома Стихотворцы читателямъ въ басняхъ, какъ на нѣкоторомъ позорищѣ, смѣшивая съ правдою вѣроятныя хотя неистинныя вымыслы, такъ ясно представили, что безъ страха и отвращенія объ оныхъ нельзя и помыслить. О благополучномъ состояніи Аркадскихъ жителей, которое подъ именемъ златаго вѣка нынѣ во всей подсолнечной прославляется, столько бы мы знали, сколько о древнихъ Камчадальскихъ и Американскихъ дѣйствіи-

ствїяхъ, ежели бы не имѣли басенъ. Не упоминаю о прочихъ бывшихъ близъ Аркадїи на томже полуостровѣ Пелопоннисѣ, какъ то о Лакедемонянахъ, Коринѳянахъ, Аргїянахъ и Пилїянахъ, о многихъ островахъ Кикладскихъ и другихъ на Средиземномъ морѣ вездѣ разсѣянныхъ. Представьте себѣ въ мысляхъ вашихъ Миноя, Радаманѳа, Идоменея, Дедала, Коривантовъ, гору Иду и другїя имена въ третьей книгѣ Виргилїевой Енеиды помянутыя, не принадлежатъ ли оныя къ истолкованїю исторїи Критской? Аѳины славою своею до небесъ превознесенныя, и весь свѣтъ приведшїя во удивленїе о первыхъ своихъ временахъ, Царяхъ и о храбрыхъ Герояхъ только тѣ имѣютъ преданїя, которыя находятся въ баснословїи. И хотя изъ сихъ примѣровъ явно, что Миѳологїя исторїи много способствуетъ; однако для яснѣйшаго доказательства еще одинъ предложить заблаго разсуждаю. Большая часть писателей въ томъ согласны, что древняя исторїя простирается до четвертаго вѣка послѣ Рождества Хрїстова, въ которомъ Римское государство раздѣлилось на двѣ части, то есть на Восточное и Западное. Изъ чего слѣдуетъ, что изъ древнихъ временъ нѣтъ

246082
им. Горького БИБЛИОТЕКА Г. У.

ближайшей къ нашему вѣку исторіи какъ Римская. Ктожъ будетъ и о томъ сомнѣваться, что въ ней больше подлинныхъ извѣстій находится, нежели въ другихъ. Однако чѣмъ ближе къ началамъ оныя приступаемъ, тѣмъ яснѣе видимъ, что и она изъ Миѳологіи какъ изъ общаго всѣхъ исторій источника происходитъ. Откуда взяли историки Аборигиновъ, Іана, Сатурна, Пика, Фавна, Евандра, Кака, Латина и Енея, которой хотя и не въ одно время жилъ съ Дидоною, однако для застарѣлой и непримиритьльной взаимной между Римлянами и Карѳагенянами ненависти будто огорченіемъ Боговъ съ самаго ихъ начала вкорененной совокупленъ съ нею отъ Латинскаго Омира нарочно для того, чтобъ онъ ее разгнѣвалъ, принудилъ къ самоубійству, и жестокою своею поступкою всѣялъ въ сердца сихъ двухъ народовъ сѣмена свирѣпой той вражды, которая потомъ усилившись безчисленное множество людей съ обѣихъ сторонъ погубила, и не только Сицилію, Гишпанію, Галлію, Италію, Африку, но и пространныя моря кровію убіенныхъ обагрила.

Теперь вникнемъ во святилище и другихъ наукъ, въ которое, по мнѣнію многихъ, тѣмъ только входъ отворенъ, кои одну

бдну которую нибудь изъ нихъ избравъ во всю жизнь свою за оною слѣдуютъ; хотя то не рѣдко случается, что и таковыя увидѣть оныя лица, и благосклоннымъ ея взоромъ пользоваться не удостоиваются для того, что на рабыню, сверстницъ, подругъ и наперстницъ госпожи своей гордымъ и презрительнымъ взираютъ окомъ. Я говорю объ Астрономіи, Фисикѣ и Исторіи натуральной. Первая Астрономія, сколько одолжена Миѳологіею, изъ того довольно явствуетъ, что она всѣхъ планетъ имена, раздѣленіе неизчетной сіяющихъ на тверди небесной огней громады на созвѣздія, и всѣхъ ихъ, также и знатнѣйшихъ частей названія отъ Миѳологіи получила, и хотя ненавистники всѣ силы свои на то употребили, чтобы взятыя изъ Миѳологіи слова въ сей звѣздочетцевъ наукѣ истребить; однако не могли достигнуть къ своему намѣренію. Былъ нѣкто Іулій Шилеръ, которой послѣдуя совѣту Бе́ды, проименованнаго Почитаемымъ, изъ баснословнаго, какъ онъ самъ говоритъ, Христіянское небо здѣлать старался, и для того перемѣнилъ всѣмъ созвѣздіямъ названія; вмѣсто древнихъ въ соблазнъ по его мнѣнію приводящихъ именъ далъ Свя-

тыя и Божественныя, однако не имѣлъ никакого успѣха въ дерзновенномъ своемъ предпріятіи. Нѣкоторые новому его вымыслу удивлялись, иные за ревность къ благочестію похваляли, многіе смѣялись и презирали, а другіе негодовали, что онъ желая священныя вещи больше прочихъ почтить, меньше, нежели надлежало, имъ чести здѣлалъ; да и въ подозрѣніе себя привелъ, будто онъ такимъ образомъ, какъ подъ медомъ желчь, подъ святостью скрыть хотѣлъ злочестіе. Я не утверждая ни одного изъ сихъ мнѣнія, предложу здѣсь всякому на разсужденіе нѣкоторыя имъ выдуманныя созвѣздій названія. Большую медвѣдицу называетъ онъ Святымъ Архангеломъ Михаиломъ; Дракона младенцами избіенными отъ Ирода; Делфина водоносомъ въ Канѣ Галилейской; Андромеду гробомъ Христовымъ; овна Святымъ Апостоломъ Петромъ; быка Святымъ Андреемъ; Оріона святымъ Іосифомъ обручникомъ пренепорочной дѣвы, и прочая подобнымъ образомъ. Ерардъ Вейгелъ видя Шиллерову неудачу, оставивъ богословію обратился къ политикѣ, и для сысканія себѣ у высокихъ особъ милости, и у всѣхъ людей похвалы вознамѣрился выдумать новое небо, которое онъ назвалъ Геральдиче-

дическимъ , и вмѣстилъ въ оное гербы Европейскихъ Государей , Князей и прочихъ людей. Напримѣръ большую медвѣдицу превращаетъ онъ въ слона Королевства Датскаго , лебедя въ руту съ мечами двора Саксонскаго , Плїяды въ Пиѳагорову таблицу , которую онъ за гербъ купеческой почиталъ. Однако сїи новости всѣмъ славнымъ Астрономамъ не понравились ; и такъ Миѳологическїя имена и до сего времени остались въ употребленїи , не только для того , что давно уже въ обыкновенїе вошли , и во многихъ древнихъ и новыхъ книгахъ находятся , но и для точнаго нѣкоторыхъ съ тѣми вещами , которыя чрезъ нихъ означаются , подобїя , также для изображенїя свойства тѣхъ временъ и погодъ , которыя случаются , когда они надъ оризонтомъ видимы , или когда восходятъ и заходятъ. Сїе восхожденїе и захожденїе звѣздъ есть проякое , какъ то , вечернее , мїрное и солнечное. Древнїе Стихотворцы наипаче въ книгахъ о земледѣлїи , о праздникахъ , и почти вездѣ , такъ часто оныя употребляли , что отъ чтенїя ихъ весь народъ восхожденїе и захожденїе звѣздъ такимъ же образомъ какъ и они означали , которому обыкновенїю послѣдовали писа-

тели о домостроительствѣ, деревенской жизни и прочїе. Отъ чего послѣ и Астрономы принуждены были Пїитическое восхожденїе и захожденїе изъяснить, и въ книгахъ своихъ особливую для онаго главу опредѣлить, которую и понынѣ видимъ мы во всѣхъ Астрономїяхъ.

О пользѣ Миѳологїи въ Фисикѣ развѣ тотъ будетъ сомнѣваться, кто не знаетъ, что Стоики и другїе Философы баснословїе почитали за науку о естествѣ вещей, и о происхожденїи ихъ; о свойствахъ и перемѣнахъ случающихся въ натурѣ. Во свидѣтельство призываю я Стоической Философїи въ новѣйшїя времена возобновителя Іуста Липсія, которой въ толкованїяхъ своихъ на четвертую книгу Сенеки о благодѣянїяхъ пишетъ такъ: *Стоики толкопали стихотворческїя басни о естественныхъ вещахъ, много въ томъ упражнялись, и заключали въ нихъ всѣ таинства Натуры. Чтожъ? надлежитъ ли ихъ за то обвинять? Нѣтъ, не думаю. Да и Омиръ уломательно тѣже мысли имѣлъ.* Лукрецїй послѣдователь Епикура въ началѣ книгъ своихъ о Натурѣ вещей призывая и описывая Венеру, не ясно ли намъ показываетъ, что онъ подъ именемъ сей Богини разумѣетъ всемїрную нѣкоторую Фисиче-

ическую по своей Философіи силу всѣмъ вещамъ бытіе и пребываніе дающую. Исіодово родословіе Боговъ въ самомъ началѣ не что иное есть, какъ Философское мнѣніе, какимъ образомъ сей міръ сотворенъ. Знали подлинно творцы басней, что солнце есть огненное тѣло, отъ чего бываютъ громы и землетрясенія, происходятъ источники и рѣки, раждаются вѣтры, для чего жители горячаго пояса черны, какая причина затмѣнія солнечнаго и луннаго, что тому виною, что возы небесные, изъ которыхъ большой Грекамъ, а малой Финикіянамъ въ мореплаваніи путь показывалъ, никогда какъ прочія свѣтила не заходятъ, что нѣкоторыя неподвижныя звѣзды исчезаютъ, и знаніе свое не въ систематическихъ сочиненіяхъ, но въ басняхъ предложили простому народу къ увеселенію, а учащимся къ пользѣ. Напрасно бы было пространными доказательствами сіе все здѣсь утверждать, имѣя толкованія многихъ преизрядныхъ писателей ясно намъ показующія, что въ басняхъ скрыта естественная наука. Больше всѣхъ въ семъ дѣлѣ трудился Наталисъ Комесъ въ десяти книгахъ о Миѳологіи или изъясненіи басней.

Часть Фисики есть Исторія Натуральная, которая разсматриваетъ свойства

всѣхъ животныхъ, растущихъ и камней. Но кто лучше оныя изобразилъ, какъ Овидій въ своихъ превращеніяхъ, которыя со внутреннимъ увеселеніемъ всякъ читаетъ? Не позабылъ онъ свойствъ и натуры каждаго, не преминулъ ни одной ихъ части, которой бы точно и подробно не описалъ, преображая искусно Боговъ и людей въ звѣри, птицы, рыбы, дерева и въ бездушныя вещи. Представимъ себѣ въ мысляхъ нашихъ Ликаона превращеннаго въ волка, Филомилу въ соловья, Прокну въ ластовицу, Тирренскихъ корабельщиковъ въ морскія свиньи, Дафну въ лавровое дерево, Аглавру и Ватта въ камни: представимъ и ясно увидимъ, ложно ли то, что сказано здѣсь о Назонѣ. Кого не удовольствуетъ Виргилій обширнымъ описаніемъ пчелъ, великодушныхъ вождей ихъ, сіи его собственныя слова, и всего народа нравовъ и упражненій, различныхъ сонмовъ, и бываемыхъ между ими сраженій. Великое вспомоществованіе дѣлали бы намъ въ изученіи Исторіи Натуральной тѣ о превращеніяхъ писатели, изъ которыхъ отторгнувъ малыя только частицы, собралъ Антонинъ Либералисъ: но одни лишь имена ихъ намъ остались извѣстны, а книги, къ сожалѣнію нашему въ прахъ стерло ѣдкое время скрежещущими своими зубами. Безъ Плиніевыхъ

выхъ книгъ, которыя племянникъ его въ письмѣ къ Тациту не въ похвалу отъ ласкательства, но по справедливости называетъ пространными, учеными и не меньше различными какъ сама натура, не могла бы пріити Исторія Натуральная къ такому совершенству, въ каковомъ она нынѣ блистаетъ, но къ разумѣнію оныхъ не обходимо потребна Миѳологія.

Но что я вижу? Не сладкой ли сонъ отягощаетъ зрѣніе мое? не мечта ли воображаетъ въ мысляхъ моихъ сіе пріятное позорище? является сама Богиня, рукою помаваетъ, и простерши персть свой указываетъ мнѣ великолѣпное зданіе пречуднымъ художествомъ сооруженное, и благосклоннымъ взоромъ недоумѣніе мое ободряя говоритъ: Вниди въ храмъ мой, дверь сія никогда не затворяется, возри на искусство рукъ человѣческихъ; увидишъ въ немъ живописи Апелла и Зевксиса, узришъ Фидіевы статуи, посмотришъ на изваянныя изображенія, приведутъ тебя въ удивленіе славнѣйшихъ всѣхъ живописцевъ картины, достопамятныхъ каменосѣчцевъ и ваятелей рукодѣліе; моимъ совѣтомъ все оное здѣлано, и для прославленія имени тѣхъ, кои надъ тѣмъ трудились, внесено въ сей храмъ, въ которомъ оно хранится,

и увеселяетъ любителей моихъ , а ненавистниковъ сердца терзаетъ. Я вижу о Богиня ! сколько сіи и другія художества тобою одолжены , примѣчаю , коликое ты имъ дѣлаешъ вспомоществованіе , и что на верьхъ славы прилежащихъ къ нимъ возводишъ: но кто можетъ по достоинству словами изобразить твое въ семъ дѣлѣ участіе , кто подробно описать всѣ твои преимущества ? Давно уже оныя всему свѣту извѣстны , и ежедневными опытами утверждены. Того ради обращаюсь къ наукамъ , и предложивъ вкратцѣ о естественной богословіи заключу нравоученіемъ.

О богѣ разсуждать , признавать , что онъ сію населенную людьми и другими животными землю такъ какъ и всѣ прочія планеты съ ихъ спутниками создалъ, что солнце и блистающія въ неизмѣримомъ отдаленіи собственымъ своимъ свѣтомъ звѣзды его твореніе , удивляться премудрости , величеству и силѣ божіей, утверждать что онъ святъ , праведенъ , безначаленъ и безконеченъ , о провидѣніи его не сомнѣваться , учитъ насъ естественная Богословія : а какимъ образомъ сія вліянная въ сердце наше наука у многихъ народовъ подъ баснями скрыта превратилась на конецъ въ многобожіе ,

Ми-

Миѳологія намъ показываетъ. Страхъ и надежда отъ невѣжества, жесточайшіе рода человѣческаго тиранны произвели у язычниковъ толикое Боговъ множество, что не осталось на небѣ, на землѣ и въ преисподней ни одного мѣста, которое не было бы ими наполнено. Рожденіе человѣка на свѣтъ, воспитаніе, совершенной возрастъ, старость и смерть коликому числу Боговъ они поручили; въ земледѣліи, купечествѣ, во время войны, во всѣхъ наукахъ и художествахъ, на пиршествахъ, въ путешествіи и при всѣхъ прочихъ случаяхъ сколько разныхъ Боговъ почитали? Однако на послѣдокъ видя себя отягощенныхъ многобожіемъ, и въ сомнительномъ своемъ богопочитаніи нѣкоторую отраду получить желая раздѣлили ихъ на различные чины, честьми неравными почтили, и установили одного надъ всѣми правителя, которому оказывали бо́льшее нежели прочимъ почтеніе. Великую силу имѣетъ истинна, она и скрываема предъ разумными утаиться не можетъ. Орфей изъ древнѣйшихъ прежде Омира бывшихъ Стихотворцевъ утверждаетъ сіе явственно въ одномъ стихѣ, въ которомъ онъ говоритъ, что Юпитеръ, Плутонъ, Аполлонъ и Діонисъ

знаме-

знаменуютъ единаго Бога имя. И Сенека въ вышепомянутой книгѣ также пишетъ, что Богъ можетъ имѣть столько различныхъ названій, сколько въ немъ есть свойствъ. Впрочемъ есть ли о суевѣрномъ древнихъ язычниковъ многобожіи и по мнѣнію простаго ихъ народа разсуждать станемъ, такъ и тогда будетъ оно намъ не безполезно. Увидѣвъ какую они честь вымышленнымъ Богамъ отдавали, бо́льшую воздавать будемъ истинному Творцу всей селенной: познавъ ложныя ихъ чудеса, темныя къ уловленію душъ человѣческихъ пророченія, непристойные праздники, нескладные обряды, ощутимъ въ мысляхъ нашихъ несказанную радость и принесемъ Всевышнему благодареніе, что онъ отъ всѣхъ тѣхъ заблужденій насъ избавилъ, и свѣтомъ истинны просвѣтилъ.

Толикая отъ Миѳологіи вездѣ разливается польза! Но въ нравоученіи столь она нужна, что безъ нея нравоученіе непріятно, безсильно и почти бездушно будетъ. Какъ искусной и о здоровьѣ ближняго своего пекущійся врачъ горкія но спасительныя лѣкарства растворяетъ въ сахарѣ, такъ прозорливые Миѳологіи нравоученіе для бо́льшей всѣмъ пользы подъ баснями скрыли. Одни правила къ исправленію человѣческаго житія

въ сухихъ силлогисмахъ предложенныя, и доказанныя не могутъ таковаго намъ подать наставленія, какое подаютъ искусно выдуманныя басни, въ коихъ представляется какое нибудь лице живое, или оживотворенное, котораго добродѣтелямъ подражать, и пороковъ оному приписанныхъ убѣгать удобнѣе устремляемся, видя щастливыя съ одной, и злополучныя съ другой стороны слѣдствія, и память ихъ простершуюся до поздыхъ потомковъ. Исторія, кто нибудь скажетъ, справедливые намъ всѣхъ добродѣтелей и пороковъ примѣры представляетъ, и больше къ нравоученію способствовать можетъ нежели Миѳологія. Но историки часто въ повѣстяхъ своихъ другъ съ другомъ несогласны, и многія знатныхъ мужей дѣла называютъ порочными приписавъ имъ злое намѣреніе, которыя отъ другихъ почитаются за добродѣтельныя: а въ баснословіи характиры всѣхъ лицъ пребываютъ непремѣнны. Александра Великаго иные похваляя другимъ въ примѣръ храбрости, великодушія и милости приводятъ, напротивъ того нѣкоторые зовутъ его тиранномъ, разбойникомъ, грабителемъ всей селенной: а Геркулесъ, Ѳисей и прежде ихъ Іакхъ трудами своими для

иско-

искорененія пагубныхъ чудовищъ, и спасенія многихъ народовъ подъятыми заслужили безсмертіе и славу никогда незыблемую. Исторія пользуетъ насъ прошедшихъ уже въ совершенной возрастъ; и опредѣлившихъ состояніе жизни нашей; а Миѳологія отъ младыхъ еще, какъ Греки говорятъ, ногтей въ нѣжномъ младенческомъ сердцѣ, какъ на мягкой какой матеріи божественное подобіе добродѣтелей изображаетъ, и ни въ какомъ состояніи безполезна быть не можетъ. Не то ли совѣтуетъ намъ Платонъ, когда во второй книгѣ о гражданствѣ пишетъ такъ: *Надлежитъ, чтобъ кормилицы и матери сказыпали дѣтямъ избранныя басни, и больше о томъ старались, чтобъ въ сердца ихъ баснями добродѣтель вкоренить, нежели тѣло ихъ нѣжить.* Причину сему объявляетъ Горацій, говоря: чѣмъ новой скудельной сосудъ однажды напоенъ будетъ, тотъ духъ въ немъ долго останется. Есть еще другой способъ наставленія, примѣрами живущихъ съ нами въ одно время людей къ добрымъ дѣламъ поощрять, а отъ худыхъ отвращать, къ которому принадлежитъ Сатира. Но Миѳологія и предъ симъ имѣетъ преимущество. Не сопряжена она ни съ ласкательствомъ, ни съ обидою,

и въ ненависть насъ привесть ни у кого не можетъ. Въ разсужденіи сего всего тотіже Горацій въ письмахъ своихъ Омира похваляетъ сими словами. *Писатель Троянской войны*, говоритъ онъ; *предлагаетъ намъ, что честность и злонравіе, отъ чего человѣку польза и предъ бываетъ, обильнѣе и лучше Хрисилла и Крантора*: изъ которыхъ перьвой былъ основателемъ Стоической Философіи, а второй ученикомъ Платоновымъ и знатнѣйшимъ между Академиками. Не басни ли описуютъ непостоянство щастія и мужественно оное сносить увѣщеваютъ? Не басни ли отводятъ отъ свирѣпства, отъ клятвопреступленія и сквернаго сластолюбія? Кто дружество, вѣрность, храбрость, щедролюбіе и прочія добродѣтели вкореняетъ въ умѣ нашемъ? Басни. Кто пороковъ мерзость такъ живо въ мысляхъ нашихъ представляетъ, что и воспоминовеніе ихъ страшно и ужасно кажется? Тѣже басни. Однимъ словомъ нѣтъ ни единаго похвальнаго дѣла, ко исполненію котораго не побуждали бы насъ басни. Нѣтъ ни единаго беззаконія, отъ котораго бы насъ басни не отвращали.

Однако упорные сей науки ругатели, можетъ быть, скажутъ, что Миѳологія при-

причину подастъ къ возобновленїю древняго языческаго многобожїя ; что между нею и Исторїею такое различїе , какое между истинною и лжею ; а хотя и признаются , что начала Исторїи въ Миѳологїи искать должно , однако и то будутъ утверждать , что она истинныя приключенїя великою помрачила тьмою ; что Миѳологїя къ изученїю другихъ наукъ ненужна , для того что въ нынѣшнїя времена всѣ науки и художества въ особливыхъ книгахъ пространно изъяснены ; на конецъ что баснословїе древнее не только къ исправленїю нравовъ , но еще больше къ повреждению оныхъ служитъ. Можно на всѣ сїи возраженїя пространно отвѣтствовать , но чтобъ читателямъ прежними моими доказательствами о пользѣ сей науки довольно увѣреннымъ не причинить скуки , сколько возможно , короткой дать отвѣтъ заблаго разсуждаю. Многобожїя опасаться въ толь просвѣщенныя времена не надобно ; да и о Богахъ баснословныхъ съ почтенїемъ единому истинному Богу приличнымъ говорить никто не совѣтуетъ. Чтожъ до Исторїи касается , то правда , что она истинныя приключенїя описываетъ , но и Миѳологїя не со всѣмъ ложныя , но отъ словесна-

снаго преданія принятыя, и вѣроятныя сокровенныя подъ баснями. И лучше ли намъ о начаткахъ исторіи ничего не знать; или изъ разныхъ примѣтъ догадываться объ истиннѣ, и изъ мрачности выводить оную на свѣтъ. Не прекословлю и въ томъ, что кто хочетъ основательно другимъ наукамъ обучаться, тому непремѣнно надлежитъ избрать Систематической порядокъ, долгое время и неусыпное прилѣжаніе: но тѣ частицы изъ наукъ, которыя въ Миѳологіи разсѣяны, удобнѣе намъ извѣстны быть могутъ, и для пріятности писателями въ тѣхъ мѣстахъ употребленной тверже въ памяти останутся. Впрочемъ таковы всѣ науки, что одна безъ помощи другой быть не можетъ. Напослѣдокъ извѣстно, что басни учатъ насъ исправлять нравы, но злоупотребленіе и добрыя вещи превращаетъ въ худыя. Виновны ли въ томъ благоуханные цвѣты, когда змѣя изъ нихъ не полезные, но вредительные высасываетъ соки? Въ томъ намѣреніи и я предложилъ здѣсь о пользѣ Миѳологіи, чтобъ читатели обучаясь и упражняясь въ оной на подобіе трудолюбивыхъ пчелъ, то только изъ нее собирали, что знаніе ихъ умножитъ, нравоученіе имъ подастъ и благополучія ихъ причиною быть можетъ.

Григорій Козицкой.

II.

РАССУЖДЕНІЕ

О двухъ главныхъ добродѣтеляхъ, которыя писателю исторіи имѣть необходимо должно, то есть объ искренности, и несуевѣрномъ богопочитаніи.

Великое число будетъ, какъ я думаю, читателей такихъ, кои посмотрѣвши на одну только надпись сего моего сочиненія, придутъ въ удивленіе, и въ тоже мгновеніе ока станутъ вопрошать: для чего я не о всѣхъ, да о двухъ добродѣтеляхъ писателя исторіи чрезъ сіе имъ сообщилъ? Того ради упреждая, на сей ихъ вопросъ заблаговременно отвѣчаю, что я далеко отъ ихъ мыслей нахожуся, и не желаю подать наставленія, или предписать имъ правилъ къ сочиненію исторіи. Сія причина побудила меня

мѣя всѣ добродѣтели , касающіяся до слога писателя исторіи оставить , не упоминать такожде о погрѣшностяхъ , чинимыхъ неосторожностію и небреженіемъ , не исчислять никакихъ пороковъ, которые въ книгахъ его раждаетъ незнаніе какой нибудь науки , напримѣръ Географіи , Хронологіи , Древностей, разныхъ народовъ обыкновеній , баснословія, воинскаго искусства , Политики , Родословія , Исторіи Натуральной и прочихъ. Правда что и сей въ писателѣ недостатокъ хотя весьма чувствителенъ , и славѣ его великой дѣлаетъ ущербъ , однако для того , что отъ незлобія происходитъ , легко сносенъ и простителенъ быть можетъ. Напротивъ того всякой благоразумной и добродѣтельной читатель никогда не проститъ сочинителю исторіи пороковъ , которые отъ злобнаго сердца и испорченаго нрава свое начало имѣютъ. И читая его исторію не инако какъ искусной мореплаватель, которой весь трудъ на то употребляетъ , чтобъ уничтожить ярящихся волнъ стремленіе и силу , не допустить ихъ свой корабль сокрушить о камень , и ввергнуть себя въ морскую пучину , не инако говорю , и онъ крайнее свое попеченіе положитъ въ томъ ,

чтобъ одолѣть всѣ затрудненія, не дать себя обольстить, и погрузить въ бездну безконечныхъ заблужденій.

И такъ я принявъ въ разсужденіе сей послѣдній родъ писателевыхъ пороковъ, намѣренъ здѣсь предложить о двухъ только главныхъ добродѣтеляхъ, которыя сочинителю исторіи непремѣнно имѣть должно, и коихъ однихъ только отъ него читатель справедливо требовать можетъ, то есть объ искренности, и несуевѣрномъ богопочитаніи. Не надобно мнѣ кажется много толковать, и описывать, что искренность, и несуевѣрное Богопочитаніе, какъ словъ всякому извѣстныхъ, словъ въ разговорахъ нашихъ почти ежеденно употребляемыхъ, потому, что мы часто вѣрнаго своего друга называемъ искреннимъ пріятелемъ, при поздравленіяхъ, и желаніи благополучія, увѣряемъ кого нибудь, что мы дѣлаемъ то отъ искренняго сердца, то есть отъ сердца во всемъ съ языкомъ нашимъ согласнаго. Изъ сего ясно разумѣть можно, что искренность писателя состоитъ въ томъ, когда его повѣсть съ дѣйствіями и приключеніями во всемъ согласна. Подобнымъ образомъ часто называемъ мы людей суевѣрами, напримѣръ тѣхъ, которые изъ сновъ толкуютъ хоро-

хорошїя, или худыя слѣдствїя; кои спорятъ о томъ, что осмоконечной крестъ большаго достоинъ почтенїя, нежели четыреконечной; кои отъ встрѣчи животныхъ пророчествуютъ о благополучныхъ или нещастныхъ приключенїяхъ; кои носятъ съ собою травы и камни, или иныя вещи противъ смертоноснаго яду, противу оружїя непрїятелей, приписывая имъ силу и власть одному Создателю нашему приличную, и иными безчисленными странными мнѣнїями слуху нашему досаждаютъ, и представляютъ глазамъ нашимъ смѣха достойное позорище. Слѣдовательно называю я несуевѣрнымъ въ сочинителѣ богопочитанїемъ ту должность, которую обязанъ онъ отдавать Творцу всея селенныя, исполняя всѣ его святые, премудрые и душеспасительные законы, и не приписывая ему ничего, что противно свойствамъ его быть можетъ. Довольно уже я изъяснилъ, что подъ именемъ обоихъ помянутыхъ добродѣтелей разумѣется, теперь надлежитъ подумать, имѣю ли я причину назвать ихъ главными. Сїе столь смѣло могу я утверждать, сколь ясно вижу, что въ которомъ сердцѣ они вкоренились, въ томъ всѣ добродѣтели царствуютъ, а изъ коего сїи предводи-

тели изгнаны , въ томъ пороки обитаютъ. Употребимъ не много прилѣжанія, и разсудимъ, кто ополчаетъ сочинителя исторіи неустрашимостію , не искренность ли ? Кто раждаетъ въ немъ презрѣніе награжденія и пользы ? искренность. Кто научаетъ его быть праведнымъ судьею , не взирать на вражду , ни на дружбу , не любить слѣпо свойственниковъ , или одноземцовъ своихъ ? во истинну всему сему причиною одна его искренность. О добродѣтель достойная златой статуи ! достойна , чтобъ тебѣ жители всего земнаго круга въ храмахъ и домахъ, на стогнахъ и распутіяхъ сооружали олтари , и ежеденно въ жертву сердца свои съ благоговѣніемъ приносили! Гдѣ тебя нѣтъ, тамъ страхъ, желаніе награжденія и пользы , ласкательство присутствуютъ ; тамъ ложь , неправосудіе , лицепріемство , раболѣпство торжествуютъ. Да можемъ ли и отъ зараженнаго суевѣріемъ писателя чего нибудь лучшаго ожидать ? По моему мнѣнію какъ злое дерево не приноситъ добраго плода , какъ волчецъ и терніе не раждаютъ пшеницы , да когда произрастетъ , удавляютъ оную : такъ и суевѣръ не можетъ не только нимало читателя пользовать , но еще въ состо-

яніи

нїи утушить и послѣднюю въ немъ искру добродѣтели. Потому, что между безбожникомъ, суетнымъ вольнодумцемъ и суевѣромъ не должно никакого различїя полагать, кромѣ сего, что первые оба не воздаютъ справедливой и должной Богу чести, а послѣдней безумно и не пристойно его почитая, во зло имя Божїе употребляетъ. Тѣ оба ничего Богу, никакова приключенїя провидѣнїю въ исторїи не приписываютъ, а сей причиною дѣлаетъ Создателя и такихъ дѣйствїй, кои противны его силѣ, премудрости, величеству и правосудїю. Коликое множество посмѣянїя достойныхъ мнѣнїй, бабьихъ басенъ, безумныхъ обрядовъ, злочестивыхъ жертвоприношенїй, сновидѣнїй и прочихъ симъ подобныхъ безумїй изобрѣтенныхъ на прельщенїе душъ неповинныхъ, читаемъ мы въ языческихъ книгахъ? Неприводятъ ли сочинители ихъ неосторожнаго читателя въ крайнее заблужденїе? Отъ нихъ въ древнїя времена разпространялося, и утверждалося языческое многобожїе. На конецъ бываютъ многїе и такїе писатели, кои впадши въ суевѣрїе причины истинныя приключенїй отъ насъ скрываютъ, и врезъ сїе подаютъ намъ поводъ о справе-

дливости всей своей исторіи сомнѣваться. Ложь дѣло безчестное во всякомъ человѣкѣ, а наипаче въ сочинителѣ исторіи для того, что онъ долженъ писать съ однимъ только симъ намѣреніемъ, чтобъ читателей пользовать, и примѣрами невымышленными, да самою вещію въ семъ свѣтѣ бытіе свое имѣвшими, учить ихъ добрымъ послѣдовать, а худыхъ убѣгать, чтобъ не впасть имъ въ подобныя, которыя онъ представляетъ, нещастія. Да чѣмъ бы могла разнствовать отъ басни исторія, которую Цицеронъ свѣтомъ правды называетъ? чѣмъ была бы она отмѣнна отъ слова похвальнаго? Воистинну ничемъ. Весьма погрѣшаетъ тотъ, кто не разсуждаетъ, что иныя стихотворецъ и слóва похвальнаго писатель долженъ имѣть прáвила, а иныя сочинителю исторіи наблюдать прилично. Стихотворцу одинъ данъ сей законъ: писать то, что онъ заблаго разсудитъ. Не стыдно Овидію говорить, что Артемида въ оленя превратила Актеона за то, что онъ будучи на ловлѣ засталъ ее въ Гаргафійской долинѣ въ самое то время, когда она мылася, и что его потóмъ свои же собственныя разтерзали собаки. Никто не будетъ охуждать сочинителя слóва похвальнаго въ томъ, что онъ Героя

роя своего всѣми добродѣтелями, всѣми дарованіями украшаетъ, не упоминая его погрѣшностей. На противъ того ежели историкъ подражая сочинителю слова похвальнаго подобное употребитъ ласкательство, или послѣдуя стихотворцу станетъ разсказывать превращенія, не будетъ ли сочиненіе его баснею безъ стопъ и Риѳмъ составленною? Древніе Персы по свидѣтельству славнаго писателя Иродота ничего за бо́льшее безчестіе не почитали какъ ложь. И для того между прочими похвальными законами и премудрыми учрежденіями имѣли они обыкновеніе молодыхъ людей отъ шестаго по двадцать первой годъ возраста ихъ ничему не обучать, кромѣ сихъ трехъ вещамъ: ѣздить верьхомъ, стрѣлять, и правду говорить. Первыя два упражненія дѣлали ихъ безъ сомнѣнія бодрыми, храбрыми и къ защищенію отечества отъ нападенія непріятелей способными, а второе честными и добродѣтельными. Кто привыкнетъ лгать, тотъ при всякомъ случаѣ обидѣть, и гдѣ пользу свою видитъ, вредъ другому причинить не постыдится, почитая за великое остроуміе свое, что онъ могъ хитростію и лукавствомъ своимъ побѣду одержать надъ простосердечіемъ че-

ловѣка, кромѣ злобнаго сердца, во всемъ себѣ подобнаго. Природа влила въ сердца наши любовь къ намъ самимъ, того ради мы имѣемъ превеликое отвращеніе отъ тѣхъ, кои насъ обижаютъ. Кто намъ лжетъ, или насъ обманываетъ, тотъ намъ несносную дѣлаетъ обиду, потому что онъ намъ безуміе, только непрямо, да скрыто приписываетъ. Отъ сего происходитъ, что всякому честному человѣку нѣтъ лжи и обмана противнѣе. Примѣромъ быть можетъ намъ Рямской знатной дворянинъ, и Августу Кесарю не только другъ, да и ближней родственникъ, Титъ Помпоній Аттикъ, которой не только лжи самъ не говаривалъ, да и отъ другихъ слышать не хотѣлъ. Епаминондъ такожде, славной Ѳивейской полководецъ, такъ любилъ истинну, что и въ шутки солгать за нарушеніе совѣсти и чести своей почиталъ. Немень-шую похвалу заслужилъ и Филиппъ Царь Македонской, хотя и великой ласкательства любитель, за то, что онъ часто правду наблюдалъ, слушая Аристотеля прилѣжно и терпѣливо, когда онъ подавалъ ему наставленіе въ правленіи. О семъ же Царѣ пишетъ Еліанъ, что онъ одержавъ побѣду надъ Аѳиняиами при Херонѣи, знатной показалъ умѣренности

ности примѣръ, опредѣля сѣ того времени нарочнаго человѣка на то , чтобъ онъ ему на всякой день трижды напоминалъ правду сими словами : Помни Филиппъ, что ты человѣкъ. А что и сынъ его Александръ великой , былъ подражателемъ отцу своему въ сей добродѣтели , изъ слѣдующаго заключить можемъ. Когда Аристовулъ поднесъ ему сочиненїе свое о поединкѣ съ Царемъ Поромъ , коего никогда не бывало , и сталъ въ немъ читать то мѣсто , которымъ онъ думалъ у Александра великую себѣ заслужить милость , описанїемъ чрезвычайной и невѣроятной его храбрости ; то вырвалъ онъ унего изъ рукъ помянутую книгу , и бросилъ въ рѣку Идаспъ , по которой они тогда ѣхали , учинивъ ему притомъ сей грозной и весьма остроумной выговоръ : Надлежало бы и съ тобою Аристовулъ равнымъ образомъ поступить , за то , что вмѣсто меня самъ ты вышелъ на поединокъ съ Царемъ Поромъ , и толикое число слоновъ перекололъ. О слова толь славнаго Государя до небесъ возвышающїя ! Слова приносящїя ему безсмертїе ! Толикой же важности преизрядное , и справедливое мнѣнїе древняго Философа Пиѳагора , которой говоритъ , что мы ничѣмъ

инымъ

инымъ на Бога непохожи какъ правдою.

Не такъ трудно узнавать ложь въ Философіи, Математикѣ и прочихъ наукахъ, кои основаны на несомнѣнныхъ правилахъ и доказательствахъ. Напротивъ того Исторія въ семъ случаѣ часто великой претерпѣваетъ недостатокъ, по причинѣ той, что она зависитъ только отъ одной искренности писателя, слѣдовательно въ ней одни вѣроятныя доказательства имѣютъ мѣсто. Ежели бы писатели исторіи имѣли искренность и несуевѣрное Богопочитаніе, то предлагали бы они намъ всегда самую истинну, и тѣмъ бы отъ великаго труда насъ свобождали. Не надобно бы намъ тогда, пользуяся ихъ сочиненіями, въ памяти имѣть сего правила, которое при чтеніи книгъ историческихъ велятъ намъ наблюдать ученые люди, а имянно: *Должны мы поздѣ искать правды, и стараться всѣми силами открыть истинныя причины приключеній.* Какъ не можемъ назвать того добрымъ воиномъ, который надѣвъ женскую одежду набѣлитъ себя, и нарумянитъ, да тому сіе имя приписываемъ, который при всѣхъ сраженіяхъ показываетъ отмѣнную храбрость и неустраши-

мость;

мость ; такъ и прямымъ исторіи писателемъ не можно назвать того , который въ свою исторію вноситъ изъ другихъ наукъ разныя украшенія , и вымысливъ небылицу , хочетъ оною увеселеніе принесть читателямъ. Плиній говоритъ справедливо , что исторія , какъ ни написана , возбуждаетъ въ сердцахъ нашихъ увеселеніе. Сказываютъ о Лисандрѣ Лакедемонскомъ Адмиралѣ , что онъ изпорченную и весьма худую имѣя совѣсть , думалъ : будто бы добродѣтель и всѣ наши должности одни только пустыя имена , отъ сумозбродовъ вымышленныя. Не почиталъ онъ за порокъ при всякомъ случаѣ ложь и обманъ употреблять. Приносилъ въ жертву совѣсть свою правдѣ , и искренности , поколику она ему была полезна. Ежели же она противилася пользѣ его , то предпочиталъ ей полезное , нимало не сумнѣваяся. Однимъ словомъ : Дорогое его мнѣніе состояло въ томъ , что правда не имѣетъ никакого надъ лжею преимущества. И когда нѣкоторые ему представляли , что не прилично тому , которой мужественнаго Ираклія между предками своими считаетъ , обманъ , хитрость , и ложь употреблять ; на то онъ, показывая свое остроуміе, съ усмѣшкою

кою отвѣтствовалъ ; гдѣ львиной кожи не достаетъ, тамъ можно кусокъ лисьей вставить, то есть: Когда въ силахъ недостатокъ, тогда обманъ, коварство и ложь, добродѣтель. Можетъ быть сыщется какой нибудь подражатель сему въ родѣ человѣческомъ уроду, который будетъ говорить, что писатель исторіи для пользы или своей, или читателя, ложными повѣстьми можетъ дополнять книгъ своихъ недостатокъ. Но такой кажется мнѣ, недостоинъ учтивѣйшаго отвѣта какъ сего ; то есть, ежели ему сказать : Что онъ подобенъ тому ослу, который оставивъ сѣно, овесъ, ячмень, пищу отъ естества ему данную, сталъ по свидѣтельству Лукіана, ѣсть смоквы приготовленныя для господина своего Филимона, комедіи сочинителя, и побудилъ его, лежавшаго не далеко на постелѣ къ толь чрезмѣрному смѣху, что онъ позвалъ слугу своего, и на силу могъ выговорить, чтобъ онъ еще виномъ сего дорогаго гостя поподчивалъ, напослѣдокъ отъ смѣха будучи девяносто седьми лѣтъ задушился, и умеръ. Достоинъ по истиннѣ и сей человѣкъ посмѣянія, какъ такой, который оставивъ добродѣтель, правду и искренность, отъ порока пользу по-

получить надѣется , не разсуждая , что ложь никогда совершенной пользы не приноситъ. Кто лжетъ добровольно, тому никто , хотя и правду станетъ представлять , ни въ чемъ не вѣритъ , а кто принужденъ неправду говоритъ , того надобно почитать въ числѣ ума лишенныхъ. Историкъ не долженъ быть подобенъ живописцу , которой изображая непригожаго лицемъ придаетъ ему болѣе краски или бѣлости , и во всемъ наблюдая пропорцію , скрываетъ его безобразіе. Писателю исторіи надлежитъ подражать судьѣ , и наблюдать правду , что онъ легко исполнить можетъ , ежели будетъ имѣть сіи двѣ главныя добродѣтели , искренность и несуевѣрное богопочитаніе.

Николай Мотонисъ.

III. О ПЕРЪ-

III.

О ПЕРЬВОНАЧАЛІИ И СОЗИДАНІЙ

МОСКВЫ.

ВОзшелъ на престолъ великаго княженія въ Россіи на мѣсто Родителя своево Владимира Всеволодовича Мономаха, Георгій, проименнованный Долгорукій. Престольный городъ былъ Кіевъ. Старшаго сына своево Андрея, наименованнаго Боголюбивымъ, отдѣлилъ онъ, и поставилъ Государемъ Суздаля и Владимира. Шествуя посѣтить сына своево ко Владимиру, увидѣлъ онъ на пути по обѣ сторóны Москвы рѣки прекрасныя сéла принадлежащія богатому Боярину Степану Ивановичу Кучкý. Сей Бояринъ не здѣлалъ пристойнаго Великому Князю, пришедшему въ ево вотчины, почтенія; и говорилъ о немъ гордяся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, за что Великій Князь повелѣлъ ево привести предъ себя, а потóмъ казнити смертью:

смертью. Услышавъ о неутолимомъ дѣтей его стенаніи, не утѣшно оплакивающихъ кончину отца ихъ, сжалился надъ ними и съ отмѣннымъ почтеніемъ отослалъ ихъ къ сыну своему во Владимиръ. Кучкóвы сыны были хороши собою, а дочь ево прекрасна. Сынамъ имена, старшему, Петръ, младшему Іоакимъ. а сестрѣ ихъ имя Улита. Возшедъ на гору, гдѣ нынѣ Кремль, и обозрѣвъ около рѣкъ Москвы и Неглинной лежащія прекрасныя мѣста, возлюбилъ Великій Князь сіе мѣстоположеніе, и повелѣлъ построить тамо деревянный городъ, и назвать по имени Москвы рѣки, Москвою. А въ имя сына своего Андрея именованнаго прежде Китаемъ, повелѣлъ онъ построить городъ у Москвы рѣки, гдѣ нынѣ Знаменской монастырь, назвавъ оный Китаемъ. По семъ Великій Князь отходитъ во Владимиръ, и сына своего Андрея Боголюбиваго сочетаваетъ съ дочерью Кучкóва, и взявъ ихъ съ собою отходитъ въ Кіевъ. Тамо сгодъ времени поживъ, Великій Князь Георгій преставился, давъ о населеніи Москвы сыну своему Андрею завѣщаніе, который престольствуя во Владимирѣ, о населеніи Москвы, по завѣщанію отца своего край-

не старался, а паче о созиданіи церьквей и о иконномъ украшеніи; и взявъ изъ Кіева икону Пресвятыя Дѣвы написанную Лукою Евангелистомъ, полученную прежде изъ Царя Града, и украсивъ оную драгоцѣннымъ каменіемъ и жемчугомъ, золотомъ и серебромъ, состроилъ въ Москвѣ каменную церьковь въ честь Успенія Пресвятыя Дѣвы и сію икону поставилъ во ономъ храмѣ, позлативъ верьхи ево, давъ лучшія къ нему сёла и всего збора десятую часть. Но сія церьковь не та, которую мы нынѣ видимъ подъ именемъ Успенскаго собора. Великій Князь Андрей поживъ довольное время съ женою своею и имѣвъ отъ нея сыновъ во младости померших оставилъ житейскія попеченія, не прикасаяся болѣе супругѣ своей, и презирая всегдашнія докуки ея о должности супружества, огорчилъ жену свою, и возобновилъ досадующее въ ней воспоминовеніе о смерти учиненной, отцемъ его, отцу ея. Она согласившися съ братьями своими живущими при Великокняжескомъ дворѣ въ великомъ почтеніи, чтобъ отцовой смерти учинить отмщеніе, которыя во время ночи, вшедъ съ оружіемъ въ ложницу ево, по наставленію злоковарныя сестры своей, спя-

спящаго ея супруга умертвили. Пришедъ изъ Кіева во Владимиръ братъ его Великій Князь Всеволодъ, и побивъ убійцовъ брата своего, приказалъ тѣла ихъ бросить въ озеро, а наставницу сего убійства живу на вратахъ повѣсивъ изъ луковъ разстрѣлять, для устрашенія подобнымъ ей злодѣямъ. Отъ начатія великимъ Княземъ Георгіемъ Москвы, до дней Московскаго Князя Даніила Александровича четвертаго сына Великаго Князя Александра Невскаго, продолжалося времени, сто пятьнатцать лѣтъ. Князь Даніилъ, послѣдній сынъ отца своего, осталася двухъ лѣтъ по преставленіи Александровомъ, который по возрастѣ своемъ, пришедъ изъ Владимира на Московскія поля, полюбилъ сіе мѣстоположеніе, какъ прежде того Великій Князь Георгій. Начатаго повелѣніемъ Георгія города, населяемаго переведенцами, какъ по многому видно, болѣе не было. Можетъ быть остались онаго нѣкоторыя небольшія слободы, которыя недостойны были примѣчанія. Гдѣ нынѣ Кремль, тамо стоялъ темный, и непроходимый боръ: Въ ономъ бору было великое и глубокое болото, посреди котораго лежалъ маленькій островокъ: на немъ была по-

строена хижинка, а въ ней жилъ пустынникъ именемъ Букалъ. По имени его называлася сія хижинка: Букалова хижина. На мѣстѣ семъ нынѣ дворецъ, а гдѣ хижинка стояла, на самомъ томъ мѣстѣ поставилъ Князь Даніилъ деревянную Преображенія Господня церьковь; вкругъ сего мѣста построилъ онъ дубовую ограду, и городъ нарекъ, какъ и Георгій, по имени рѣки, Москвою. Въ пятый день по прибытіи своемъ на Московскія поля, Князь Даніилъ обѣзжая и озирая мѣстоположенія, наѣхалъ горы и въ горахъ тѣхъ хижинку, а въ ней живущаго пустынника, родомъ Римлянина, именемъ Надона; и восхотѣлъ на мѣстѣ томъ себѣ домъ поставить; но пустынникъ далъ ему совѣтъ построить тамо домъ Божій. Когда родилися Князю два сына близнецы, и первому дано имя Алексѣй, случилося отъѣхать Даніилу со сто верстъ отъ Москвы, и нашелъ онъ въ пустомъ мѣстѣ малый островъ и на немъ хижинку, а въ ней пустынника мужа престарѣла и весьма хорошаго житія, родомъ Иверянина, именемъ Сара. Тамо состроилъ онъ городъ, въ 29 лѣто владѣнія своего, и нарекъ по имени сына своего Алексиномъ. Въ тожъ лѣто пришелъ къ

нему

ему изъ Греціи Епископъ Варлаамъ, и съ собою принесъ на посвященіе церквамъ многія части нетлѣнныхъ тѣлъ угодниковъ Божіихъ. Тогда Князь Даніилъ повелѣлъ ему освятить церковь на горахъ Донскихъ. Горы по крутости мѣстъ нарекъ они Крутицами, а Варлаама Владыкою Сарскимъ, Донскимъ, Крутицкимъ. Внизъ Москвы рѣки создалъ Князь Даніилъ по имени своему монастырь Даніила Столпника, въ которомъ и самъ постриженъ былъ, и погребенъ внѣ церкви. По немъ восприялъ Московское Княженіе сынъ его Великій Князь Іоаннъ Даніиловичь. Сей создалъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы. Сія церковь не та еще, которая нынѣ Успенскимъ соборомъ именуется. Митрополитомъ тогда былъ Петръ, въ Московскомъ соборѣ опочивающій. Гдѣ была Даніиломъ поставлена древяная церковь Преображенія, тамо при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Даніиловичѣ поставлена каменная, которая нынѣ внутри дворца, и нарицается Спасъ на бору. Послѣ былъ при ней монастырь, гдѣ нынѣ дворецъ. Потомъ построенъ деревянной городъ Кремль. Въ то жъ лѣто Великій Князь поставилъ на площади церковь Архангела Михаила, которая Архангельскимъ соборомъ именуется.

нуется. Великій Князь Іоаннъ Данїиловичь преставился, и погребенъ въ церкви Архангела. Возшелъ по немъ на престолъ сынъ его Іоаннъ. Митрополитомъ былъ при немъ Алексѣй, опочивающій въ Чудовѣ монастырѣ, имъ самимъ созданнымъ, на которомъ мѣстѣ былъ прежде дворъ Татарскихъ Посланниковъ. Потомъ поставленъ каменной Кремль. Преставился Великій Князь Іоаннъ Іоанновичь. По немъ возшелъ на престолъ сынъ его Димитрій Іоанновичь нареченный Донской, отъ побѣды надъ Мамаемъ полученныя въ день Пророка Елиссея, во имя котораго, для воспоминовенія тоя побѣды построена имъ церьковь. Во время владѣнїя Димитрїя Донскаго, преставился Алексѣй Митрополитъ. Въ его владѣніе жилъ Чудотворецъ Сергій Радонежскій, основатель Троицкаго монастыря. По немъ сѣлъ на престолъ сынъ его Василій Димитрїевичь. По немъ сынъ его Василій Василїевичь. По немъ возшелъ на Московскій престолъ сынъ его Іоаннъ Василіевичь, нарицаемый гордый. При немъ заложена на площади большая церьковь Успенїя богородицы, которая и донынѣ пребываетъ. Сія церьковь есть нынѣшній Успенскій Соборъ. Сей Великій Князь создалъ городъ

Кремль

Кремль больше стараго пространствомъ, призвавъ Архитекта изъ Медіолана, котораго въ Москвѣ называли Петромъ Антоновымъ сыномъ. Прозваніе ему, не знаю, испорченнымъ ли нарѣчіемъ или подлиннымъ Сонари, ему же прозваніе Фрязинъ, которое отъ Русскихъ конечно для того дано ему, что въ тогдашнія времена, чужестранныхъ иногда общимъ именемъ Фрязями называли. Сей Архитектъ въ началѣ заложилъ стѣны отъ Москвы рѣки и Тайникъ у водяныхъ воротъ, которыя называются Тайницкими. Слово *тайникъ* по мнѣнію моему знаменуетъ здѣсь тайное или потаенное мѣсто, какъ и само мѣсто сево Тайника, такъ же и расположеніе окольнаго строенія о томъ увѣряютъ, двѣ стрѣльницы и двѣ по угламъ башни, Свирловую и другую, и провелъ стѣну отъ стрѣльницы до стрѣльницы и до Боровицкихъ воротъ, нареченныхъ отъ преждебывшаго тамо бора, а потомъ поряду далѣе. Сей же Великій Князь повелѣлъ ему вылить и превеликую пушку, которая и понынѣ въ Москвѣ. Потомъ начали строить Фроловскую стрѣльницу и ворота въ ней, больше старыхъ, стѣны отъ Москвы рѣки и до Неглинной, Никольскія ворота и все то со-

вершилося въ тотъ же годъ, такъ же двои Тайницкіе ворота, и подъ дворецъ погреба съ каменными сводами. Въ тотъ же годъ кромѣ сего многія хорошія зданія повелѣніемъ Великаго Князя совершены. На послѣдокъ посадилъ онъ сына своего Василія Іоанновича при себѣ на престолъ, и того жъ года по многомъ престольнаго своего града украшеніи скончался. Сынъ его Великій Князь Василій Василіевичь повелѣлъ создать Новодѣвичій монастырь, и церьковь соборную въ честь иконы Смоленскія изображающую Пресвятую Дѣву. Первая Игуменья сея обители была Елена Дѣвочкина. А прежде того построены въ едино лѣто при немъ: Церьковь Великомученицы Варвары, на Варварскомъ торгу; дѣлалъ оную Алезвунъ Фрязинъ. Имя сіе кажется испорчено, а прозваніе значитъ то, что онъ былъ чужестранецъ. Строители сея церькви были пріѣзжія гости Бобръ съ братьями. Въ то жъ лѣто каменная здѣлана церьковь Іоанна Предтечи, которая у дворца, бывшая при Петрѣ Митрополитѣ, и Соборною, а при ней Митрополичій дворъ. Церьковь Петра Чудотворца, а при ней монастырь нареченный Высоцкимъ, за Неглинною. Церьковь на Стрѣтенкѣ Введенія

денїя Богородицы. У Фроловскихъ воротъ церковь Аѳанасїя и Кирилла. Великїй Князь Василїй Василїевичь въ монашествѣ и въ схимѣ восприявъ имя Варлаама преставился. По немъ взошелъ на престолъ сынъ ево Іоаннъ Василїевичь трехъ лѣтъ отъ рожденїя своего. Сей Іоаннъ Василїевичь нарицаемый Грозный, построилъ городъ Китай, и взявъ Царства Казанское, Астраханское, и Сибирское, сталъ писаться Царемъ. При немъ совершена Церковь Покрова Богородицы на рву у Спасскихъ воротъ, и освящено на одномъ основанїи храма сего Митрополитомъ Макарїемъ девять церквей. Царь Іоаннъ Василїевичь нареченный въ иночествѣ Іоною преставился. Преемникъ престола, сынъ ево Царь Ѳеодоръ Іоанновичь. Сей повелѣлъ созидать Бѣлой городъ, сїе зданїе совершилося въ семь лѣтъ. Царь повелѣлъ городъ сей называть Царевымъ городомъ, которое имя по времени погибло. Архитектъ Бѣлаго города былъ человѣкъ Русской, прозванїемъ Ѳедоровъ. Потомъ, построена Грановитая палата. Потомъ, повелѣлъ Царь построить каменныя приказы: I. Посольской, II. Разрядъ, III. Помѣстной, IV. Казанской дворецъ, V. Большой приходъ и Новыя

четверти, VI. Стрѣлецкой, VII. Разбойной, VIII. Пушкарской, IX. Ямской, X. Сибирской. По семъ Москва время отъ времени далѣе простиралася, и болѣе украшалася, и пришла до нынѣшняго состоянїя.

Александръ Сумароковъ.

IV.

О ИСТРЕБЛЕНИИ ЧУЖИХЪ СЛОВЪ изъ русскаго языка.

Восприятїе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости, есть не обогащенїе, но порча языка. Тако долговременно портился притяженїемъ Латинскихъ словъ Нѣмецкой, испортился Польской, первый сынъ единаго съ нашимъ отца, а другой тотъ, который нашъ, только съ нѣкоторою отмѣною, почти какую и Россїйскїя области между собою въ нарѣчїи имѣютъ, и какъ портится Нѣмецкими и Французскими словами Русской. Честолюбїе возвратитъ насъ когда нибудь съ сего пути не-

несумнѣннаго заблужденія ; но языкъ нашъ толико сею зараженъ язвою , что и теперь уже вычищать ево трудно ; а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣсколько лѣтъ продлится , такъ совершеннаго очищенія не можно будетъ больше надѣяться. Какая нужда говорить вмѣсто Плоды , Фрукты ? вм : Столовой приборъ , столовой сервизъ ? вм : Передняя комната , Антишамбера ? вм : комната , Камера ? вм : Опахало Вѣеръ ? вм : Епанечка , Мантилья ? вм : Верьхнее платье , Сюртукъ ? вм : Похлебка , Супъ ? вм : Мамка , Гувернанта ? вм : Любовница , Аманта ? въ картахъ вм : Козырь , Король , Краля , Хлапъ , Атуть , Роба , Дама , Валетъ ? вм ? Насмѣхаться , Мокеровать ся ? вм : Похвала , Ложь ? вм : Князь , Принцъ ? вм : Кошелекъ , Бурса ? вм : Уборной столъ , Нахтишъ и Тоалетъ ? вм : Задумчивъ , Пансивъ ? вм : Переписка , Корреспонденція , и еще чудняе , Карешпанденція ? Начальный поваръ , Кихенмейстеръ , и чудняе , Кухмистръ , не отъ поварни, да отъ пирога и Мистръ, вмѣсто Мейстеръ ? вм : Брятовщикъ , изломанно , Фершелъ ? вм : Часть книги , Томъ ? вм : Изданіе книги , Едиція ? вм : Остроумїе , Женй ? вм :

Раз-

Разсужденіе, Бонсанъ? вм: Воспитаніе Едюкація? вм: Великолѣпно, Манификъ? вм: Нѣжно, Деликатно? вм: Страсть, Пассія? Но кто все то перечесть можетъ! Сказывано мнѣ, что нѣкогда Нѣмка Московской Нѣмецкой слободы говорила: Mein мужъ, kam домой, stieg черезъ заборъ und fiel ins грязь. Ето смѣшно; да и ето смѣшно: Я въ дистракціи и дезеспере; Аманта моя здѣлала мнѣ инфиделитѐ; а я а ку сюръ противъ риваля своево буду реванжироваться. Странны чужія слова въ разговорахъ, въ письмѣ еще странняе, а въ печати и того странняе. Что скажетъ потомство! Предки наши нѣсколько Татарскихъ словъ присвоили нашему языку, изъ которыхъ мы ужѐ нѣкоторыхъ не въ силахъ выгнать, напр: Казанъ, Кафтанъ и пр., а въ гораздо прежнія времена вмѣсто, Конь присвоено слово Лошадь, отъ АЛАША, и АТЪ, Мѣринъ, и хотя Мѣринъ по Нѣмецки отъ древняго Скиѳскаго языка называется Wallach; однако мы не отъ древнихъ Скиѳовъ но отъ новыхъ Татаръ приявъ слово Лошадь, Коня, въ нее преобратили; ибо въ Славенскихъ нашихъ книгахъ Конь Лошадью ни гдѣ не называется, и слово лошадь хотя и неисходи-

исходимо нашему языку присвоено, однако всегда пребудетъ словомъ низкимъ какъ кафтанъ и всѣ новыя не къ стати введенныя въ нашъ языкъ дикія слова Отъ Нѣмецкихъ и Французскихъ словъ Русскому языку сея же судьбины ожидать надобно. Греческія слова введены въ нашъ языкъ по необходимости, и дѣлаютъ ему украшеніе, а Нѣмецкія и Французскія намъ ненадобны, кромѣ названія такихъ животныхъ, плодовъ, и протчаго, какихъ Россія не имѣетъ, напр: Рыба Карпъ По сей необходимости и Стерлядь наша на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ Стерлядью, а Соболь Собелемъ называются. Сарделли Каперсы, Оливки, Цитронъ, Апельсинъ, Померанецъ, и пр: А Куликъ Бекасомъ и протчее тому подобное, чужими именами напрасно называются. Греческія слова, какъ напр.: Порфира, Скипетръ, Діадима, имена наукъ, болѣзней и протчія надобныя слова для изъясненія точности потребны нашему языку. Они жъ въ Латинской и во всѣ Европейскія языки войти право имѣли; ибо стараніе Грековъ въ нужныхъ именованіяхъ на верьхъ совершенства взошло, и получило почтеніе восприято быть Римлянами, а потомъ и всею

Евро-

Европою для избѣжанія великія трудности въ изысканіи новыхъ нужныхъ именованій, а нѣкоторыя ихъ слова съ необходимыми и безъ нужды въ чужія вошли языки, и съ необходимыми ради единыя красоты ихъ утвердилися, какъ на нашемъ языкѣ Тронъ; ибо и Престолъ то же знаменуетъ; а притомъ и великолѣпно слышится. Таковымъ образомъ вошло слово Корона въ Русской языкъ, и знаменуетъ то же что и Вѣнецъ. Ради необходимости многія Греческія слова стали быть словами всѣмъ языкамъ общими. И тако воспріятыя Греческія слова присвоены нашему языку достохвально, а Нѣмецкія и Французскія языкъ нашъ обезображиваютъ.

А. С.

V.

О СТИХОТВОРСТВѢ

КАМЧАДАЛОВЪ.

Свобода, Праздность и Любовь, суть источники Стихотворства. Они способы въ изображенiи естества человѣческому остроумiю и въ самой грубой природѣ. Чувствiе человѣческое равно, хотя и мысли непросвѣщенны. Мысли наши единымъ чувствiемъ провождаемы, лутчими словами изображаются нежели искусствомъ, хотя искусство природѣ и весьма потребно. Щастливы тѣ, которыхъ искусство не ослѣпляетъ и не отводитъ отъ природы, что съ слабостiю разума человѣческаго не рѣдко дѣлается. А говоря о стихотворствѣ, которое чистѣйшимъ изображенiемъ естества назваться можетъ, оно всего больше ослѣпленiю искусства подвержено, что ясно доказали старающiяся превзойти Гомера, Софокла, Виргилiя и Овидiя. Останемся лутче въ границахъ природы и разума, и въ мысли таковой,

что

что человѣку человѣчества превзойти не удобно. Природное чувствія изъясненіе изовсѣхъ есть лутчее, чему приобщенная при семъ Камчатская пѣсенка изрядный свидѣтель.

Потерялъ жену и душу,
И пойду съ печали въ лѣсъ:
Буду съ древъ здирать я корку;
И питаться буду тѣмъ,
Только встану я по утру,
Ушку въ море погоню,
И поглядывать я стану,
Не найду ли гдѣ души.

А. С.

* * *

Оглавленіе

I. О польѣ Мѳологіи. Стран 5.
II. О двухъ главныхъ добродѣтеляхъ Историка. Стран. 34.
III. О первоначаліи и созиданіи Москвы. Стран. 48.
IV. О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка. Стран. 58.
V. О Стихотворствѣ Камчадаловъ. Стран. 63.

) ○ (

ТРУДОЛЮБИВАЯ

ПЧЕЛА.

Февраль 1759 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

I.

РѢЧЬ

ПАВЛИНА А САНКТО ІОЗЕФО о томъ, что въ ученіи спѣшить не должно.

Многіе нашего вѣка люди хвалятся, что въ нынѣшнее время столь не трудно стало обучаться свободнымъ наукамъ, что въ немногіе годы и съ самымъ малымъ трудомъ великую въ оныхъ похвалу каждому легко пріобрѣсть можно: А нѣкоторые и дерзновенно утверждаютъ, что человѣческая жизнь не только не коротка, какъ разсуждалъ Иппократъ, къ изученію одной или другой науки, но еще столь долга и немаловременна, что въ оной можно совершить весь тотъ обширной ученія кругъ, которой по Гречески Енкикло-

педïею называется. По ихъ мнѣнïю нынѣ столь много извѣстныхъ и надежныхъ къ ученïю средствъ, толикое множество книгъ, столь публичныхъ гимназïй и знатныхъ училищъ вездѣ находится, что кто не совсѣмъ лишенъ разума, и неподверженъ крайней лѣности, тотъ въ короткое время довольные во всякомъ свободныхъ наукъ родѣ успѣхи имѣть можетъ. Когда все сïе праведно, то я хочу отъ нихъ вѣдать, какимъ образомъ дѣлается, что при такъ легкихъ и удобныхъ къ ученïю способахъ столь мало однакожъ такихъ, кои бы не говорю всѣ науки знали, но въ одной или другой изъ оныхъ предъ прочими имѣли превосходство и первенство? гдѣ нынѣ Платоны, гдѣ Димосѳены, гдѣ Цицероны, гдѣ Плинïи и другïя таковыя преславныя наукъ свѣтила? Безъ сумнѣнïя всякъ видитъ, что общимъ опытомъ опровергается тщетное сихъ людей легковѣрïе, или чтобъ умѣреннѣе сказать, чрезвычайное молодымъ людямъ, кои того и желаютъ, ласкательство. Они сами признаться могутъ, что многихъ трудовъ и великаго прилѣжанïя требуется къ пріобрѣтенïю справедливой похвалы въ наукахъ. И ничего по моему мнѣнïю нѣтъ такого,

что

что бы учащимся молодымъ людямъ болѣе вредило , какъ несовершенное и чрезвычайно спѣшное ученїе ; а естьли въ чемъ другомъ , то конечно въ наукахъ надлежитъ спѣшить медлѣнно , какъ старою Латинскою пословицею говорится. Чего ради послушайте со вниманїемъ всѣ честные юноши , охотно собравшїеся въ сїе почтеннѣйшее мѣсто для возобновленїя начатыхъ вами наукъ. Я для васъ по большой части вступаю нынѣ въ сїе весьма важное дѣло , чтобъ опровергнуть мнѣнїя тѣхъ людей , кои неумѣренную въ ученїи поспѣшность утверждаютъ ; и вы легко , уповаю , познаете , что оной , какъ такой вещи , которая человѣческому разуму заразительный и пагубный вредъ причиняетъ , убѣгать должно.

Но изъ того , что въ самомъ началѣ рѣчи охуждаю я несовершенное и чрезвычайно спѣшное ученїе , пускай никто изъ васъ не заключаетъ , что я согласенъ съ тѣми , кои не гораздо трудным наукамъ весьма долго молодыхъ людей обучаютъ , такъ что по ихъ обученїю кажется для одного Латинскаго языка многихъ лѣтъ , да и цѣлаго вѣка нашего едва довольно. Я не только не хвалю мнѣнїя такихъ учи-

телей , но паче признаваю оное за такое , котораго отнюдь сносить не должно. Ибо есть ли въ примѣръ привесть самую Латинскую Грамматику , то на васъ могу я сослаться , какая польза изъ того несказаннаго множества правилъ, прибавленій , изъясненій и изъятій , которое Грамматики , люди своенравные , выдумали для того , чтобъ малолѣтныхъ дѣтей головы мучить ? какая польза изъ толь многихъ околичностей и подробнѣйшихъ примѣчаній , которыя нечистоту Латинскаго языка въ себѣ содержатъ : но всякія бездѣлицы , надъ которыми бѣдные молодые люди большую вѣка своего половину препроводить принуждены бываютъ ? Пускай только истребятъ когда нибудь изъ Латинской Грамматики всѣ излишества , которыми она наполнена , и издадутъ для малолѣтныхъ дѣтей такую Грамматику , которая бъ тѣсные, какъ въ древнія времена было, предѣлы имѣла : я виноватъ буду , ежели и малолѣтные дѣти съ меньшимъ прилѣжаніемъ и въ самое короткое время не будутъ по Латински обовсемъ говорить свободно и чисто , а не такъ какъ нынѣ по толь многихъ трудахъ и на старость съ великимъ трудомъ слово выговорить могутъ. Все же объ-

явленное

явленное мною о Грамматическихъ обширностяхъ надлежитъ также разумѣть и о Дїалектикѣ, о Фисикѣ, о богословїи и о другихъ высокихъ наукахъ; ибо излишнее умствованїе толикое множество подробностей ввело въ каждую науку, что по мнѣнїю всякаго благоразумнаго человѣка ничего уже кажется нѣтъ полезнѣе и нужнѣе, какъ оныя сократить, и все лишнее изъ нихъ выбросить. Чего ради я никогда не хвалю такихъ Професоровъ, которые по неумѣренной нѣкакой и невоздержной къ ученїю охотѣ, все въ тонкость и пространно изъяснять стараюпся, чтобъ ни о чемъ болѣе не осталось говорить, или думать: И которые не о томъ попеченїе имѣютъ, чтобъ молодымъ людямъ показывать путь къ настоящему и основательному ученїю, но чтобъ разсказыванїемъ многихъ обстоятельствъ и велерѣчїемъ въ великое о себѣ удивленїе привесть слушателей. И такъ когда имъ сїе тщеславїе пріятнѣе, нежели похвала получаемая за хорошее молодыхъ людей наставленїе въ наукахъ, то безъ сумнѣнїя достойны они порганїя.

Но чтобъ возвратиться мнѣ на преждереченное: то слѣдуетъ сказать, что естьли кто изъ васъ думаетъ, что я

недѣльное и маловажное нѣчто говорю, упоминая объ одной или о другой наукѣ, тотъ весьма ошибается въ своемъ мнѣніи. Ибо какъ высота великихъ горъ не гораздо намъ видна бываетъ, когда мы издали на оныя смотримъ, когда же ближе къ нимъ подходимъ, тогда усматриваемъ, сколь онѣ велики, и сколь высоки: такъ почти никто не можетъ видѣть, сколь высокъ и труденъ верхъ каждой науки, ежели издали на оной смотритъ, и не подойдетъ къ нему поближе. Почему я заблаго разсуждаю вкратцѣ объявить о свойствѣ, высотѣ и глубинѣ свободныхъ наукъ. Я не стану прежде говорить о Краснорѣчіи, чтобъ не думали, что я хочу съ особливою похвалою превозносить то, въ чемъ самъ упражняюся, или отъ другихъ требовать того, чего много во мнѣ не достаетъ. Многіе вѣдаютъ изъ слушателей моихъ, сколь далеко простирается сія наука. Вѣдаютъ, сколь трудно быть настоящимъ витіею. Къ тому жъ всякъ изъ мудрыхъ наставленій Марка Туллія, Фабія Квинктиліана и Діонисія Лонгина усмотрѣть можетъ, сколь много весьма нужнаго къ совершенному Краснорѣчію требуется. Но во первыхъ предложу я о Философіи. По истинѣ

тру-

трудно изобразить, какую обширность имѣетъ сія наука, и сколь много частей и членовъ, на которыя она, какъ великой ученія составъ, раздѣляется, и которыя многоразличныя ученія въ себѣ содержатъ. Ибо не упоминая о Дїалектикѣ, которая многія тонкости и затрудненія въ себѣ имѣетъ, коликаго разума и труда требуется къ тому, чтобъ всѣхъ вещей, которыя мы видимъ, и которыя на землѣ или въ водѣ родятся, или на воздухѣ отъ сраженія стихій произходятъ, сокровенныя и неизвѣстныя причины изъискивать? сколько въ испытаніи естества есть тайностей, о которыхъ какъ мнѣнія древнихъ Философовъ познавать, такъ и опыты новѣйшихъ не однократно повторять должно? И подлинно никого по сіе время не было, кто бы магнитнаго камня къ небесному полусу обращеніе, происхожденіе источниковъ, чрезвычайное рѣкъ стремленіе и силу, и другія весьма многія тому подобныя вещи точно рѣшить, или ясно доказать могъ. А ты лишь только услышалъ нѣсколько мнѣній о матеріи и формѣ, лишь только узналъ поверхность нѣкоторыхъ о числѣ и порядкѣ причинъ неважныхъ вопросовъ, вдругъ называешъ себя Фи-

сикомъ и всей натуры истолкователемъ? О вы глупые Димократы , Платоны и Аристотели , столько лѣтъ съ крайнимъ прилѣжаніемъ и неусыпнымъ трудомъ въ Философіи упражнявшіеся! смотрите, мы имѣемъ молодыхъ людей , которые въ немногіе мѣсяцы , и какъ будто играя , всему тому научаются , къ чему вы цѣлой , да еще и долгой вѣкъ недовольнымъ почитали. Сіежъ въ самомъ дѣлѣ было , что Ѳемистоклъ , Философъ извѣстной, который сто семь лѣтъ жилъ , и употребивъ почти всѣ сіи годы на упражненіе въ Философіи , при смерти , какъ объявляютъ , сказалъ слѣдующее : Я сожалѣю , что тогда умираю , когда нѣсколько началъ было успѣвать въ Философіи.

Но они напротивъ того говорятъ : глубочайшее натуры знаніе оставляемъ мы для тѣхъ , которые всю жизнь въ такихъ наукахъ провождать время имѣютъ , а для насъ какъ поспѣшающихъ къ высокимъ наукамъ : къ Юриспруденціи , къ Медицинѣ , къ Богословіи , довольно и того , чтобъ знать нѣкоторыя оныхъ начала. Весьма изрядно. А Метафисика , которую благоразумные люди толь высоко почитали , и Ѳеика, которая всегда за наставницу въ нравахъ и

въ гражданскомъ житіи признаваема была, развѣ со всѣмъ излишны? Чего ужѣ болѣе? Когда таковыя похвальныя науки почитаютъ, какъ будто за происходящія отъ праздности упражненія, и какъ вымыслы праздныхъ людей пренебрегаютъ, и не хотятъ знать оныхъ. По сему не для чего было премудрому Сократу столь много разсуждать о добродѣтеляхъ и порокахъ: не для чего было Платону и Аристотелю столь великія книги о каждой Философіи части оставлять потомству, ежели въ нихъ ничего превосходнаго и полезнаго не находится. Пускай же сіи въ наукахъ ристатели прилетятъ къ Медическому факультету. Я думаю, что они Греческой языкъ, отъ котораго самая Медическая наука имѣетъ свое начáло и приращеніе, совершенно знаютъ. Но весьма сумнительно, чтобъ и Латинской разумѣли довольно. Движенія небесныхъ тѣлъ гораздо, уповаю, имъ извѣстны, и вѣдаютъ они, какую силу оныя тѣла имѣютъ надъ нашими земными. Что нужды, говорятъ они, Медику до небесныхъ свѣтилъ? Мы болѣзней начáло и къ излѣченію оныхъ способы, а не восхожденіе и захожденіе свѣтилъ небесныхъ изыскиваемъ. Напротивъ того

Ипо-

Иппократъ и Галинъ, начальники Медиковъ, утверждаютъ, что Астрономіи знаніе весьма нужно для того, чтобъ вѣдать, когда приниматься за лѣченіе, и когда нѣтъ, для распознанія въ болѣзняхъ смертныхъ, или для жизни неопасныхъ признаковъ, такожъ для предсказанія добрыхъ или худыхъ слѣдствій. И конечно нельзя вкратцѣ изъяснить, сколь много различнаго знанія требуетъ сія наиопаснѣйшая всѣхъ прочихъ наука; ибо кто не знаетъ, какъ тѣсно сопряжено врачебное искусство съ Анатоміею, съ Ботаникою, съ Оптикою, съ Механикою и съ другими свободными науками? А есть ли оныя пренебрегать, то никакое горшее бѣдствіе и плачевнѣйшее злоключеніе обществу быть не можетъ; потому, что люди ни одной изъ тѣхъ наукъ неучившіеся безразсудно отваживаются употребленіе и практику имѣть въ такой наукѣ, которая сама собою весьма опасна будучи, становится всѣхъ вредительнѣе, когда въ дѣйство производится. И для того никто не имѣетъ причины удивляться, что въ нынѣшнее время при толикомъ Медиковъ множествѣ всѣ одного изъ нихъ имѣть желаютъ. Но я уже больше, нежели хотѣлъ, говорилъ о такихъ

кихъ людяхъ, съ которыми въ сраженіе вступать весьма опасно. Довольно для меня того, чтобъ всякому показать, что Медицина есть весьма многотрудное дѣло, и что никого, хотя бы и превосходнымъ разумомъ одаренъ былъ, не будетъ такого, кто бы въ короткое время, или съ малымъ трудомъ могъ пріобрѣсть то, о чемъ въ прежнія времена люди чрезвычайнаго разума и науками весьма обогащенные, напримѣръ, Гелмонтій, Виллизій, Такеній, Фалопій, Малпигій, Беллинъ и другіе весьма многіе во весь вѣкъ свой старалися.

Теперь къ вамъ обращаю мою рѣчь, прилѣжные и рачительные юноши, собирающіеся въ великомъ множествѣ съ крайнею, какъ я вижу охотою, для слушанія Юриспруденціи въ здѣшнюю Римскую Гимназію. Естьли вы примете въ зрѣлое разсужденіе, сколь искусны и учены были древніе Юриспруденты, и разсмотрите многоразличное знаніе, и о всей древности свѣдѣніе тѣхъ преславныхъ мужей, которые при самомъ возстановленіи наукъ, о приведеніи гражданскихъ правъ въ лучшее состояніе ревностно старалися; то вамъ не трудно будетъ узнать, что предварительно требуется къ совершенному въ Юриспруденціи

денцїи искусству. Ибо всѣ вѣдаютъ, какъ себя въ Греческомъ и въ Латинскомъ языкахъ предуготовили, а потомъ къ Юриспруденцїи приступили: Въ Италїи главнѣйшїй и всѣмъ прочимъ путь показавшїй Юриспрудентъ Андрей Алцїатъ, Тиверїй Децїанъ, Яковъ Менокїй, Гвидонъ Панциролль: Въ Гишпанїи Антонъ Августинъ, Дидакъ Коваррувїасъ, Антонъ Говеанъ, Арїй Пинеллъ: Во Францїи Гвиллїелмъ Будей, Яковъ Куяцїй, Францискъ Дюаренъ, Францискъ Балдвинъ, Антонъ Фаберъ, Петръ Фаберъ: Въ Германїи Цазїй, Сикардъ, Виглїй и другїе весьма многїе. Изъ котораго единодушнаго ихъ и разныхъ народовъ согласїя всякъ можетъ видѣть, что всѣ одного были мнѣнїя, что для прїобрѣтенїя въ гражданскихъ правахъ искуства не довольно слабаго и не далеко простирающагося знанїя Латинскаго языка и тѣни подобнаго Дїалектики разумѣнїя, какъ нынѣ многїе разсуждаютъ; но съ краснорѣчїемъ и другими словесными науками потребно знать Исторїю прежде бывшихъ временъ и состоянїе всякаго народа, потому что Римскїя гражданскїя права, которыя святостїю законовъ и наставленїями, всѣхъ другихъ народовъ установленїя

вленїя превосходятъ , всѣ народныя права и обычаи въ себѣ заключаютъ , какъ о томъ объявляетъ Дїонисїй Готофредъ, человѣкъ высокаго разума , и великую въ Юриспруденцїи похвалу заслуживший. И такъ естьли бы кто изъ толикаго молодыхъ людей множества нашелся такой , которой бы презиралъ Юриспруденцїи изящество и украшенїя , и важность свидѣтельствъ тѣхъ знаменитыхъ мужей , о которыхъ я выше сего изъ почтенїя упомянулъ , ни во чтобъ ставилъ , но паче разсуждалъ бы , что для него довольно знать изъ Юстинїановыхъ наставленїй , или и изъ Пандектъ только то , что наибольше принадлежитъ до судебнаго употребленїя : То я смѣло утверждать могу , что тотъ не Юриспрудентъ , но простой подьячїй и ябедникъ быть можетъ. Я знаю въ семъ городѣ одного человѣка , между адвокатами не послѣдняго, который будучи отъ своего товарища Юриспруденцїи студента вопрошенъ о томъ извѣстномъ гражданскихъ правъ раздѣленїи , по которому Юстинїанъ Кесарь всѣ Римскїя права раздѣлилъ на четыре книги , то есть на Пандекты , Кодексъ , наставленїя и новыя узаконенїя , не зналъ , что отвѣтствовать , и въ такой

кое замѣшательство и недоумѣнїе пришелъ, что какъ бы о нѣкоторой Китайской провинцїи, или о томъ, откуда ключь рѣки Нила происходитъ, вопрошенъ былъ. То ли бы было, естьлибъ такимъ же образомъ человѣку ученому учиненъ былъ вопросъ о двенатцати скрижаляхъ, отъ которыхъ произошли всѣ публичные и приватные законы, объ отвѣтахъ разумныхъ людей и о неписанномъ законѣ, о приговорахъ Римскаго Сената, о опредѣленїяхъ Преторовъ, объ указахъ или грамотахъ Государей? естьли сказать правду, то такїе люди во все недостойны носить на себѣ имя и достоинство Юриспрудента, когда они не знаютъ того, на чемъ основаны законы, а ихъ преизобильныхъ источниковъ и начáлъ нижѐ видѣли. Пускай же все сїе, когда угодно, останется въ небреженїи, ибо мы въ такїя времена родились, въ которыя имя просвѣщенїя подьяческимъ ушамъ противно: но разсмотримъ самую силу и существо Юриспруденцїи. Какую пространную, какую обширную науку составляетъ одно знанїе гражданскихъ правъ? Не упоминая о Каноническомъ правѣ, котораго предѣлы весьма далеко простираются, о безчисленныхъ соборныхъ узаконенїяхъ, и

о толь

о толь многихъ римскихъ Папъ установленіяхъ: что все, какъ всякому видѣть можно, требуетъ чрезвычайнаго и безконечнаго труда, и при долговременной жизни непрерывнаго упражненія. Къ сему надлежитъ прибавить и то, что нынѣ такъ умножились двоякой разумъ содержащія въ себѣ мнѣнія ученыхъ людей, что едва ихъ только однихъ большая библіотека вмѣстить можетъ. И когда сіи мнѣнія потребно будетъ изслѣдовать, и ложныя оныхъ толкованія исправить, то всякому легко понять можно, что къ тому всю силу разума и наивящшій трудъ употребить должно. При такихъ обстоятельствахъ желалъ бы я, чтобъ какой нибудь молодчикъ, изрядно убравшись и напудривъ волосы, пришелъ въ судебное мѣсто для производства нѣкоего дѣла, и имѣя весьма малое о законахъ и судахъ понятіе, осмѣлилсябъ назвать себя Юриспрудентомъ, и думалъ бы про себя, что онъ всю Юриспруденцію, сколь она ни велика, пожралъ въ трои сутки. Правда, что такое дерзновеніе для несовершенныхъ лѣтъ простить ему можно, однако тому довольно надивиться не могу, естьлибъ кто сыскался толь безуменъ, чтобъ поручилъ дѣло сему ничего не-

знающему молодому человѣку. Ибо кто не вѣдаетъ, что тотъ, кто сіе здѣлаетъ, и имѣніе свое разоритъ, и самаго себя съ дѣтьми въ крайнее нещастіе ввергнуть можетъ? Такъ какъ тѣ погибнуть должны, кои подъ предводительствомъ безразсуднаго и неискуснаго полководца съ непріятелемъ въ сраженіе вступаютъ. А молодые люди, кои такъ мало будучи обучены, вступаютъ въ исправленіе судебныхъ дѣлъ; пускай берегутся того, чтобъ не умѣренно спѣша въ своемъ пути, не пожже оной, по старой Латинской пословицѣ, окончили. Въ чемъ весьма имъ приличествуетъ блаженнаго Августина въ словѣ на Петиліана благоразумное изреченіе, что съ тѣми, кои чрезвычайно спѣшатъ, иногда случается, что они или платье наизнанку надѣваютъ, или сапоги обуваютъ не такъ, какъ надобно, отъ чего потомъ въ пути дѣлается имъ остановка и медлѣніе.

Теперь я вкратцѣ объявляю о Богословіи, изъ чего и о прочихъ наукахъ довольно заключить и разсуждать можно будетъ. Мы Богослововъ толь малое число видимъ, что есть ли изъ сего не неприлично выводить Божественной сей науки трудность, то всякъ легко по-

понять можетъ, что сколько Богословїя превосходитъ прочїя науки обширностїю и достоинствомъ, столько она предъ другими и разума и труда требуетъ; ибо естьли мы учинимъ вѣрной щетъ, то изъ безчисленнаго почти множества духовнаго чина людей, которые нынѣ единственно въ оной наукѣ упражняются, весьма не многїе найдутся такїе, кои бы толь пространной науки, не говорю всѣ члены и части, но частей нѣкоторые артикулы совершенно разумѣли. Развѣ можетъ быть назоветъ кто Богословами нѣкакихъ упорныхъ и тонкоумствующихъ любопрителей, которые не имѣя никакого понятїя о сокровеннѣйшихъ священнаго писанїя тайнахъ, и ни чего не зная ни изъ церковной исторїи, ни изъ книгъ святыхъ отецъ какъ Греческихъ, такъ и Латинскихъ, всякое дѣло по примѣру дїалектиковъ доказываютъ словопрѣнїями и криками. Но таковыхъ Мелхїоръ Канусъ, человѣкъ достоинствомъ и ученїемъ весьма знаменитой, изслѣдовавъ ихъ недостатки изключаетъ изъ числа Богословъ. Послушайте свидѣтельства сей совершенно ученой духовной особы. Я знаю, говоритъ онъ, что въ училищахъ были нѣкоторые новопроизведенные Богословы,

кои всѣ Богословскіе вопросы ни къ чему годными доказательствами рѣшили, и много силы у весьма важныхъ матерій отняли пустыми и неосновательными разсужденіями, издавъ на Богословію комментаріи, едва достойные и того, чтобъ оные бабы старухи читали; и хотя въ сихъ комментаріяхъ изъ священнаго писанія свидѣтельствъ весьма мало, о соборахъ вовсе не упоминается, ничего изъ книгъ древнихъ отецъ, ничего изъ философіи не видно, но все походитъ на ученіе малолѣтныхъ дѣтей; однакожъ сочинители оныхъ по Божіему попущенію Богословами называются. Изъ котораго достовѣрнѣйшаго засвидѣтельствованія кто не можетъ ясно видѣть, сколь многія подкрѣпленія должно имѣть тому, кто причтенъ къ сему почтеннѣйшему Факультету? Безъ сумнѣнія надлежитъ при томъ имѣть долговременной трудъ и немалое прилѣжаніе для пріобрѣтенія толь многаго знанія, безъ котораго никто Богословомъ по справедливости назваться не можетъ. И естьли мы прилѣжнѣе разсудимъ о тѣхъ здравыми и благоразумными разсужденіями наполненныхъ книгахъ, которыя въ прошломъ вѣкѣ въ честь наукамъ оставили Белларминъ, Сирмондъ,

Пе-

Петавїй , Алфонсъ а Кастро , Мелхїоръ Канусъ , Томассинъ , Наталисъ , Александръ и другїе весьма многїе , кои о Богословскихъ дѣлахъ остроумно и основательно писали , то мы совершенно узнаемъ , что упражненїе въ такой наукѣ многихъ лѣтъ и долговременной жизни требуетъ. Но по что мы долго разсуждаемъ о высокихъ наукахъ , когда видимъ , что для нашихъ не столько трудныхъ , которыя называются словесными , толь много разума и времени требуется ? Ибо кромѣ общаго почти о всѣхъ прочихъ наукахъ понятїя , которое для оныхъ необходимо нужно , кромѣ знанїя исторїи оставленныхъ потомству отъ Греческихъ и Латинскихъ писателей , и кромѣ довольнаго о различныхъ вещахъ понятїя , которое на Латинскомъ языкѣ ерудицїею называется ; какого труда стóитъ то , чтобъ прїобыкнуть къ чистому и изрядному слогу рѣчи , узнать разныя онаго свóйства , и умѣть составить слово по многоразличнымъ его родамъ ? Сколь не много всегда было такихъ , кои умѣли свою рѣчь украсить словами и разсужденїями такъ , чтобъ гораздо сходствовало съ изяществомъ и великолѣпїемъ древняго краснорѣчїя ? Чтожъ мнѣ сказать о стихотвор-

творствѣ , о которомъ не напрасно ученые люди сумнѣвалися , природѣ ли или наукѣ , разуму ли , или прилѣжанїю получаемое въ оном искусство приписывать должно ? Не безвизвѣстно намъ , что Виргилїй , который имѣлъ разумъ весьма просвѣщенной и обогащенной почти всѣми науками , семь лѣтъ сряду трудился надъ книгами о земледѣльствѣ. Онъ же двенадцать лѣтъ употребивъ на оные прехвальные стихи , которыми описалъ онъ Енеевы похожденїя , еще однакожъ не признавалъ самъ того времени за довольное , чтобъ сїе вѣчность заслужившее его сочиненїе могло себѣ пріобрѣсть похвалу , и по тому при смерти завѣщевалъ сжечь оное , какъ несовершенное и неисправленное. А Яковъ Санназарїй , стихотворецъ безъ сумнѣнїя преславный , не двадцать ли лѣтъ исправлялъ драгоцѣнныя оныя три книги о рождествѣ Христовѣ отъ дѣвы ? И по тому какъ Зевксисъ, живописецъ весьма знаменитой , будучи нескоръ и медлителенъ въ живописи картинъ , обыкновенно говаривалъ , что онъ долго пишетъ по тому , что для вѣчности пишетъ , такъ точно надлежитъ долго и много разсуждать о тѣхъ дѣлахъ, которыя къ вѣчности пріуготовляются , и дотолѣ не

пре-

престать надъ ними трудиться , покамѣстъ оныя совсѣмъ отдѣланы, и каждому вразумительны не будутъ. Чего ради Горацій въ прехвальномъ своемъ и безсмертной славы достойномъ къ Пизонамъ письмѣ весьма часто повторяетъ , что много и не одинъ день надлежитъ чрнить то сочиненіе , которое на свѣтъ выпти имѣетъ : и что оное никогда не можетъ быть исправно и совершенно , естьли на исправленіе онаго довольное время употреблено , и ужѣ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ на свѣтъ выдано не будетъ. А чрезъ сіе разумѣется то , что безъ крайняго труда и прилѣжанія , никто въ наукахъ знатнаго имени не получаетъ, и что до справедливой оныхъ похвалы , какъ многіе симъ безумно хвастаютъ , въ немногіе годы достигнуть не можно.

Но скажетъ кто , что извѣстной Пикъ Мирандуланъ , который отъ всѣхъ съ удивленіемъ превозносится , и котораго слава никогда не исчезнетъ , въ толь короткое время , живъ всего только около тридцати трехъ лѣтъ , пріобрѣлъ имя и Оратора , и Философа , и Математика , и Богослова великаго : ибо толь много и публичныхъ диспутовъ держалъ , и сочиненій издалъ о матеріяхъ

рїяхъ почти всякой науки. Сїе еще не столь важно, какъ то, что въ прошедшемъ вѣкѣ, не упоминая о древнихъ временахъ, Гугонъ Гроцїй, Данїилъ Гейнсїй, Блазїй Паскалъ въ самыхъ цвѣтущихъ молодыхъ лѣтахъ многїя книги издали на свѣтъ такїя, которыя весьма довольнаго знанїя требуютъ. Я конечно не спорю въ томъ, что Пикъ и многїе другїе были, кои будучи одарены особливою разума остротою, въ весьма немногїе годы достигли до того, чего другїе по долголѣтномъ упражненїи ни какъ получить не могли. Но кромѣ того, что щастїе немногихъ, отнюдь не можетъ служить общимъ для прочихъ примѣромъ; кто не вѣдаетъ, что были изъ ученыхъ и благоразумныхъ людей такїе, кои въ самомъ Пикѣ Мирандуланѣ находили нѣкоторые недостатки, и незрѣлость разума охуждали? По крайней мѣрѣ въ томъ нельзя спорить, что въ его сочиненїяхъ находятся многїе погрѣшности и пороки, которые доказываютъ, что онъ еще не совершенъ былъ въ краснорѣчїи и въ другихъ словесныхъ наукахъ. Что же до прочихъ касается, то правда многїе, кои остраго и скоропостигающаго разума были, въ молодыхъ лѣтахъ прославили себя изданны-

ми

ми сочиненіями : однакожъ въ томъ я несогласенъ , чтобъ въ такихъ незрѣлыхъ плодахъ найдено было совершенство какъ разума , такъ и разсужденія. Но дабы кому не показалось , что сіе мною сказано въ поношеніе , или для умаленія славы великихъ людей , то посмотрите въ исторію о наукахъ. Въ оной увидите вы немалое число весьма ученыхъ людей , кои тѣ самыя сочиненія , которыя они въ молодыхъ лѣтахъ съ чрезвычайною скоростію издали , пришедъ въ совершенной возрастъ , исправили , или и вовсе со стыдомъ уничтожили. Ибо по той исторіи извѣстно намъ , что сіе учинили Лаврентій Гамбара , Петръ Бембъ, Францискъ Петрарха , Торкватъ Тассъ и другіе высокаго разума люди , не упоминая о древнѣйшихъ писателяхъ. Да и нѣтъ причины къ удивленію ; когда мы сами повседневно видимъ , что всѣ тѣ плоды , которые весьма скоро созрѣваютъ, и всѣ тѣ вещи , которыя рано , и какъ будто прежде времени родятся , долго не держатся. Напротивъ того дерева , которыя чрезъ многіе годы въ цѣлости стоятъ , глубоко въ землю пускаютъ корень, не скоро растутъ , и мало по малу приходятъ въ крѣпость и силу.

Изъ чего всего , любезные юноши , для которыхъ я по большой части сіе мое слово предлагаю , можете уже видѣть , что ничего нѣтъ основательному ученію вредительнѣе и непріязненнѣе , какъ неумѣренная въ наукахъ спѣшность. Не надлежитъ бѣжать , но тихо , и съ здравымъ разсужденіемъ продолжать свой путь въ изящнѣйшихъ наукахъ. Довольно скоро , какъ обыкновенно говаривалъ премудрый Катонъ , дѣла дѣлаются , ежели довольно изрядно. Какая вамъ изъ того польза будетъ , что вы скоро окончите начатую вами науку , естьли всѣхъ ея членовъ и частей совершенно и обстоятельно знать не будете , и не ясно поймете , что въ ней прежде , и что послѣ слѣдуетъ? И такъ исправляйте дѣло ваше прилѣжно , и въ которой наукѣ начали вы упражняться , въ оной твердо и постоянно пребывайте , пока мѣстъ ея самымъ дѣломъ не окончите , и тѣмъ себѣ пользы и славы не пріобрящете.

переводилъ Григорей И: С: Полѣтика.

II.

О КОРЕННЫХЪ СЛОВАХЪ
русскаго языка.

ЧТо русской языкъ близокъ отъ своего происхожденія, то отъ множества коренныхъ словъ ясно видно. Сіе языкамъ оставляетъ естественную красоту и великолѣпіе; ибо народы составляющія себѣ языкъ являютъ словами начертаніе естества, и съ мыслію и чувствіемъ сходство произношенія. Гордая вещь получаетъ гордое имя. Нѣжная, нѣжное имя, и пр. Напротивъ того въ языкахъ отдаленныхъ отъ своево происхожденія или изъ разныхъ языковъ составленныхъ сего преимущества нѣтъ. Око, изображаетъ круглость. Дождь, точный шумъ раздробленно лющихся изъ воздуха водъ. Журчаніе, потоки мѣлкихъ струй. Шумъ, великое движеніе возду-

воздуха. Громъ, воздушное движенїе съ трескомъ. Вѣтръ, буря, вьюга, и пр. Тишина, шептать, картавить, кричать, охать, стонать, ревѣть, драть, ласкать, миловать, ублажать, и пр. А коренныя слова нашего языка производными осыпаны, и ежели пространно о томъ писать, великую и весьма полезную о томъ составить можно книгу, а я не имѣя о Етимологїи изъяснять довольнаго времени, изъ сего множества нѣкоторымъ хотя словамъ коснуся, и подавъ или умноживъ охоту Етимологистовъ буду радоваться, ежели кто сей полезный трудъ возметъ на себя. Чемъ долѣ мы того не начинаемъ, тѣмъ больше премѣною реченїй стези испытанїя происхожденїя нашего языка заглаживаются. Древнїя медали любопытныя люди къ изъясненїю древнїя исторїи справедливо драгоцѣнными вещьми почитаютъ, какъ и всякїя древнїя надписи, также столпы, обелиски, зданїя, развалины и проч. Но все то меньше служитъ Исторїи, нежели происхожденїе и древность языка. Русской языкъ произшелъ отъ Скиѳскаго, который кажется мнѣ начался близко источника перьвоначалїя извѣстныхъ языковъ; и хотя Скиѳской языкъ и на много-

многочисленныя нарѣчія раздѣлился, однако сходство съ нашимъ во всемъ ясно видно, какъ съ языкомъ Нѣмецкимъ, который съ нашимъ безъ всякаго сумнѣнія единоутробенъ, по сходству великаго числа словъ и корня ихъ. На примѣръ: Сынъ, Sohn; братъ, Bruder; Сестра, Schweſter; Око, Auge; Лесть, Liſt: Вѣять, Wehen; Блистать, Blitzen; Сердце, Hertz; Брюхо, Bauch; и прочія многочисленныя слова. Не говоря о прочихъ Скиѳахъ возмемъ изъ многихъ нарѣчій какое нибудь тѣхъ народовъ, которыя подъ областію Россіи, и тотчасъ увидимъ сходство съ нашимъ. Напр: Отецъ, Атéй; Коза, Казя; Ушка, Урдя́къ; Бревно, Брена; Цвѣтокъ, Цецéкъ; Столъ, Стель; Гусь, Казъ; Солома, Салáмъ; Бочка, Бúзька; Кадка, Кисьмáкъ; Богатъ, Бай; Скотина, Тварь, по приличію слово Тварь; Волкъ, Бурре, по Нѣмецки преложеніемъ имени Behr Медвѣдь; Колодязь, Кую; Рожь, Арыжъ; Сѣно, Псенъ; Утро, Ирта; Агунъ, Алтаáнъ, и пр. Можетъ быть что изъ сихъ словъ нѣкоторыя чрезъ сообщеніе и изъ Рускаго къ нимъ вошли; однако то моево мнѣнія и доказательства не опровергаетъ. Въ добавку къ сему еще я изъ одиннацати языковъ

Ские-

Скиѳскихъ нѣкоторыя съ нашими словами сходныя слова приобщаю. На всѣхъ почти сихъ языкахъ, Отецъ : Аппай, Ата, баба, бабамъ, по нѣмецки Papa, а слово руское баба вмѣсто отца матери давалось, и попо́мъ отъ матери всѣмъ замужнимъ женщинамъ досталось, что очень видно. Симъ образомъ Туманъ и Thau раздѣлились, Небо и Nebel и Скиѳское имя Волка въ Нѣмецкое имя медвѣдя Behr превращено. Рабенокъ на нѣкоторыхъ Скиѳскихъ языкахъ называется Бала : Отъ сего происходитъ слово Балавать, то есть рабячиться. Гора на нѣкоторомъ Скиѳскомъ языкѣ называется Кирръ. Земля называется по сходству съ Нѣмецкимъ Erde; Геръ, Ерь, Iирь. Сердце, въ нѣкоторомъ Скиѳскомъ нарѣчіи Тшюркъ; Агнецъ, Коози, Коозу отнесеніемъ отъ Коза; Хойбала, Койбала. Слово Кобыла, кажется мнѣ отъ слова Койбала свое наименованіе заимствуетъ; ибо съ именемъ Агнца перемѣшивается баранъ и овца, а родъ сего скота не разбирая пола у насъ и баранами и овцами называется; и такъ можетъ быть Овца приняла имя Агнца а Кобыла имя Овцы, по сходству ихъ содержанія. Пѣтухъ, на нѣкоторыхъ Скиѳскихъ языкахъ называется Курасъ,

Ку-

Кура́зъ , и Кора́зъ , безъ премѣненія пола сходственно со словомъ Курица. Цвѣтокъ, Ци́ска , Цицегъ. Вода , Су : отъ того , See Озеро. Объявивъ о происхожденіи нашего языка , что онъ сынъ языка Скиѳовъ въ древности мужествомъ преславнаго народа , которымъ въ прошедшемъ вѣкѣ безчисленная многонародіемъ Хина покорена , приступаю къ коренным словамъ Рускаго языка. Когда дрова рубятъ , сраженіе де́рева и топора слышится : Рубъ , отъ сего Raub , и глаголъ Рубить , Грубить , Grube , Grab , Grob , Гробъ , Graben , Ровъ , Рвать , Грабить , Korb. Коробъ , Коробить , Корабль , Рабъ , Рабѣть , Рабенокъ. Отъ послѣдняго слога глагола Рубить , Бить. И едва ли не отъ глагола Бить , Любить , Быть , а отъ Быть слѣдственно и Забыть. Сего я послѣдняго мнѣнія не утверждаю , а первое съ довольною вѣроятностію предлагаю. Начто жъ намъ чужія слова вводить, когда мы по естеству и по примѣру предковъ нашихъ , своихъ изъ первоначальныхъ словъ довольно произвести можемъ? Чужія слова всегда странны будутъ , и знаменованія ихъ не такъ изъяснительны , и слѣдственно введутъ слабость и безобразіе въ сильный и прекрасный

языкъ

зыкъ нашъ. А то еще и странняе, когда мы то называемъ, или еще и пишемъ чужестранными словами, чему у насъ есть точныя свои названія, и имѣя древній и несмѣшенный языкъ, портя ево, слова изъ новыхъ и смѣшенныхъ языковъ вводимъ. Нѣмецкой смѣшался съ другими, а Французской родился въ Варварскія вѣки отъ Латинскаго, Гальскаго и Нѣмецкаго. Еще странняе производить изъ Русскаго языка новыя слова, давая имъ непристойныя предлоги, несвойственныя окончанія, перемѣнять ударенія, и производить слова или несвойственное имущія знаменованіе, или противъ естества сложенныя и въ новомъ ббразѣ, никакова знаменованія не имущія, кромѣ тѣни своево перьвоначалія. Таковыя слова безполезно на будущее употребленіе уповаютъ. Они у потомковъ будутъ въ презрѣніи, или попортятъ языкъ, а такая искра, ежели искусными писателями не истребится, можетъ погубить весь нашъ языкъ, чему видно довольно примѣровъ. Отъ чужихъ и не къ стати новоздѣланныхъ словъ погибли Еллинской и Латинской языки. Щастіе только, что они въ книгахъ остались, чево у насъ еще не много. То не такъ удивительно, что сіи достойнѣйшія языки въ наро-

народахъ погибли ; Варвары ихъ поразили. А мы прекрасный свой, по естеству и древности, языкъ вмѣсто того, чтобъ ево вести къ совершенству, сами портить начинаемъ. Французской языкъ всею своею красотою остроумнымъ писателямъ долженъ, а нашъ самъ собою прекраснъ; и ежели умножатся у насъ Стихотворцы и Риторы, а притомъ по времени такое же какъ у Французовъ учредится для исправленія и распространенія языка собраніе, щастливы будутъ писатели потомковъ нашихъ. Обратимся къ кореннымъ словамъ нашего языка. Вѣсть : отъ того Вѣсть и Вѣдомость, Вѣщать. Изъ Обвѣдъ, здѣлано Обѣтъ. Изъ Обвѣщаніе здѣлано Обѣщаніе. Stamm, по русски Пень. Отъ Stamm, Stammen, Stand, Umstand, Zustand, Standhafftigkeit, Stange, Stul, Стать, Стоять, Стонъ, Стóить, Столпъ, Станъ, Стонъ, Ставить, Застава, Поставецъ, Приставъ. Стану, вмѣсто буду. Престать, къ Стати, Ступить, Поступать, Поступокъ, Преступленіе, Степень, Стопа. Сто, то есть по исчисленіи десяти десятковъ остановиться. Ой: Восклицаніе въ болѣзни. Отъ того слово, Вой, Выть, Бой, въ которомъ

словѣ , Литера Б: отъ ударенїя Топора по дереву слуху бїенїе изъясняетъ. Отъ превращенїя Б: въ В: Война. Отъ Бой, Боль , Больше , Болѣзнь. Отъ голоса Рубъ , Б: къ изъясненїю бїенїя взято , а отъ сопряженїя Б: съ восклицанїемъ Ой , рождается Бой и бить. Око: отъ того , Высоко , Глубоко , Низокъ. отъ Ока еще по естественному изображенїю круглости : Около , Околица , Колесо , а отъ того Колесница, Коляска. Укъ: Слово Скиѳское по руски стрѣла. Отъ того съ приставкою литеры Л : выходитъ слово Лукъ. Отъ того по кривотѣ Излучина, Лукавство. Отъ раздѣленїя Лука съ стрѣлою , Разлука , и Разлученїе , по обыкновенїю русскаго окончанїя. Лукъ опять стрѣлою превративъ , Лучъ , по Нѣмецки Strahl. Отъ Стрѣлы Стрѣлять , Строй воинскїй. Строй , приявъ знаменованїе порядка , производитъ слово , Строенїе , Струбъ , Стропило , Строптивъ , будто бы знача порядоченъ , Строгъ , Streng , Strom , Стремленїе. Медвѣдь : Сїе имя знаменуетъ , то , что сей звѣрь вѣдаетъ , гдѣ въ лѣсу медъ. Волкъ отъ Вой , потому что онъ воетъ , или отъ Воя и Алча. Отъ спряженїя словъ Чело и Вѣкъ, рождается слово Человѣкъ. Сѣсть : сѣлъ, Осель ,

Оселъ, Оселокъ, Осада, Садъ, Садить, Садно, Судно, Судъ, по тому что въ немъ сидятъ. Ночь и Нощь, по сопряженіи слова Очи съ литерою Н: пріятою отрицаніемъ: знаменуетъ Нѣтъ Очей, въ разсужденіи Тьмы. Число Пять: отъ Пядь, Пядень, по тому что въ Пядени пять пальцовъ. А Палецъ отъ Палицы, которая происходитъ отъ Палки, а Палка, отъ Balck. Отъ словъ Balck и Палка, Полъ, который стали дѣлать потомъ изъ половины бревна для спокойности. Отъ того Ползать, Поползновеніе, Полъ и Половина, Женскій Полъ: Половина рода человѣческаго; Пола, Полатка, потому что Полы имѣетъ, а отъ Полатки Полаты: Pallaſt; Полотно, Платокъ, Полотокъ, Полно двоякое знаменованіе имѣя: Полно, вмѣсто довольно, чтобъ не превзошло половины, и полно, цѣлый Полъ, то есть замощено все. Плавать: Ползать по водѣ, Плавно то есть какъ по водѣ плывется или равно какъ Полъ. Плавать и Плавно подлинно ли отъ Пола происходитъ, ето только догадка, а протчее подлинно. Дуть, изображаетъ естественно дыханіе, а отъ слова, дуть происходятъ слова: Духъ, Душа, Воздухъ, Отдохновеніе. Русской и Нѣ-

мецкой языки происходятъ безовсякаго сумнѣнія отъ языка Скиѳскаго. Между множества какъ нашихъ такъ и Нѣмецкихъ словъ, сходствующими со Скиѳскими Ort, по руски, мѣсто, называется по Скиѳски, Орынъ. Отъ слова Ort, Ordnung; отъ слова Орынъ, Орда, Джуртъ: дворъ. Мы называемъ Татарскія жилища Юртами, когда они малы, и Ордами, когда они велики. Кому сперьва не дико покажется, что слово Ordre; знаменующее Порядокъ, Приказъ, и присвоенное рускому языку слово Орденъ, отъ Орынъ слова татарскаго происходитъ, а отомъ ни малѣйшаго нѣтъ сумнѣнія. На конецъ перьвоначальное естественное изъясненіе, Буръ, по выговору и слѣдственно по спряженію литеръ произносится сурово, и по тому суровый цвѣтъ конской шерсти знаменуетъ. Отъ слова, Буръ, происходитъ скиѳское слово, Буру́нъ, снѣгъ, а преносительно къ другой непогоди Буря. Отъ Бурь, Бурунъ и Буря, имѣетъ наименованіе, суровый, быстрый и хладный полночный Вѣтръ Борей. Жители благорастворенной Греціи чужой вѣтръ чужимъ словомъ именовали, и отъ которыхъ народовъ дулъ онъ, тѣхъ народовъ нарѣчіемъ и назвали. Нѣсколько

упо-

упомянувъ о коренныхъ нашего языка словахъ пространство нашей Етимологіи предаю на изслѣдованіе другихъ, твердо уповая, что сіе полезное дѣло не единому языку плоды принести можетъ, но и всей о Россійскомъ народѣ Исторіи.

А. С.

* * *

III.

ДОСТОИНСТВА МЕНЬШЕ ПОЧИТАЮТСЯ НЕЖЕЛИ БОГАТСТВО.

Какъ скоро у всѣхъ народовъ истинныя достоинства пришли въ упадокъ, такъ скоро единое богатство все почтеніе получило; и кажется, что можно подумать, что и въ наши времена истинныя преимущества еще не всѣмъ извѣстны, потому что богатство и нынѣ отъ большой части людей предпочитается.

Сія перемѣна произвела великое множество такихъ въ умѣ человѣческомъ нещастливыхъ представленій, которыя изъ особливаго оныхъ изображенія познать можно. Дамонъ, на примѣръ говоритъ,

человѣкъ очень искусной , и при всѣхъ случаяхъ показываетъ свой разумъ и честность ; однако онъ не стоитъ ни копейки. Крисѝнъ на противъ того не имѣетъ ни разума , ни другихъ достоинствъ , только вотъ какое различіе между ими , въ немъ вѣсу сто тысячь рублей ; такъ далеко опошли люди отъ здраваго разсудка и истинной чести , что они разумъ , науки , великодушіе и честность взвѣшиваютъ съ горстью зо́лота , и ево всему предпочитаютъ. Однако когда сія перемѣна воспослѣдовала , съ того времяни истинная высота души , которою толико много великихъ мужей въ древности болѣе себя нежели богатствомъ превознесли , часъ отъ часу неизвѣстняе стала , и съ того жъ самаго времени столь сильно возрасли , ненависть , лихоимство , гордость и сама измѣна.

Прежде нежели буду говорить я о непристойномъ почтеніи приобрѣтенномъ сокровищемъ , долженъ я при семъ случаѣ разсмотрѣть , какъ съ бѣдными поступаютъ. Человѣку скоряе прощаютъ всѣ погрѣшности нежели бѣдность. Сія приводитъ его въ толикое презрѣніе , что его обхожденія такъ боятся , какъ

зарази-

заразительной болѣзни , и двери для него крѣпко запираютъ , которыя отверсты безумію , невѣжеству , и всѣмъ порокамъ , когда только они въ великолѣпномъ образѣ являются. До тѣхъ поръ къ бѣдному человѣку никто не хочетъ приступить , покамѣстъ ево съ посмѣяніемъ не отгонятъ , а когда ево и слушаютъ, такъ дѣлаютъ то съ великою гордостью , которая нещастіе сего бѣднаго человѣка еще болѣе умножаетъ. Очень мало людей сыщется которые бы на его достоинство и способность смотрѣли ; а у большой части людей всѣ тѣ его преимущества , въ самое то мгновеніе ока забываются , въ которое богатство только лицъ покажется. Безчеловѣчное въ томъ удовольствіе находятъ, чтобъ золото предъ глазами бѣднаго всему предпочитать , и презирать ево въ обществѣ богатыхъ. Ежели бѣдной хочетъ что нибудь предложить , то каждой боясь , чтобъ не подумалъ кто , что онъ съ нимъ имѣетъ сообщеніе , будучи глупымъ и свирѣпымъ богачомъ , отвѣчаетъ ему , что онъ ни съ однимъ бѣднымъ быть пріятелемъ не желаетъ. Такъ сурово поступаетъ сія тварь противу равныя себя , бредя о лживой высокости , и чванясь своимъ преимуще-

ствомъ , безъ котораго всѣ ея достоинства изчезаютъ.

Сіе нещастное златопочитаніе дѣлаетъ то , что люди забываютъ безкорыстіе , великодушіе даже до человѣколюбія и до самой любви къ отечеству , и устремляютъ всѣ свои попеченія къ стяжанію онаго ; люди отъ самыхъ младыхъ лѣтъ своихъ на сей путь заблужденія отводятся , и первое то, что слышатъ дѣти въ домахъ родителей своихъ , есть похвала богатства. Они видятъ неправду , лесть и утѣсненіе подъ защищеніемъ въ наставленіи родителей своихъ. Очевидное ученіе, что нѣтъ ни чево на свѣтѣ великолѣпняе и почтительняе богатства , вперяется весьма глубоко въ память ихъ. Они примѣчаютъ изъ ревности , съ которою сокровища ищутся , что все можно предпринять для сохраненія себя отъ бѣдности , какъ отъ самаго главнаго безчестія. Изъ сего происходятъ два непорядка , Гражданскому обществу весьма вредныя : Положимъ первымъ основаніемъ желаніе быть богатымъ. Какъ скоро кто сею страстію заразится, такъ скоро всѣ средства почтитъ за справедливыя , чтобъ удовольствовать свое корыстолюбіе ; отъ сего предаемся

мы

мы неправдѣ обильно вспомоществующей къ обогащенїю себя ; и какъ скоро увидимъ отъ сего пользу , то готовы мы разрушить и самыя священнѣйшія права. Тогда все человѣколюбїе изчезаетъ , настаетъ утѣсненїе бѣднымъ , предательство друзей да и самаго отечества. Все сїе такому человѣку не трудно здѣлать , которой богатиться желаетъ; а сей поступокъ человѣческому обществу никоимъ образомъ полезнымъ быть не можетъ. Всѣ тѣ , кои толь ревностными оказываются къ приобрѣтенїю всѣхъ прибытковъ , высасываютъ силы , которыми бы многїя пользоваться могли , не удѣляютъ изъ оныхъ никому , и похищаютъ подъ видомъ добраго домостроительства въ государствѣ великую часть надобныхъ ево членовъ. Изъ сего происходятъ подлыя понятїя , которыя всѣ вредительныя дѣйствїя , лишь только бы они обогащали , предпочитаютъ честному убожеству ; и отъ того то богатство къ числу главныхъ идоловъ присовокуплено , которому люди паче всего поклоняются , чѣмъ болѣе желанїе къ богатству умножается; чѣмъ болѣе оному приписывается преимуществъ , тѣмъ больше утѣсняется безкорыстїе , правосудїе , дружба , ще-

дрота и человѣколюбїе , и тѣмъ болѣе возвышаются невѣжество , глупая гордость и великолѣпїе , желающїя насытится заимственными титлами , и незаслуженою честїю.

Второй непорядокъ не меньше перваго обществу вредителенъ , какъ скоро богатство въ какомъ нибудь государствѣ первенство получитъ , такъ скоро всѣ науки упадаютъ , которыя паче всего честїю поддерживаются. Я знаю множество молодыхъ людей , непреоборительно почитающихъ себѣ за безчестїе чему нибудь учиться , для того только что они знаютъ то , что они богаты. Что намъ нужды въ наукахъ , въ основательномъ разумѣ и въ познанїи прошедшихъ временъ , говорятъ они , когда только единственно золото въ состоянїи здѣлать людей великими , знатными и почтенными. Деньги даютъ преимущество и превышаютъ всѣ заслуги , вымышленныя убожествомъ для прикрытїя наготы ево , деньги отверзаютъ путь ко всѣмъ чинамъ , а не способность , вѣрность и чистое сердце ; да и какая нужда лутчїя лѣта своей жизни въ важныхъ трудахъ препровождать , когда титла и чины покупать можно ? Великолѣпїе больше въясняется , нежели все

чита-

читанїе Греческихъ и Латинскихъ писателей ; ему съ почтеніемъ уступаютъ , превозносятъ ево изобильно похвалами ; словомъ , глупецъ во златомъ уборѣ болѣе почитается , нежели въ худой одеждѣ разумный человѣкъ.

Отъ сего то предразсужденія не сказанно много государство претерпѣваетъ, когда надзираніе онаго всѣмъ тѣмъ отверсто , кои въ состоянїи ево покупать; и когда сей достатокъ единственный только путь къ возхожденїю на всѣ высокія онаго степени ; такъ надлежитъ необходимо во всякой должности быть такимъ людямъ , коимъ достоинствъ честности , проницанїя и премудрости не достаетъ , по тому что все сїе къ полученїю чиновъ не нужно ; отъ сего происходитъ худое чиноправленїе , небреженїе законовъ , и всѣ тѣ погрѣшности , которыя часто цѣлому государству почти такой вредъ и уронъ приносятъ , какова ничемъ исправить не удобно , ибо золото не даетъ ни разума , ни честности. Изъ сего источника истекаютъ купно смѣху достойная гордость , чинолюбїе и подлая торговля истинною , и всѣ такїя люди не для того къ дѣламъ идутъ чтобъ ихъ править съ ревностїю и разумомъ , но чтобъ тѣмъ болѣе набогатиться.

Когда

Когда намъ сіе не смѣшно, такъ по крайней мѣрѣ не вѣроятно кажется, что убожество въ древнія времена въ великомъ почтеніи было, и что сія презрѣнная мать бѣдность толико почтенныхъ чадъ воспитала.

Однако тѣмъ Греческія и Римскія дѣянія такими чрезвычайными примѣрами наполнены. Аристидъ былъ изъ числа великихъ людей, которыхъ Аѳины во все свое время на свѣтъ произвести могли, но при всемъ томъ былъ онъ убогъ. Онъ возшелъ на высочайшую степень достоинства въ республикѣ, бѣдность ни гдѣ ево не покидала, а презрѣннымъ ево никогда не дѣлала. Можно бы чаять было, чтобы въ другомъ какомъ мѣстѣ иной будучи въ толь важныхъ чинахъ похотѣлъ обогатиться, однако въ Аѳинахъ на бѣдность Аристидову ни малѣйшей недовѣренности не имѣли. Онъ общіе доходы наблюдалъ съ такимъ попеченіемъ и вѣрностію, съ какою бы разумный хозяинъ собственные свои, а бѣдность ево была единственная честь, которую онъ себѣ за всѣ свои похвальныя дѣла удержать хотѣлъ. Доносили на Каллія одного изъ ево ближнихъ сродственниковъ, и въ великое преступленіе вмѣняли ему, что онъ при всемъ

своемъ

своемъ богатствѣ Аристиду и ево дому въ недостаткахъ не дѣлалъ ни какóва вспоможенïя. Кáллïй усмотрѣвъ, что сïе нареканïе судей гораздо къ изслѣдованïю того побудило, увѣрялъ ихъ, что многократно онъ Аристида, но всегда тщетно понуждалъ принять отъ нево великое число денегъ, а въ свидѣтельство требовалъ онъ самого Аристида. „Ты правду говоришъ, отвѣчалъ сей „великïй мужъ, но я тебѣ всегда на„противъ того говорилъ, что много „сыщется такихъ людей, которые сво„имъ богатствомъ хорошо или худо „пользуются, но мало найдемъ такихъ, „кои бѣдность великодушно сносятъ„. Что скажутъ читатели мои на сей великïй примѣръ?

Не менѣе и у Римлянъ бѣдность была въ почтенïи. Кýрïй, сей великïй полководецъ, которой не однократно побѣдоносными лаврами украшался, былъ нѣкогда посѣщенъ въ деревнѣ своей Самницкими Послами просящими о мирѣ въ самое то время, въ которое онъ упражнялся жарить себѣ на ужину рѣпу, Послы предложили ему безмѣрно богатыя подарки, надѣясь, что такому бѣдному человѣку блестящïя вещи понравятся, дабы симъ отъ него все желаемое по-

получить ; однако Курій съ пристойнымъ ему великодушіемъ имъ отказалъ, отвѣчая, „что онъ лутче такими богатыми людьми повелѣвать, нежели самъ „богатъ быть хочетъ„.

Какое великое различіе между нами и сими великими людьми!

Не думайте, чтобъ я богатство проклиналъ, или будучи зараженъ угрюмымъ своенравіемъ хотѣлъ видѣть всѣхъ людей убогими. Я сокровище неотмѣнно надобнымъ почитаю, и конечно оно къ содержанію и великолѣпію государствъ потребно. Все то, чево я севоднишнимъ сочиненіемъ желаю приобрѣсть, есть то, чтобъ богатства не предпочитать наукамъ, разуму и великодушію ; я бы охотно желалъ спеси богатыхъ убавить, когда имъ говорю, что имъ одни ихъ сокровища никакова почтенія не принесутъ, что великолѣпіе есть только пустой блескъ, и что они свою честь и преимущество основываютъ на такой паутинѣ, которую самый легкій вѣтръ нещастія здуть можетъ.

Скажи мнѣ кто, какое мнѣ до того дѣло, что у другова есть сто тысячъ рублей, и что меня одолжаетъ, ради того ему оказывать отмѣнное почтеніе?

А пс-

А того я не отрицаю что и богатый человѣкъ можетъ богатствомъ своимъ заслужить почтеніе, ежели онъ употребитъ оное на то, чтобъ людей здѣлать спокойняе, довольняе и щастливяе.

Переведено изъ недѣльныхъ сочиненій называемыхъ Мѣщанинъ свѣта: der Weltbürger wöchentlich an das Licht gestellet in Berlin.

Андрей Нартовъ.

* * *

IV.

ЕЛЕГІИ.

I.

Какъ только лишь тебя глаза мои узрѣли,
Такъ мысли всѣ къ любви съ стремленьемъ полетѣли,
И вдругъ тогда познялъ любови я устрѣлъ,
Преобратился въ грусть мой весь веселый нравъ,
Я тяжко воздохнулъ, и вольности лишился,
Тебѣ мой слабый духъ на вѣки покорился.
Страдаю, и ужъ жизнь несносна мнѣ моя:
Почто увы тебя! почто увидѣлъ я!
Въ жестокой я тоскѣ всечасно пребываю,
И силы потерявъ я весь изнемогаю.

По-

Почто любовь меня ввергаешь ты въ напасть ;
Или мнѣ суждено имѣти люту часть ?
На то ли, чтобъ златой мнѣ вольности лишиться,
Покою моему въ мученье премѣниться ?
Когда жъ положено любовью мнѣ страдать ,
И рокъ велѣлъ меня нещастїемъ карать ;
Зберитесь му́ки всѣ и грудь мою терзайте ,
И духъ, мой томный духъ изъ тѣла извлекайте!
Умру, и прекращу нещастный вѣкъ я свой ,
Не буду плѣннымъ я тогда твоей красой ,
Не буду я терпѣть смертельнаго мученья ,
И въ плачѣ ожидать не буду утѣшенья.
Но можетъ ли сїе тебѣ утѣхой быть,
Что будешъ ты всегда моимъ убїйцей слыть ?
Ахъ нѣтъ ! прости меня, не такъ ты въ свѣтъ родилась ,
Чтобъ ты какъ люпый Тигръ безвинно разсердилась.
Возря на скорбь мою творимую тобой ,
И видя ону скорбь ты сжалься надомной ;
Коль стыдъ претитъ тебѣ то здѣлать разговоромъ ;
Подай отраду мнѣ хотя единымъ взоромъ.
Ты люту смерть мою въ жизнь нову претворишъ
И все нещастїе съ болѣзнью испребишъ.
Но естьли не возженъ въ тебѣ взаимный пламень,
И сердце таково имѣешъ ты какъ камень ;
Такъ лутче я хочу́ люпѣйшу смерть вкусить,
Какъ жизнь люпѣйшую и горести сносить.
Я время дней моихъ безъ страха сокращаю ,

Безъ

Безъ страха для тебя я дýшу испущаю.
Приди желанна смерть, скоряй меня скоси,
И страждущей душѣ спокойство принеси.

А. Н.

II.

Лишась, дражайшая, мнѣ, взора твоего,
Ужъ не осталося на свѣтѣ ни чево,
Ужѐ меня ни что въ немъ больше не прельщаетъ,
На что ни погляжу, все духъ мой возмущаетъ,
Всѣ нынѣ радости разсѣяны судьбой,
Спокойствïе мое сокрылося съ тобой.
Горячностью къ себѣ мою ты грусть исчисли:
Когда предстану я въ твои, драгая, мысли,
Воображай меня любезная въ глазахъ,
Въ моей злой горести, въ стенаньи и слезахъ.
Я только въ тѣ часы тебя позабываю,
Когда всѣхъ думъ лишась въ безпамятствѣ бываю:
Какъ помню о тебѣ, я пламенно горю,
И въ самой крайности, себя, мученïй зрю.
Не льзя изобразить моей напасти ясно,
И всѣ мои слова теряются напрасно.
А шъ можетъ серце то мое изобразить,
Какъ жестоко возмогъ твой взоръ ево пронзить.
Что я тебѣ теперь страдая ни вѣщаю,
Все менѣе того, что въ серцѣ ощущаю.
Неизцѣлима скорбь! неутолима страсть!
Мучительнѣйшïй жаръ! несносная напасть!
Нашли вы крайнïя въ груди моей успѣхи;
И сей уже себѣ не вижу я утѣхи,

Чтобъ горести своей пристойну рѣчь сыскать!
И тѣмъ ужъ не могу теперь себѣ ласкать.
Коль равный жаръ ко мнѣ имѣешъ ты любезна;
Ты знаешъ то одна, какъ жизнь моя мнѣ слезна.
Ты знаешъ! только что мнѣ пользы изъ того
Ты знаешъ! ахъ, не знай ты лутче ни чево!
Лишъ множится мое мученье тѣмъ сердечно.
Забудь меня, мой свѣтъ, забудь драгая вѣчно!
Забудь меня! ахъ, нѣтъ, воспоминай о мнѣ!
Какъ помню о тебѣ въ печальной я странѣ,
Я все то чувствую, что быти можетъ злобно;
Мученья моево умножить не удобно.
Удобно; ежели той клятвы не храня,
Котору я слыхалъ, забудешъ ты меня.
Въ какомъ огнѣ, о рокъ, въ какомъ огнѣ пылаю!
Не знаю самъ, чево въ смятеніи желаю.
Нещастнѣйшему мнѣ, вотъ всѣ плоды любя.
Ахъ! ежели когда драгая до тебя
Дойдутъ пресказанны сей жалкой рѣчи строки;
Такъ знай, что по тебѣ текли изъ глазъ потоки.
Не усумнися ты, что рѣчь сія къ иной;
Едина въ свѣтѣ ты владѣешъ только мной.
Великодушія я больше не имѣю,
Безъ слезъ тебя мой свѣтъ я вспомнить не умѣю.
Какъ имя я твое хоть въ мысли нареку,
Въ минуту къ серцу ту всѣ скорби привлеку,
Всѣ прежни радости тогда вообразятся,
И слезы изъ очей неволей покатятся.
Мученьи отъ любви остались мнѣ одни.
О время грозное! о вы плачевны дни!

Оста-

Осталось ли мнѣ что, чемъ я на свѣтѣ льстился,
Что въ жизни льстило мнѣ всево тово лишился.
А ты плачевнѣйшій часъ жизни моея,
Въ который разлученъ съ моей любезной я,
Не вспоминайся мнѣ; довольно знаю муки,
Отъ нестерпимаго мнѣ бремени разлуки.
Какъ отнимался лучъ отъ возмущенныхъ глазъ,
Мой свѣтъ, какъ я тебя въ послѣдній видѣлъ разъ,
Какъ пресѣкалися надежныя желанья,
Ты зрѣла то сама, въ какомъ я былъ страданьи.
Кончались радости ввергая въ плачъ приязнь,
Я чувствовалъ тогда жесточе смерти казнь.
Какъ я въ послѣдніе съ тобой поцаловался,
Казалось мнѣ въ тотъ часъ съ душею я разстался.
По разлученіи полдневный свѣтъ сталъ мракъ,
Во мнѣ вся стыла кровь, не двигался мой зракъ:
Какъ пораженна грудь живопіъ свой ощущала,
Лишъ только то, что нѣтъ тебя со мной, вѣщала.
Прости любезная, прости, прости мой свѣтъ;
Я все ужъ потерялъ; тебя со мною нѣтъ.

А. С.

III.

На долго разлученъ съ тобою дарагая,
Я плачу день и ночь тебя воспоминая.
Минуты радостны возлюбленныхъ мнѣ дней,
Не выйдутъ ни когда изъ памяти моей.
На что ни погляжу, на все взираю смутно,
Тоскую завсегда, вздыхаю всеминутно.

Стараюсь облегчить грусть духу своему ,
И сердце покорить въ правленїе уму ;
Но такъ какъ жарка кровь и онъ меня терзаетъ,
Что сердце чувствуетъ , то мысль изображаетъ.
Какъ въ изумленїи и въ жалости взгляну ,
Гдѣ ты осталася , въ прекрасну ту страну ,
Котору горы , лѣсъ отъ глазъ моихъ скрываютъ,
Куда вздыханїя со стономъ отлетаютъ :
Мнѣ мнится въ пламени, что слышу голосъ твой,
Въ плачевный день , когда разстался я съ тобой,
Что ты любезная тогда прелестны взгляды ,
Со мной прощаешся и плачешъ безъ отрады.
Мнѣ кажется тогда бунтующему кровь ;
Что въ истинну съ тобой я разлучаюсь вновь,
И духъ мой чувствуетъ, прошедшей, точну муку,
Какъ онъ терзаемъ былъ въ дѣйствительну разлуку.
О день! день лютый! будь хотя на часъ забвенъ !
Злой рокъ ! иль мало я тобою пораженъ ,
Что воображаешся такъ часто ты , толь ясно?
Уже и безъ того я мучуся всечасно.
Престань еще тѣснить уже стѣсненну грудь ,
Иль дай хотя на часъ нещастну отдохнуть.
Увы ! не зря драгой не будетъ облегченья ,
Не зря тебя не льзя пробыти безъ мученья.
Но ахъ ! когда дождусь , чтобъ оный часъ пришелъ,
Въ который бъ я опять въ рукахъ тебя имѣлъ!
Пройди , пройди скоряй о время злополучно ,
И дай съ возлюбленной мнѣ жити неразлучно !
Терпѣть и мучиться не станетъ скоро силъ.
Почто любезная , почто тебѣ я милъ !

Про-

Прошли минуты тѣ, что толь насъ веселили:
Далекїя страны съ тобой мя разлучили,
И нѣтъ скорбящу мнѣ оставшу жизнь губя,
Надежды ни какой зрѣть въ скоросши тебя.
Чемъ буду прогонять тебя я, время злобно?
Какое мѣсто мнѣ отраду дать способно?
Куда я ни пойду, на что я ни гляжу,
Я облегченїя ни гдѣ не нахожу.
Куда ни вскину я свои печальны взоры,
Въ луга или въ лѣса, на холмы иль на горы,
На шумныя ль валы, на тихїя ль струи,
На пышно ль зданїе, ахъ всѣ мѣста сїи,
Какъ громкой кажется плачевною трубою,
Твердятъ мнѣ, и гласятъ, что нѣтъ тебя со мною.
Вездѣ стеню, вездѣ отъ горести своей:
Такъ горлица лишась того что мило ей,
Не зная что зачать, мѣста перемѣняетъ,
Летитъ съ куспа на кустъ, на всѣхъ кустахъ рыдаетъ.
Когда была въ тебѣ ушѣха толь кратка,
Къ чему весела жизнь была ты толь сладка!
Коль щастливъ человѣкъ, ково не научали,
Веселости въ любви, любовны знать печали!
Кто въ разлученїи съ любезной не бывалъ,
Тотъ скуки и тоски прямыя не вкушалъ.
Съ тѣмъ, кто съ возлюбленной живетъ своею купно,
Забавы завсегда бываютъ неотступно,
И нѣтъ ему часа себѣ вообразить,
Какъ было бъ тяжело, ему съ ней розно жить.

Лишь вамъ, которыя подвержены сей страсти,
И чувствовали въ ней подобны мнѣ напасти!
Коль сносно мнѣ мое страданїе терпѣть,
Лишь вамъ однимъ, лишь вамъ то можно разумѣть.
Страдай моя душа и мучься несказанно!
Теките горькихъ слезъ потоки непрестанно!
И есть ли мнѣ тоска жизнь горьку прекратитъ
И смерть потерянно спокойство возвратитъ;
Такъ знай любезная, что шествуя къ покою,
Я мысля о тебѣ глаза свои закрою.
Не смертью, но тобой, я душу возмущу,
И съ именемъ твоимъ духъ томный испущу.

А. С.

IV.

Лишенный вольности, терзаемый тоскою,
Къ чему я приведенъ, жестокой рокъ тобою!
Не малоль я и такъ слезъ горькихъ проливалъ?
Не мало ль томну грудь ты вздохами терзалъ?
Усугубляешъ ты, мои мученья люты.
Въ какїя злѣйшїя родился я минуты!
Иль мало тѣмъ меня, рокъ было наказать,
Чтобъ вѣчно мнѣ мою любезну потерять,
И что бы я въ рукахъ того прекрасну видѣлъ,
Кого съ младенческихъ я лѣтъ возненавидѣлъ.
Ты нынѣ далъ, еще услышать ту мнѣ вѣсть,
Которой больше мнѣ не можно въ жизни снесть.
Я слышалъ, что злодѣй прекрасну утѣсняетъ,
И всеминутно ей онъ муки причиняетъ.

Онъ

Онъ вѣрность ту , что ей во бракѣ посвятилъ
Въ измѣну и въ обманъ безстыдно обратилъ.
Уже на мѣсто той любви , которой клялся ,
И коей обольстить всѣхъ сродниковъ старался ,
Свирѣпость , ненависть вселилися въ нево
И больше онъ уже не мыслитъ ни чево ,
Какъ только , чтобъ ее предъ всѣми обезславить,
И ахъ ! безвинную въ презрѣнїи оставить.
Ее въ презрѣнїи ! возможноль въ свѣтѣ жить ?
Кого ты болѣе рокъ можешъ пощадить ;
Когда ужъ та , кому природа даровала ,
Чтобъ женской полъ она собою украшала ,
И что бы щастливу имѣла въ жизни часть ,
Въ слезахъ проводитъ жизнь и терпитъ злу напасть?
Но ахъ ! почто тебя судьбина обвиняю
Или неправостей на свѣтѣ я не знаю.
Не ты единая въ семъ случаѣ губишъ :
Алчба имѣнїя ты чаще тѣмъ разишъ !
Колико дѣвъ себѣ ты въ жертву посвящаешъ ,
И сколько тѣмъ ты ихъ любовниковъ терзаешъ!
А ты родитель той, котору я люблю ,
Для коей столько я мученїя терплю ,
Кто въ мысляхъ у меня и въ сердцѣ обитаетъ
И будучи чужой мной вѣчно обладаетъ ,
Какой на мѣсто ты отца мучитель ей !
Ты злато предпочтилъ , ахъ ! дочери своей.
Прельщенъ корыстїю содѣлалъ ей ты муки ,
И предалъ ты на вѣкъ ее въ тирански руки.
Почто , ты рокъ , отца такого ей судилъ ,
Которой бы ее на вѣки погубилъ ?

О солнце ты всякъ день вселенну обтекаешъ,
И видишъ скорбь мою и вздохи всѣ внимаешъ;
Не чаю, чтобъ нашло нещастиѣй ты меня!
Не рвется такъ ни кто въ страданїи стеня.
Хотя напасти насъ и часто ушѣсняютъ,
И намъ мученїя не рѣдко причиняютъ;
Но съ временемъ тоска проходитъ за всегда;
А мнѣ отрады ужъ не будетъ ни когда.
Съ часами горесть мнѣ претяжкая родится,
И тѣмъ нещастїе мнѣ вѣчнымъ становится.
Когда жъ во всю мнѣ жизнь безплодно унывать
Когда въ любви горя ущѣхъ ея не знать,
И зрѣть прекрасную на вѣкъ тому подвластну
Кто тщится подавать ей муку повсечасну;
Почто желати мнѣ на свѣтѣ больше жить?
Иль только для того, чтобъ горьки слезы лить!
Когда случаи вы веселье мнѣ скончали;
Скончайте мнѣ и жизнь, и съ ней мои печали.

Семенъ Нарышкинъ.

V.

Свершилося теперь сердечно предсказанье,
Збылось уже мое презлое предвѣщанье.
Но не во снѣль то зрю! не сонъ ли мя страшитъ!
И не мечта ли мнѣ напастїю грозитъ!
Ахъ, нѣтъ! то въ явѣ все збылось, о рокъ со мною,
Что я забвенъ моей на вѣки дарагою!
Я презрѣнъ отъ нея, любимъ соперникъ мой!
О гнѣвная судьба! о рокъ! о часъ презлой,

Въ

Въ который съ нимъ она къ мученью мнѣ спозналась,
И ласкою ево забывъ меня плѣнялась !
Въ пребѣдственный мнѣ часъ страсть она родилась:
Моя любезная другому отдалась.
Уже она теперь меня не вспоминаетъ ,
И съ нимъ въ веселостяхъ минуты провождаетъ,
А я лишась ея страдаю и грущу ,
И тщетно мучася отрады не сыщу.
Но естьли бъ я теперь опять могъ быти съ нею,
И могъ бы увѣрять горячностью своею ,
Хотя бы къ вѣрности ее не обратилъ.
Хотя бы новыя любви не истребилъ ;
Но жаръ ея ко мнѣ конечно бъ показался ,
А я хотя бы тѣмъ единымъ ушѣшался.
Но ахъ ! когда она могла меня забыть ;
Такъ жара въ ней ко мнѣ не льзя ни искры быть.
Виною ты всему о злое разлученье !
Тобою я терплю несносное мученье.
Когда бы я поднесь съ ней купно пребывалъ ;
Я знаю то, чтобъ я ее не потерялъ :
По всякую бъ она меня минуту зрѣла ,
Взаимственна любовь равно бы въ ней горѣла.
Какъ отъ прекрасныхъ я ея сокрылся глазъ ,
Помалу изчезалъ въ ней жаръ любви и гасъ ,
И на конецъ со всѣмъ она меня забыла,
И позабывъ меня другова полюбила.
Другова ! словомъ симъ мутится кровь во мнѣ ;
Онъ радуется тамъ, я страждy въ сей странѣ.
Хотя я мнилъ, что съ ней на время я прощался:
Но вижу, въ щотъ я часъ съ ней вѣчно разставался.

Не тщетно я тогда прегорестно стеналь;
Я все, что льстило мнѣ, на вѣкъ тогда теряль.
Невѣрная начто меня ты полюбила!
А полюбивъ начто любовь свою открыла!
Начто и ты тогда мнѣ здѣлалась мила!
На то ли чтобъ ты мнѣ тиранкою была?
Не чаю я, чтобъ ты невѣрная забыла,
Какъ ты по всякую минуту мнѣ твердила,
Что будешъ ты меня по смерть свою любить.
И съ клятвой всякой часъ ты тщилась говорить:
Я прежде съ жизнію своею разлучуся,
Ахъ! нежели въ любви къ тебѣ перемѣнюся.
Гдѣ дѣлись клятвы тѣ? ужъ я тебѣ не милъ:
Другой тобой любимъ, а я тебѣ постылъ.
Другой любимъ! я весь покой измѣной рушу;
Но и невѣрную люблю тебя какъ душу.

Алексѣй Ржевской.

V.

НАДГРОБНАЯ ПѢСНЬ АДОНИДУ

сочиненная древнимъ Греческимъ Спихотворцемъ Віономъ.

Я оплакиваю Адонида, нѣтъ прекраснаго Адонида: Адонидъ прекрасный погибъ; плачъ мой повторяютъ Ерóты. Богиня óстрова Кипра не спи болѣе на покровенномъ порфирою одрѣ,

встань

встань нещастливая , облекися въ плачевную одежду , терзай грудь твою , и вѣщай предъ всѣми : Нѣтъ прекраснаго Адонида. Я оплакиваю Адонида , плачъ мой повторяютъ Ерѳты. Лежитъ прекрасный Адонидъ на горахъ , бѣлымъ клыкомъ въ бѣлую лядвею уязвленный , и Венеру печалью сокрушаетъ. Онъ уже едва дышетъ , а черная кровь льется по тѣлу его подобному снѣгу ; глаза подъ бровями мертвѣютъ , роза устъ его увядаетъ , а съ оною купно исчезаютъ и цѣлованія , отъ коихъ Киприда отстать никогда не можетъ. Афродитѣ приятны цѣлованія и мертваго Адонида ; но Адонидъ уже не знаетъ , кто его при смерти цѣлуетъ. Я оплакиваю Адонида, плачъ мой повторяютъ Ероты. Великую, великую язву имѣетъ на лядьвеѣ Адонидъ ; но Киѳерія еще большую въ сердцѣ ощущаетъ. Любимые псы сего юноши около него воютъ ; Нимфы горныя плачутъ ; а Венера растрепавъ волосы , по горамъ , по лѣсамъ бродитъ боса, вся въ слезахъ, съ расплетенными косами : ее ходящую терніе уязвляетъ , и священною омакается кровію : А она громко воющая мчится по пространнымъ долинамъ , призывая Ассирійскаго своего мужа и юношею его нарицая. Черная кровь текла

кла по чреву его , грудь отъ лядьвеи червленѣлась , и снѣгу подобные бокà Адонидовы багрѣли. Ахъ ! ахъ Венера! вопïютъ Ерóты. Лишалася ты прекраснаго мужа , а съ нимъ и священнаго вида. Когда еще живъ былъ Адонидъ , тогда у Афродиты лице прекрасно было : а нынѣ съ Адонидомъ и красота ея померкла. Ахъ , ахъ ! Всѣ гóры и дубравы гласятъ. Ахъ Адонидъ ! и рѣки сѣтуютъ о плачѣ Венериномъ ; и ключи изъ горъ бïющïе проливаютъ слéзы объ Адонидѣ: Цвѣты отъ печали багрѣютъ; а Богиня óстрова Киѳиры по холмамъ и во градѣ жалостно воетъ. Ахъ ! ахъ Венера ! ужѐ нѣтъ прекраснаго Адонида. И Ехо на то противугласитъ : нѣтъ прекраснаго Адонида. Кто не будетъ оплакивать горькой сей Венериной любви! ахъ ахъ ! Какъ увидѣла , какъ познала неисцѣлимую Адонидову язву ; какъ узрѣла багровую кровь на увядающей лядьвеѣ , распростерши рýки стеняща возопила : Помедли Адонидъ , бѣдной Адонидъ помедли ; дай мнѣ въ послѣднïе на себя наглядѣться, обнять тебя, уста мои съ твоими устами сопрягнуть. Привстань немножко Адонидъ , дай мнѣ послѣднее цѣлованïе : и столько меня цѣлуй , сколько еще у тебя цѣловать меня силы осталось , поколѣ духа твоего

ето въ уста мои и въ сердце мое не вдохнешь, поколѣ я приятностей твоихъ не высосу, поколѣ всей любви твоей не выпью. И сїе цѣлованїе такъ я буду хранить, какъ самаго Адонида; когда ты меня безщастный оставляешь: на вѣки отдаляешся отъ меня Адонидъ; отходишь въ Ахеронтъ къ угрюмому и жестокосердому Царю: а я бѣдная жива, да еще и безсмертна, и не могу слѣдовать тебѣ. Возми Персефона моего мужа: ты меня благополучнѣе стократно: все что есть прекрасное на свѣтѣ, къ тебѣ преселяется. А я всенещастна, и сѣдаюся неутолимою печалю, и тебя ужасаюся. Умираешь, превожделѣнный! мое желанїе прелетѣло какъ сонъ: а Киприда теперь вдовствуетъ; и Еропы въ домѣ моемъ праздны. Съ тобою, дражайшій, и поясъ мой пропалъ. На что дерзновенный ходилъ ты на охоту; и будучи толико прекрасенъ, на что сражался ты съ дикими звѣрями? Тако стенала Венера, плачъ ея повторяли Еропы. Ахъ! ахъ Афродита! нѣтъ прекраснаго Адонида. Столько слезъ богиня города Пафа проливала, сколько лилось крови изъ Адонида. Но кровь и слезы на землѣ превращались въ цвѣты; кровь розу произвела, а слезы анемону. Я оплакиваю Адонида, нѣтъ прекраснаго

снаго Адонида. Не оплакивай болѣе мужа своего ни на горахъ ни въ лѣсахъ, Венера. Се уготованной одръ, се Адониду посланной одръ: на семъ твоемъ одрѣ, Венера, мертвый Адонидъ лежитъ. Онъ и мертвъ будучи, прекраенъ, прекраенъ мертвой, какъ спящей. Положи его на мягкія постѣли, на которыхъ онъ леживалъ; на которыхъ онъ съ тобою въ ночи препровождалъ сонъ на златомъ одрѣ. Люби и обезображеннаго Адонида. Обложи его вѣнками и цвѣтами. Но всѣ съ нимъ по смерти, всѣ съ нимъ и цвѣты увяли. Осыпь его миртами, помажь благовонными духами, окропи его миромъ. Истощится всѣ благоуханія: твое миро Адонидъ исчезло. Лежитъ окропленный Адонидъ въ обагренной одеждѣ, а Еропы въ округъ его плачущіе стенаютъ, остригши для Адонида волосы. Тотъ стрѣлы, тотъ лукъ попираетъ, другой разламываетъ пернатый колчанъ: иной развязываетъ у Адонида сапогъ, иной золотымъ сосудомъ воду носитъ; сей лядвею омываетъ, тотъ маханіемъ крилъ своихъ Адонида прохлаждаетъ. И о богинѣ острова Киѳиры плачутъ Ерóты. Именей на порогѣ свѣчу свою погасилъ, и брачный вѣнецъ вывѣсилъ. Не гласятъ болѣе въ пѣсняхъ, Именей, Именей; но

ахъ,

ахъ, ахъ! вопіютъ. Увы! увы объ Адонидѣ, но еще больше увы объ Именеѣ! Хариты оплакиваютъ сына Кинирова, говоря другъ другу: нѣтъ прекраснаго Адонида: и громче сіе взываютъ, нежели ты Дїона. И Парки Адонида, оплакиваютъ Адонида, и его приглашаютъ; но онъ уже имъ не внемлетъ. правда онъ желаетъ того, но Персефона его не отпускаетъ. Окончай Киѳерїя стенаніе, и днесь не пиршествуй: тебѣ опять надлежитъ сѣтовать, и въ другой годъ проливать слезы.

Перевелъ съ Греческаго Г. К.

VI.

СТАНСЫ.

На одержанную побѣду при Фйршгенфельдѣ.

Какую радость ты Петрополь торжествуешъ?
Я слышу звонъ, во слухъ плескъ радости влечетъ.
Я вижу что народъ въ весельи въ храмъ течетъ:
Никакъ въ побѣдѣ ты надъ Пруссами ликуешъ?

*

Конечно такъ: мой духъ вѣсть оную внимаетъ.
Возвыси ко Творцу Петрополь свой ты гласъ,
Что Богъ МОНАРХИНЕИ хранитъ отъ злобы насъ!
По всякой ЕЮ день Онъ Россовъ прославляетъ.

Прими,

*

Прими, МОНАРХИНЯ, всѣ подданныя просятъ,
Ты жертвованіемъ, отъ насъ, СЕБѢ, сердецъ,
Въ знакъ нашей вѣрности лавровый сей вѣнецъ!
Сплетши ревностью они ево подносятъ.

*

Прими, довольствуясь нелицемѣрной славой!
Надѣйся, что ТВОИ врагъ ТВОИМЪ падетъ мечемъ,
И новымъ освѣтитъ побѣда насъ лучемъ,
А мы прославимся какъ прежде подъ Полтавой.

С. Н.

* * *

Оглавленіе.

стран.

I. рѣчь Павлина а Санкто Іозефо о томъ, что въ ученіи спѣшить не должно. 67
II. О коренныхъ словахъ русскаго языка. 91
III. Достоинства меньше почитаются нежели богатство. - - - - 101
IV. Елегіи. - - - - - - - - - 111
V. Надгробная пѣснь Адониду. - - 122
VI. Стансы на побѣду при Фирштенфельдѣ. 127

) o (

ТРУДОЛЮБИВАЯ
ПЧЕЛА.

Мартъ 1759 года.

Въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

I.

БАСНЬ

ОФАЕТОНТЪ

Изъ Овидіевыхъ превращеній.

Фаетонтъ, котораго почитали сыномъ Солнца и Климены, нравами сходствовалъ и однихъ лѣтъ былъ съ Епафомъ, рожденнымъ Юпитеромъ отъ Іоны дщери Инаховой. Сей нѣкогда озлобясь на Фаетонта гордящагося, и себѣ неуступающаго, и кичащагося отцемъ своимъ Фебомъ, говорилъ: Ты безразсудной, повѣривъ словамъ твоея матери, гордишся, ложно называя отцемъ своимъ Солнце. Фаетонтъ услышавъ то покраснѣлъ, и гнѣвъ свой стыдомъ погасилъ, и немедленно пошедъ къ матери своей Клименѣ, жаловался ей на Епафа за нанесенное себѣ отъ него без-

честіе. А сіе тебѣ еще большую печаль причинитъ, любезная мать, говорилъ онъ ей, что я при другихъ случаяхъ будучи такъ смѣлъ и отваженъ, ни чего ему на то не отвѣтствовалъ. Ахъ какъ стыдно мнѣ, что онъ меня симъ поносить могъ, и что я передъ нимъ ни чемъ не могъ оправдаться. Но ты, естьли я подлинно происшелъ отъ божеской крови, увѣрь меня о такомъ моемъ происхожденіи, и обѣяви неложное доказательство, что я сынъ Солнцевъ. Сіе выговоривъ, бросился на шѣю своей матери, и неотступно просилъ, чтобы она, сколько его, и Меропа своего мужа любитъ, и сколько доброжелательствуетъ своимъ сестрамъ еще дѣвицамъ, подала ему знаки истиннаго его родителя. Сумнительно, прошеніемъ ли Фаетонтовымъ тронута была Климена, или съ досады за обѣявленное ей безчестіе подняла руки на небо, и смотря на сіяніе Солнца: Симъ свѣтомъ, сказала она, украшеннымъ блистающими лучами, которой насъ озаряетъ, и внемлетъ рѣчамъ моимъ, тебѣ, любезный сынъ, кленусь, что ты симъ, на которое теперь взираешъ, симъ Солнцемъ, которое согрѣваетъ весь миръ, на свѣтъ произведенъ. А естьли я говорю ложно, пусть оно лишитъ меня своего зрака, и

пусть

пусть я сего дни впослѣдніе вижу его блистаніе. Въ прочемъ немного пруда будетъ тебѣ стоять, чтобъ узнать, гдѣ твой отецъ живетъ. Тотъ домъ, откуда оно восходитъ, есть смеженъ съ нашею землею, и естьли только ты желаніе имѣешь, ступай, и увѣдай изъ собственныхъ устъ его. По сихъ матери своей словахъ Фаетонтъ тотъ часъ съ великою радостію вышелъ, и началъ воображать въ мысляхъ своихъ воздушной путь. Онъ Ефіопскія, въ которыхъ онъ родился, страны, и опаляемыя солнечнымъ зноемъ Индійскія земли поспѣшно перетекши, дошелъ къ востоку своего родителя.

Огромные Солнцевы чертоги стояли на высокихъ столпахъ; они блистали отъ злата и Пиропа, подобнаго огненному пламени; кровля здѣлана была изъ чистой слоновой кости, а створчатыя двери изъ сребра. Художество превосходило и самое вещество, изъ коего сей домъ сооруженъ былъ; ибо Вулканъ вырѣзалъ на немъ пространной Океянъ окружающій землю, земной шаръ съ покрывающимъ его небомъ. Въ водѣ видимы были лазоревые Боги, велегласный Тритонъ, многообразный Протей, Егеонъ угнѣтающій своими руками ужасные хребты Китовъ, Дорида съ своими до-

черьми , изъ которыхъ нѣкоторыя плавали , иныя на камняхъ осушивали свои зеленѣющіе волосы , другія возимы были рыбами. Они не всѣ имѣли одинакой видъ , однако и не совсѣмъ различной ; но такой , какой сестрамъ имѣть пристойно. На землѣ изображены были люди , города , лѣса , звѣри , рѣки , Нимфы , и прочіе въ поляхъ и лѣсахъ обитающіе Боги. Надъ нею видимъ былъ образъ свѣтлаго неба : а на дверяхъ на правой половинѣ представлены были шесть знаковъ небесныхъ , и столько же на лѣвой. Фаетонтъ Клименинъ сынъ , какъ скоро приближился къ стоящему на холмѣ Солнцеву дому , и вошелъ въ чертоги сумнимаго отца своего , тотъ часъ пошелъ предъ лице отцово, и въ дали остановился , а ближе подступить къ нему не могъ для его чрезмѣрнаго сіянія. Фебъ одѣтой въ порфиру сидѣлъ на усыпанномъ изумрудами престолѣ ; одесную и ошую ево стояли День , Мѣсяцъ , Годъ , Вѣки и въ равномъ одинъ отъ другаго разстоянїи расположенные Часы. Младая Весна стояла въ вѣнцѣ изъ цвѣтовъ, нагое Лѣто имѣло въ рукахъ вязанку класовъ , Осень стояла обрызганна виноградным сокомъ ; а ледовитая Зима съ сѣдыми и косматыми

воло-

волосами. Посреди находящееся Солнце всевидящій свой взорь обративь на юношу, чудныхь сихь вещей ужасающагося, вопросило; Какая причина побудила тебя сюда прийти? что тебѣ надобно вь семь горнемь мѣстѣ, истинный мой сынь Фаетонтъ? Онь отвѣтствовалъ: Общее свѣтило неизмѣримаго мира, Фебъ, любезный мой родитель, естьли ты мнѣ сіе имя употреблять позволяешь, и естьли Климена не сокрываетъ вины своей подъ ложнымъ видомъ, но истинну объявляетъ; такъ подай отче свидѣтельство, по которому бы меня признали за подлиннаго твоего сына, и истреби изъ мыслей моихъ сію недовѣренность. Сіи были слова Фаетонтовы; а отецъ снявъ съ своей головы окружающія ее лучи, отложилъ, и Фаетонту велѣлъ къ себѣ приближиться, и обнявъ его рекъ: И ты не заслужилъ того, чтобъ я назвать тебя сыномъ своимъ возгнушался, и Климена справедливо объявила о твоемъ рожденіи, а чтобъ ты въ семъ не усумнѣвался, проси у меня, чего хочешь, оное неотмѣнно отъ меня получишь: во свидѣтельство сего моего обѣщанія кленусь тебѣ клятвою однимъ Богамъ приличною, сокрытыми отъ очей моихъ водами. Едва только Фебъ сіи слова

вымолвилъ, то Фаетонтъ началъ просить отеческой колесницы, и на день во власть свою и въ управленіе крилатыхъ коней. Отецъ раскаивался о данномъ обѣщаніи, и нѣсколько разъ покивавъ главою, сказалъ: Твое, Фаетонтъ, прошеніе учинило мое обѣщаніе безразсуднымъ. О ежели бы не исполнить обѣщанія въ моей власти состояло! признаваюся, любезный мой сынъ, что сіе одно только есть, въ чемъ бы я тебѣ отказалъ. Но мнѣ совѣтомъ удерживать тебя отъ того позволяется. Твое желаніе опасно. Ты просишь меня, Фаетонтъ, о великомъ дѣлѣ, которое ни по симъ твоимъ силамъ ни по молодымъ лѣтамъ. Ты опредѣленъ рокомъ произойти на свѣтъ смертнымъ, а чего ты просишь, то безсмертно. Ты не разсудивъ желаешь больше, нежели вышніе получить могутъ. Пусть всякой изъ Боговъ, что хочетъ, о себѣ мыслитъ; однако кромѣ меня никто не можетъ стоять на огненной колесницѣ; и самъ правитель обширнаго Олимпа, который ужасныя яростною своею десницею молніи испускаетъ, не можетъ править оною. А Юпитера кто больше? Съ начала путь сей гористъ, по которому утреннимъ временемъ едва на неуто-

утомленныхъ коняхъ возѣхать удобно; на срединѣ неба по самой крайней высотѣ простирается : откуда я самъ, когда взгляну на моря и на землю, не рѣдко устрашаюся такъ, что отъ того всѣ мои члены трепещутъ. На послѣдокъ весьма покатъ, и требуетъ искуснаго конеправленія. Въ то время и сама приемлющая и поддерживающая меня своими водами Тиѳія обыкновенно въ страхъ приходитъ, чтобъ я стремглавъ не палъ. Сверьхъ того небо непрестанно обращается, и безмѣрною своею скоростію прочія всѣ звѣзды съ собою влечетъ : а я въ противную сторону упорно свой путь продолжаю, и то движеніе, которое прочее все съ собою влечетъ, препятствуя мнѣ въ моемъ пути, и стремительно супротивляяся бѣгу моему, преодолѣваю. Представь себѣ данную колесницу : что ты съ нею дѣлать будешъ ? возможешъ ли ѣхать противу вертящихся половъ такъ, чтобъ тебя ось мира не повлекла съ собою ? Можетъ быть ты еще думаешъ на своемъ пути видѣть рощи, города, домы, и Божескіе съ пребогатыми утварьми храмы, нѣтъ, въ семъ ты обманываешся. Тебѣ надлежитъ имѣть теченіе чрезъ превеликія опасности, и мимо ужасныхъ видовъ звѣрей.

Пускай путь тебѣ извѣстенъ, и ты въ немъ не заблудишся; однако должно ѣхать чрезъ рога Тельца, который противъ тебя уставивъ оные стоять будетъ; не минуешъ также Ѳессалійскаго Стрѣльца, и страшнаго пастью Льва. Встрѣтишъ жестокаго Скорпіона изгибающа свои клешни въ большой кругъ, и Рака инымъ образомъ изкривляющася. Ты также не можешъ управиться съ конями свирѣпствующими внутреннимъ своимъ огнемъ, который они изъ ноздрей и изъ устъ испускаютъ, они и мнѣ едва повинуются, когда разсвирѣпѣютъ и жестоковыйностію своею возжамъ супротивляются. А ты, любезный сынъ, предохрани себя, чтобъ я не былъ причиною твоея погибели: и доколѣ еще возможно, премѣни твое желаніе. Ты требуешъ отъ меня подлинныхъ знаковъ, которыми бы ты удостовѣрился, что я твой отецъ: оные ты видишъ въ сей моей боязни, и что я твой отецъ, то отеческимъ моимъ показываю страхомъ. Се, возри на мой видъ; Ахъ естьли бы ты могъ вперить очи твои во внутренности моего сердца, и примѣтить отеческое мое въ немъ о тебѣ попеченіе! на послѣдокъ осмотри все богатство цѣлаго свѣта и изъ

столь-

сполькихъ и толикихъ благъ небесныхъ, земныхъ, и морскихъ, чего только пожелаешь, проси у меня, ни въ чемъ не будешь имѣть отказа. То только одно прошу оставь, что въ самомъ дѣлѣ не честію, но казнію назваться можетъ. Казни, любезный Фаетонтъ, вмѣсто дара ты себѣ отъ меня просишь. На что меня толь ласково обнимаешь? не сумнѣвайся, дастся тебѣ, ты знаешь, что я клялся Стигійскими струями, чего бы ты ни возжелалъ; но ты въ желаніяхъ твоихъ поступай благоразсуднѣе. Фебъ окончилъ свои увѣщанія; но Фаетонтъ на слова его не склонялся, и стоялъ упорно въ своемъ предпріятіи, пылая желаніемъ получить колесницу. По чему отецъ, сколько возможно было, помедливъ, повелъ ево къ высокой Вулканомъ здѣланной колесницѣ. Ось, дышло и ободы были изъ злата, а спицы изъ серебра, на уборахъ Хрисолиѳъ и другіе порядочно расположенные драгіе камни, освѣщаемые отъ Солнца отдавали во всѣ стороны блистаніе. И когда сему высокомѣрный Фаенпонтъ удивлялся, и разсматривалъ искуство, то бдящая зарница отпворила на свѣтлѣющемся востокѣ багряную дверь, и отверзла домъ свой испещренный и усланный розами. Тотчасъ разбѣжались звѣзды,

кото-

которыхъ стадами гналъ передъ собою Луциферъ, а на послѣдокъ и самъ скрылся. Тогда отецъ увидѣвъ, что земля и весь миръ уже багрѣетъ, и рога умаляющейся Луны исчезаютъ, повелѣлъ быстротекущимъ Часамъ закладывать коней; они повелѣніе скоро исполнили, и пламенно дышущихъ коней насыщенныхъ Амвросіею отвязавъ отъ высокихъ яслей вывели, и наложили на нихъ звенящія узды. Тогда отецъ освященною мастію помазалъ уста сына своего, чтобъ онъ сильнымъ пламенемъ невредженъ былъ; возложилъ на главу его лучи, и испуская изъ сокрушеннаго сердца воздыханія, плачъ ему предвозвѣщающія, говорилъ: Естьли можно, хотя сихъ родительскихъ послушай увѣщаній, не бей бичемъ, и не гони коней, но всю твою силу употреби въ удерживаніи оныхъ; они и сами бѣгутъ такъ поспѣшно, что удержать ихъ трудно. Не ѣзди чрезъ лежащія прямо пять круговъ свѣта, но держись онаго косаго и широкаго, который проходя чрезъ равноденственный кругъ касается до двухъ тропиковъ, а отъ южнаго и сѣвернаго убѣгай. Тутъ поѣзжай, гдѣ увидишъ слѣды моей колесницы. Но чтобъ небо и земля умѣренною согрѣваемы были теплотою, ни

въ низъ не опускай, ни въ верьхъ не подъимай колесницы. Поднявшися зажешь небо; а опустившися землю. По срединѣ безопаснѣйшій путь возьимѣешь. Не подавайся ни въ лѣвую сторону къ югу, гдѣ почти на самомъ оризонтѣ стоитъ созвѣздіе Олтаря, ни въ правую къ сѣверу, гдѣ изгибающійся великими излучинами Драконъ лежитъ: но правь среди обѣихъ. Въ прочемъ поручаю тебя щастію, и желаю, чтобъ оно о сохраненіи тебя бо́льшее имѣло попеченіе, нежели ты самъ о себѣ имѣешь. Въ сихъ разговорахъ влажная Ночь дошла уже́ до Есперійскаго мо́ря. Не можно уже́ болѣе медлить намъ, призываютъ уже́ меня къ должности. Заря прогнавъ тьму чистымъ уже́ блистаетъ свѣтомъ. Бери возжи, или естьли хочешь перемѣнить твое желаніе; то прими лучше совѣтъ мой, нежели колесницу, доколѣ еще можешь, и стой на твердой землѣ, и доколѣ еще ты не возсѣлъ на колесницу безразсудно къ нещастію твоему тобою просимую. Смотри на оную самъ будучи въ безопасности, и дай мнѣ озарять землю свѣтомъ. Фаетонъ вскочилъ юношескимъ тѣломъ на легкую колесницу, сталъ на ней, и съ несказанною радостію принявъ врученныя

себѣ

себѣ возжи приносилъ непріятное родителю благодареніе. Между тѣмъ крилатые Солнцевы кони, Пироей, Еой, Еѳонъ, и Флегонъ наполняютъ пламеноснымъ ржаніемъ воздухъ; отбиваютъ ногами запоры, которыя Тѳія, не вѣдая внука своего судбины, лишь только отняла, и открыла путь на чистое и пространное небо, но они вдругъ, съ великою скоростію поскакали, и ноги продвигая по воздуху, препятствующіе себѣ облака разсѣкали; и подъяты крильями въ краткое время пребѣгли восточные вѣтры, отъ единаго съ ними мѣста и въ единое исшедшіе время. Но весьма малая была на колесницѣ тяжесть, такъ что едва кони могли чувствовать, и возжи держаны были очень слабко. Какъ корабли безъ надлежащаго груза шатаются, и по морю отъ стороны въ сторону носимы бываютъ, такъ колесница безъ обыкновенной тяжести поскакивала, и подъимаясь то въ верьхъ то въ низъ подобна пустой казалась. Кони какъ скоро сіе ощутили, побѣжали съ великимъ стремленіемъ, и уже оставили прежній свой проложенный путь. Фаетонтъ устрашился, не вѣдая въ которую сторону держать: и не зналъ, куда путь лежитъ, а хотя бы и зналъ, не

возмогъ

возмогъ бы ими править. Хладныя созвѣздія Медвѣдицъ тогда въ первые жаръ почувствовали, и тщетно старались омочиться въ запрещенномъ себѣ морѣ. Драконъ ближайшій къ сѣверному полу, который отъ стужи до того лежалъ почти неподвижно, и не наносилъ никому страха, тогда разогрѣлся, и въ первой разъ явилъ ярость: и о тебѣ, Воотъ, вспоминаютъ, что и ты ужаснувшись обратился въ бѣгство, хотя былъ прежде нескоръ, и возъ твой тебя удерживалъ. Нещастливой Фаетонтъ съ высочайшаго свѣта взглянувъ на землю изъ самаго дальнѣйшаго отъ нея отстоянія поблѣднѣлъ; члены его всѣ отъ ужаса востре-петали; и при толикомъ свѣтѣ очи его мракомъ покрылися. Ужѣ желалъ бы никогда не прикасаться къ отеческой колесницѣ и конямъ; ужѣ досадовалъ на любопытство свое въ провѣдываніи своей породы, и на исполненіе своего прошенія. Желалъ бы тогда называться Мероповымъ сыномъ. Тако влекомъ былъ Фаетонтъ, какъ гонимый бурнымъ вѣтромъ корабль, котораго правленіе кормщикъ оставилъ, и предалъ волѣ Боговъ и судьбины. Что ему было дѣлать? много за нимъ было неба; но предъ нимъ еще больше. Измѣрялъ мыслію и то и

другое;

другое; и смотрѣлъ то на западъ, до котораго ему судьбина достигнуть запрещала, то на востокъ; и не вѣдая, что начать, весь оцепенѣлъ: не могъ ни опустить, ни держать возжей, и не зналъ именъ конскихъ. Также чудовища разсѣянныя вездѣ по испещренному небу, и изображенія ужасныхъ звѣрей привели его въ трепетъ. Есть нѣкая страна, гдѣ Скорпіонъ клешни изгибаетъ на подобіе двухъ дугъ, и хвостомъ и клешнями занимаетъ мѣсто почти двухъ знаковъ зодіяка. Сего юноша увидѣвъ обливщагося чернымъ ядовитымъ потомъ, и угрожающаго искривленнымъ жаломъ его уязвить, лишившися разума отъ хладнаго страха, выпустилъ изъ рукъ возжи, которые когда коснулися спинѣ коней, то они тотчасъ бросились, и для того, что ихъ никто не удерживалъ, бѣжали по незнаемымъ странамъ воздуха; и куда ихъ гнало стремленіе, туда безъ разбора мчались; набѣгали на неподвижныя звѣзды въ высочайшемъ сонмѣ укрѣпленныя, и влекли по непроходнымъ мѣстамъ колесницу. Иногда подымались въ верьхъ, иногда чрезъ покатыя мѣста и стремнистые пути въ ближайшемъ разстояніи отъ земли скоропечной свой путь имѣли. Луна

удивляет-

удивляется, увидѣвъ , что братни кони ни́же ея коней бѣгутъ , и что объятыя пламенемъ облака̀ дымились. Высочайшія мѣста̀ занялись пожаромъ , и на разсѣдшейся землѣ ужасныя были видны разсѣлины , а она лишившися влажности изсыхаетъ. Луга̀ истлѣваютъ , древа съ вѣтьвями горятъ , и сухой хлѣбъ своею погибелію снѣдающему пламени придаваетъ силу. Но что я о толь малыхъ вещахъ съ прискорбностію говорю? Великіе грады со стѣнами погибаютъ , цѣлыя страны пожаромъ обращаются въ пепелъ ; горятъ лѣса̀ и го́ры , пылаетъ Аѳонъ ; Киликійской Тавръ , Тмолъ , Ида , и прежде прославленная своими источниками , а днесь изсохшая Ида ; обиталище божественныхъ дѣвъ , Иликонъ и Емъ, который тогда Іагрійскимъ еще не нарицался. Етна пребезмѣрно сугубымъ огнемъ пылаетъ , двоеглавный Парнасъ , Ериксъ , Киѳеронъ и Оѳра. И на конецъ лишенная снѣговъ Родопа , Миманпъ , Диндима , Микала , и опредѣленный священнымъ празднованіямъ Киѳеронъ. Хладъ Скиѳіи ужѐ не пользуетъ ее; Кавкасъ горитъ , Осса , Пиндъ и ихъ обѣихъ превосходящій Олимпъ , до неба досязающія Алпійскія го́ры и облаконосный Апеннинъ. И такъ Фаетонтъ

тотчасъ увидя земной шаръ, со всѣхъ сторонъ объятый пламенемъ, не можетъ снести толикаго жара, и втягаетъ устами кипящій въ себя воздухъ, какъ изъ глубокой пѣщи: чувствуетъ уже, что колесница раскаляется; и не можетъ вытерпѣть пепла и летящихъ отвсюду искръ. Горячій дымъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ его: а онъ, покровенъ густымъ мракомъ, гдѣ онъ и куда ѣдетъ, не знаетъ, и несется по волѣ крилатыхъ коней. Чаютъ, что Ефіопскіе народы тогда почернѣли по выступленіи на ружу крови. Тогда Ливія лишившися прежнія влажности учинилась песчаною. Тогда Нимфы растрепавъ власы оплакивали озера и потоки. Віотія скорбитъ о источникѣ Диркѣ, Аргосъ объ Амимонѣ, Ефира о Пиренскихъ водахъ. Сей же рокъ постигаетъ рѣки въ пространныхъ берегахъ протекающія: Донъ по срединѣ водъ своихъ воздымился, и ветхій Пеней, Ѳевтрантскій Каикъ, быстрый Исминъ, и Фокайскій Ериманѳъ, Ксанѳъ опредѣленный рокомъ горѣть еще вторично, желтый Ликормъ, и играющій въ излучистыхъ брегахъ Меандръ, Мигдонскій Мелъ, и Тенарскій Евротъ. Горѣлъ Вавилонскій Евфратъ, пылалъ Оронтъ, быстро-

быстротекущій Ѳермодонтъ, Гангъ, Фасидъ и Дунай. Кипитъ Алфей, горятъ брега Сперхеевы, и Златно Тага въ огнѣ протекаетъ. Прирѣчныя птицы, которыя прежде пѣли на брегахъ Меонійскихъ, посреди Каистровыхъ водъ жаръ ощутили. Нилъ устрашенный убѣжалъ въ далнѣйшія страны свѣта, и скрылъ свои вершины, которыя и до нынѣ неизвѣстны; а седмь его устьевъ остались безводными, и прахомъ покрытыми рвами. Сей же жребій осушаетъ рѣки Исмарійскія, Евра и Стримона; и западныя рѣки Ренъ, Роданъ, Падъ, и которому подъ власть обѣщанна вселенная Тиверъ, изсякаютъ. Вся земля разсѣдается, и сквозь разсѣлины свѣтъ въ Тартаръ проникаетъ, и устрашаетъ Адскаго Царя съ его супругою. Океанъ убываетъ, и гдѣ недавно было море, тамъ поле стало. Горы до сего лежавшія подъ глубокими водами оказались, и умножили число разсѣянныхъ Киклядскихъ острововъ; рыбы на днѣ укрывались, и уже изгибающіеся дельфины по обыкновенію на верхъ воды выскакивать не смѣли; морскіе быки въ безднѣ мертвы лежали. Говорятъ, что и самъ Нирей и Дорида со дщерьми своими сокрывшися въ пещерахъ отъ жара не укры-

лись. Нептунъ трожды покушался изъ воды высунуть грозное свое лице и ру́ки, и трожды удержанъ былъ отъ того жаромъ. Однако плодородная Земля, какъ окружена была морями среди водъ Океана, и стекшимися со всѣхъ странъ источниками, которые во внутренности непрозрачной своей матери сокрылись, подняла все произносящую и по шѣю ужѐ осушенную главу, покрывъ лице свое рукою, и великимъ движеніемъ потрясши всю вселенную, осѣла, и заняла ни́же обыкновеннаго мѣсто: по томъ сиповатымъ говорить начала̀ гласомъ такo: Естьли тебѣ то нравится, и я заслужила: для чего, о начальникъ Боговъ, не разишъ меня твоими молніями; естьли мнѣ должно быть истребленною огнемъ, такъ пускай я твоимъ огнемъ погибну; пускай стану имѣть хотя ту отраду, что погибели моей причиною небезразсудный будетъ юноша. Едва на сіи слова̀ уста отверзаю: горячіе пары отнимали у нея дыханіе: возри на опаленные власы, и на множество пепла въ очахъ, и на устахъ моихъ! Сію ли я имѣю пользу? Сію ли честь воздаешъ за мое плодородіе, и за мое благопвореніе, и за то что я претерпѣваю раны налагаемыя

мнѣ

мнѣ орудіями земледѣлцевъ, и что чрезъ весь годъ тяжкою работою изнуряюся, что произращаю скотамъ быліе, а человѣческому роду вмѣсто суровой пи́щи мягкій хлѣбъ, и вамъ приношу ладанъ? Но пускай я неминуемую сію погибель заслужила, чемъ виноваты во́ды? чемъ заслужилъ сіе братъ твой, для чего моря́ доставшіяся ему по жребію высыхаютъ, и удаляются отъ ево́ира? А естьли тебя къ брату любовь и ко мнѣ въ жалость не приводитъ; сжалься надъ своимъ небомъ; посмотри ужѣ съ обѣихъ сторонъ, оба полы дымятся, и естьли повредитъ ихъ огнь, жилища ваши падутъ. Се ужѣ страждетъ и самъ Атлантъ, и раскаленную ось едва держитъ на плечахъ своихъ. Когда погибаютъ моря́, земля и небесные чертоги; мы обращаемся въ прежней Хаосъ. Исторгни изъ пламени, ежели что еще въ цѣлости осталось, да все естество не погибнетъ. Сіе рекла Земля, и больше ни сноситъ паровъ, ни говоритъ не могла, и опустила главу къ пещерамъ, въ которыхъ тѣни мертвыхъ обитаютъ. Всемогущій отецъ свидѣтельствовавъ предъ всѣми Богами и предъ самимъ давшимъ колесницу, что все погибнетъ, естьли не ускоритъ подáть помощи, немедлѣнно пошелъ въ

горнее зданіе , откуда онъ обыкновенно наводилъ облака на пространныя земли , воздвигалъ громы, и размаханныя металъ молніи. Но не было ни облаковъ , которыми бы могъ покрыть землю , ни дожжей , которые бы могъ съ небеси пролить. Возгремѣлъ , и отъ деснаго уха пустилъ съ размаха молнію въ возницу , и однимъ разомъ исторгнулъ изъ него духъ , свергъ его съ колесницы , и огни утолилъ свирѣпыми огнями. Кони смущаются, и отбросясь назадъ збили съ себя яремъ и прерванныя возжи оставили. Тамъ лежатъ узды , тамъ отломленная отъ дышла ось , и спицы разломанныхъ колесъ : вездѣ были видны раскиданные обломки раздробленной колесницы. Фаетонтъ съ горящими волосами палъ , и пролетаетъ стремглавъ по воздуху ; подобно какъ на чистомъ небѣ звѣзда , которая хотя не упадаетъ , однако можетъ казаться ниспадшею. Онъ упалъ въ далекомъ разстояніи отъ своего отечества , въ самую большую рѣку на другой части свѣта , Ериданъ , и обмылъ запѣнившіяся свой уста.

Наяды Есперійскія пораженное троекопечною молніею его тѣло предали погребенію , и положили сію надгробную : Здѣсь лежитъ Фаетонтъ, возница роди-

тель-

тельскія колесницы ; которой не возмогъ онъ держать, и предпріявъ великое дѣло съ оной низпалъ. Нещастливой отецъ сокрылъ лице наполненное несносною печалію ; и естьли повѣрить можно , то говорятъ , что тогда одинъ день прошелъ безъ солнечнаго сіянія , а миръ освѣщаемъ былъ пожаромъ , и оное бѣдствіе въ тогдашнемъ случаѣ нѣкоторымъ образомъ было полезно. Климена проговоривъ все, что въ такомъ нещастіи говорить было пристойно , въ слезахъ и безъ ума, растерзавъ на себѣ одежду , бѣгала по всему свѣту, спрашивая то о тѣлѣ , то о костяхъ Фаетонтовыхъ. Нашла кости; но въ чужей странѣ при брегахъ погребенныя ; повалилась на томъ мѣстѣ , и обливала имя написанное на мраморѣ слезами , обогрѣвала его нагою своею грудью. Не меньше плакали дщери Солнцевы , тщетно въ даръ приносили мертвому слезы, и бія руками въ свою грудь, денно и нощно вопще повторяли неслышащаго Фаетонта имя , и припадали къ его гробу. Луна четырежды совокупивъ роги исполнила свою окружность : а они по своему обыкновенію , къ чему они отъ употребленія привыкли , въ грудь себя бить не переставали : изъ которыхъ старшая Фаэтуса желая повалиться на

землю , износила жалобы , что у нея окаменѣли ноги , къ которой стараю-щаяся подойти бѣлая Лампетія уде-ржана была внезапнымъ корнемъ. Третья готовясь руками терзать на себѣ волосы, терзала вѣшьви ; а прочія жаловались , иная , что ея икры одревенѣли , другая, что ея руки превратились въ длинные суки. Въ семъ удивленіи покрылися ихъ лядвеи корою , и постепенно чрево , грудь , рамена и руки она объяла ; и только одни уста призывающія матерь видны были. Что было дѣлать матери, кромѣ что только ходить туда и сюда, куда ее влекло стремленіе? и доколѣ возмо-жно, ихъ цѣловать. Однако сего было не довольно , она старалась отъ пней оторвать тѣла ихъ , и отрывала рука-ми суки , а оттуда текли, какъ будто изъ ранъ , кровавыя капли. Пощади, прошу, любезная мать ! каждая уязвлен-ная кричала , пощади, прошу , въ древѣ терзается тѣло наше , и уже прости. При послѣднихъ словахъ кора все покры-ла. Потекли слезы , которыя солнеч-ною теплотою превращены въ янтарь , падаютъ въ прозрачную рѣку , а она ихъ приемля , отсылаетъ ихъ къ украшенію младыхъ женъ державы Латинъ.

При

При семъ позорищѣ былъ Сѳенелеевъ сынъ Кикнъ , который хотя и былъ матернею сопряженъ съ тобою , Фаетонтъ , кровію , но духомъ еще болѣе. Сей оставивъ царство свое , ибо онъ Лигурскїе народы и великїе грады правилъ , наполнялъ жалобами зеленые берега , рѣку Ериданъ , и лѣсъ умноженный сестрами ; потомъ отончалъ его гласъ , власы превратилися въ перья , шѣя отъ груди протянулась , краснѣющїеся персты кожею спряглися , бока обросли перьями , и уста здѣлалися тупымъ носомъ. Сталъ Кикнъ новою птицею , и не ввѣряетъ себя ни небу ни Юпитеру , памятуя неправедно пущенный отъ него огнь : вселяется въ пруды и широкїя озера , и возненавидѣвъ огнь избираетъ себѣ въ обиталище струи противныя пламенямъ. Между тѣмъ въ черное вретище одѣтый Фаетонтовъ родитель , и самъ лишенный своея красоты , каковъ во время затмѣнїя своего обыкновенно бываетъ , возненавидѣлъ свѣтъ , самаго себя и день ; отдался слезамъ , и къ плачу гнѣвъ присовокупивъ отрицаетъ миру свое благотвореніе. Довольно уже , говорилъ онъ , отъ начала вѣка жребїй мой безспокоенъ былъ : и жалѣю о содѣланныхъ мною безконеч-

ныхъ и непочтенныхъ трудахъ. Пустъ кто нибудь другой возметъ въ управленїе свѣтоносную колесницу : а естьли никого нѣтъ , и всѣ Боги къ тому признаваютъ недостаюкъ силъ своихъ ; пускай управляетъ самъ : чтобы по крайней мѣрѣ хотя во время держанїя моихъ возжей отложилъ наводящїя отцамъ сиротство молнїи. Тогда узнаетъ онъ , испытавъ силу пламеноножныхъ коней, что недостоинъ смерти тотъ , который худо ими правилъ. При сихъ словахъ окружили Солнце всѣ Боги , и просили гласомъ покорнымъ , да ненаведетъ тьмы миру. И самъ Юпитеръ извинялъ пущенные въ Фаетонта огни , и при прошенїи угрожалъ Царски. Фебъ собираетъ устрашенныхъ и отъ ужаса еще трепещущихъ коней , и свирѣпствуя бїетъ ихъ , и колетъ : свирѣпствуетъ , обличаетъ сыномъ , и укоряетъ ихъ.

Переводилъ съ Латинскаго Василїй Крамаренковъ.

II.

ДЕСИДЕРІЯ ЕРАСМА РОТЕРДАМСКАГО

РАЗГОВОРЪ.

ИСКУСТВО УДОБОВРАЗУМЛЯЮЩЕЕ.

ДЕСИДЕРІЙ И ЕРАСМІЙ.

Десид. Велики ли твои, Ерасмій, въ наукахъ успѣхи?

Ерасм. Не весьма велики, какъ мнѣ кажется: они бы больше были, ежели бы я то получить могъ, о чемъ тебя просить буду.

Десид. Все для тебя здѣлаю, лишъ бы только было въ твою пользу. Скажи пожалуй, чего ты желаешь.

Ерасм. Я думаю, что нѣтъ ни одной тайной науки, о которой бы ты не зналъ.

Десид. Когда бы ето правда была!

Ерасм.

Ерасм. Я слышалъ, что есть нѣкоторое удобовразумляющее искуство, которое подаетъ такїе способы, что человѣкъ можетъ научиться въ скоромъ времени и безъ дальнаго труда всѣмъ свободнымъ наукамъ.

Десид. Что ты говоришъ? видѣлъ ли ты ету книгу?

Ерасм. Видѣлъ, да только и всего, что видѣлъ, для того что нѣкому мнѣ было ее истолковать.

Десид. Что въ ней написано?

Ерасм. Разныя животныхъ изображенїя; драконовъ, львовъ, бабровъ, разные круги, и на нихъ написанныя слова, индѣ по Гречески, индѣ по Латински, а въ иномъ мѣстѣ по Еврейски, и иными варварскими языками.

Десид. Во сколько дней сочинитель въ заглавїи сея книги обѣщаетъ научить помянутымъ наукамъ?

Ерасм. Въ четыренадесять.

Десид. Великолѣпное по истиннѣ обѣщанїе! но знаешъ ли хотъ одного человѣка, котораго бы сїе удобовразумляющее искуство здѣлало ученымъ?

Ерасм. Я никого еще не видалъ.

Десид. Да и никто другой никогда не видалъ, и не увидитъ, развѣ въ то время,

время , когда Алхимïею кто нибудь обогатится.

Ерасм. Такъ по етому оно ложно ? я бы весьма желалъ , чтобъ оно было истинно.

Десид. Можетъ быть для того , что тебѣ не приятно на ученïе столько поту проливать.

Ерасм. Подлинно такъ.

Десид. Однако такъ угодно всевышнему. Временное сïе богатство , золото , каменïе драгоцѣнное , серебро , палаты , царство даетъ онъ иногда лѣнивымъ и недостойиымъ , а истинное богатство , и которое свойственно нашимъ называть можно , благоволилъ онъ , чтобъ мы трудами приобрѣтали. И не надобно намъ того труда за тяжкой почитать , которымъ толикую вещь получаемъ , видя премногихъ людей чрезъ ужасныя бѣдствïя и безпокойства , съ кровавымъ пóтомъ стремящихся къ стяжанïю вещей временныхъ и подлыхъ , ежели сравнить оныя съ ученïемъ ; хотя они и не всегда получаютъ то , о чемъ пекутся. При томъ труды на ученïе употребляемые имѣютъ въ себѣ много приятности , ежели хотя мало въ ономъ успѣвать станешь. На конецъ по большой части отъ тебя самаго зависитъ

висить большую половину скуки преодолѣть.

Ерасм. Какимъ образомъ ? скажи пожалуй.

Десид. Сперьва надлежитъ тебѣ твердое принять намѣреніе, любить науки : потомъ оныя почитать съ удивленіемъ.

Ерасм. Да какъ ето здѣлать можно?

Десид. Смотри со вниманіемъ, сколь многихъ науки обогатили, сколь многихъ на высокія достоинства и чести возвели: и разсуждай, коликое разнствіе между скотомъ и человѣкомъ.

Ерасм. Наставленіе пивое справедливо.

Десид. Сіе учинивъ долженъ ты изъ ума твоего суровость истреблять, чтобъ онъ пришелъ въ постоянство, и здѣлался любителемъ того, что приноситъ больше пользы, нежели увеселенія. Ибо что само собою честно, хотя съ начала нѣсколько и скучно покажется, однако привычкою бываетъ приятно : а изъ сего возпослѣдуетъ, что и учителю меньше причинитъ труда, и самъ скорѣе поймешъ то, чему учишся, по Исократову изреченію, которое золотыми буквами на заглавіи твоей книги написать тебѣ должно: то есть: *ежели будешъ любителемъ наукъ, многимъ вещамъ можешъ научитъся.*

Ерасм.

Ерасм. Я скоро перенять могу, да скоро и забываю.

Десид. И такъ твоя память подобна той дирливой бочкѣ, которую Данаевы дочери въ Плутоновомъ царствѣ всуе наливаютъ.

Ерасм. Хорошо ты угадалъ; да чѣмъ пособить?

Десид. Надобно скважину законопатить, чтобъ сквозь нее не текло.

Ерасм. Чѣмъ?

Десид. Не мохомъ и смолою, но прилѣжаніемъ. Кто одни слова наизусть учитъ, не выразумѣвъ вещи ими изображаемой, тотъ скоро забываетъ. Для того и Омиръ слова называетъ крилатыми, которыя легко улетаютъ, ежели они тягостію вещей не будутъ приведены въ равновѣсіе. И такъ первое стараніе въ томъ полагать должно, чтобъ вещь точно выразумѣть, потомъ часто объ ней разсуждать, и повторять оную; и къ сему то надобно, какъ я уже прежде говорилъ, приучивать тебѣ твои мысли, чтобъ они, когда нужда потребуетъ, могли разсуждая о вещахъ, въ оныя углубляться потому, что у кого умъ такъ дикъ и необузданъ, что къ сему приучить его невозможно, то онъ во все къ наукамъ неспособенъ.

Ерасм.

Ерасм. Сколь сіе трудно учинить, довольно я могу видѣть.

Десид. Ибо у кого мысли такъ вѣтрены, и непостоянны, что не могутъ ни о какой вещи терпѣливо разсуждать, такому человѣку невозможно долго учителя своего слушать, и выученное въ памяти утвердить. На свинцѣ можно что ни будь напечатать, для того что онъ никакого движенія не имѣетъ; а на водѣ, или на ртути, какъ на вещахъ непрестанное движеніе имѣющихъ, отнюдъ ничего нельзя изобразить. И ежели бы можно тебѣ было мысли свои въ семъ постоянными и непоколѣбимыми здѣлать, то безъ всякаго дальнаго труда весьма бы много могъ ты выучить, имѣя непрестанное обхожденіе съ учеными людьми, которыхъ бесѣды исполненны ежедневно вещами знанія достойными.

Ерасм. Такъ по истиннѣ.

Десид. Ибо кромѣ рѣчей у собесѣдниковъ, кромѣ ежедневныхъ разговоровъ, слышишъ ты, тотъ часъ послѣ обѣда, восемь преизрядныхъ изреченій, избранныхъ изъ самыхъ лучшихъ писателей, столько же послѣ ужина; теперь сочти, сколько сего будетъ на каждой мѣсяцъ и годъ.

Ерасм. Ужасное вижу число, ежели бы я все сіе помнить могъ.

Десид.

Десид. При томъ слыша всегда чистой Латинской языкъ не льзя тебѣ не обучиться въ нѣсколько мѣсяцевъ оному, когда по Французски и по Гишпански неграмотные мальчики въ краткое время научаются.

Ерасм. Буду слѣдовать совѣту твоему, и попытаюся, можетъ ли мой умъ, подвергшися игу Музъ, дикость отложить.

Десид. Я другаго удобовразумляющаго искуства не знаю, кромѣ прилѣжанія, любви и неусыпнаго упражненія.

Переводилъ съ Латинскаго Н. М.

* * * * * * * * * * * * *
* * * * * * * * * * * * *

III.

ЛУКІАНА
РАЗГОВОРЫ МЕРТВЫХЪ
ПЕРВЫЙ РАЗГОВОРЪ.
ДІОГЕНЪ И ПОЛИДЕВКЪ

Діог. ПОжалуй, Полидевкъ, какъ скоро ты на тотъ свѣтъ возвратишся;

ся; а я думаю, что завтра опять оживешь; то есть ли гдѣ увидишь Менippa, прозваннаго Псомъ; а сыщешь его въ Коринѳѣ въ Кранiѣ, или въ Ликiѣ, гдѣ онъ Философскимъ спорамъ насмѣхается, пожалуй скажи, что я ему велю, когда онъ на землѣ уже довольно насмѣялся, чтобъ пришелъ къ намъ въ Адъ: онъ сыщетъ тутъ больше достойныхъ посмѣянiя вещей. Тамъ смѣхъ его сомнителенъ для того, что многiе говорятъ: Кто знаетъ совершенно, что будетъ послѣ смерти? А здѣсь подлинно и ни мало не сомнѣваясь, безпрестанно будетъ онъ хахатать, такъ какъ и я, увидѣвъ богатыхъ, вельможъ, и тирановъ лишенныхъ славы и великолѣпiя въ такомъ малодушiи, что изъ однихъ только вздоховъ узнать можно, кто они таковы; сколь немужественны и неблагородны они становятся, когда воспомянутъ прежнее свое въ жизни состоянiе. Скажи ему все сiе подробно, и вели, чтобъ пришелъ сюда, наполнивъ свой мѣшокъ бобами, или пищею Екатиною, которую обыкновенно кладутъ на распутiяхъ, или яицами для очищенiя брошеными, или чѣмъ другимъ.

Полид

Полид. Конечно, Діогенъ, я все ему скажу, да по чему я узнать могу Менippa? каковъ онъ лицемъ?

Діог. Старъ, плѣшивъ, плащъ на немъ весь въ дирахъ съ заплатами разныхъ цвѣтовъ, которой поднимается, откуду бы вѣтеръ ни вѣялъ; онъ смѣется всегда, и ругается хвастовствомъ Философовъ.

Полид. Очень хорошо: по симъ примѣтамъ я его легко найду.

Діог. Я бы желалъ охотно сказать чрезъ тебя нѣчто и самимъ тѣмъ Философамъ, когда тебѣ угодно.

Полид. Говори, ето мнѣ ни малаго труда не здѣлаетъ.

Діог. Скажи имъ отъ меня, чтобъ они перестали врать, и спорить о существѣ всѣхъ вещей; чтобъ не дѣлали другъ друга быками и крокодилами, и невозможныхъ вещей не постигали бы своимъ разумомъ.

Полид. Да они скажутъ, что я неученъ и невѣжа, какъ я начну обличать ихъ премудрость.

Діог. А ты имъ отъ меня не позабудь на то отвѣтствовать, чтобъ они со всѣми своими спорами сквозь землю провалились.

Полид. Скажу, Діогенъ, не позабуду.

Діог. Еще, любезный Полидевкъ, прошу тебя, и богатымъ объявить сіи мои слова: Что вы, глупцы, такъ суетитесь, и не усыпно богатство ваше стережете? на что сами себя мучите, считая безпрестанно прибыльныя съ росту деньги, и тысячи къ тысячамъ собирая? въ скоромъ времени не надобно вамъ будетъ больше ничего, кромѣ одного пѣнязя, съ которымъ къ намъ придете.

Полид. Хорошо, объявлю.

Діог. Красавцовъ и храбрыхъ, наипаче Мегилла Коринѳянина и Димоксена Борца пожалуй увѣдоми, что здѣсь у насъ нѣтъ ни хорошихъ волосовъ, ни сѣрыхъ или черныхъ глазъ, ни краски на лицѣ, ни тугихъ жилъ, ни крѣпкихъ мышцъ; но все въ прахъ обращается, остаются одни кости лишенныя красоты.

Полид. Скажу имъ конечно.

Діог. На послѣдокъ бѣднымъ и убогимъ, которыхъ великое множество, и всѣ изъ нихъ негодуютъ на свое состоянїе, и скорбятъ о бѣдности, вели моимъ именемъ перестать плакать и воздыхать, разсказавъ напередъ, что здѣсь у насъ равенство между всѣми, и что они пришедши къ намъ увидятъ тамошнихъ

шнихъ своихъ богачей ничѣмъ себя не лучше. Да и Лакедемонянамъ, твоимъ землякамъ, есть ли хочешь, здѣлай отъ меня выговоръ за то, что они оставивъ прежнюю свою умѣренность, или лучше сказать, строгость, впали въ сластолюбіе.

Полид. О Лакедемонянахъ, Діогенъ, не говори ничего худаго; я тебѣ терпѣть не стану. А что ты мнѣ поручилъ другимъ сказать, то вѣрно исправлю.

Діог. Пускай такъ будетъ, естьли тебѣ угодно; Лакедемонянамъ ничего не сказывай, а прочимъ всѣмъ мои рѣчи, не упуская ни одного слова, перескажи.

ВТОРЫЙ РАЗГОВОРЪ.

ПЛУТОНЪ, ИЛИ НА МЕНИППА.

Крезъ. НЕ можно, Плутонъ, стерпѣть сего Менипа, Пса, который тутъ подлѣ насъ живетъ. Мы просимъ всѣ: или его отсюда переведи, или мы другое мѣсто для себя сыщемъ.

Плут. Чѣмъ онъ васъ обижаетъ, будучи мертвъ также какъ и вы.

Крез. Когда мы стонемъ и воздыхаемъ, воспоминая прежнее наше въ жизни состояніе; Мидъ о златѣ, Сардана-

палъ о великой роскоши , а я о сокровищахъ своихъ : то онъ все смѣется и ругаетъ насъ , называя рабами , извергами и другими поносными именами : иногда поетъ и мѣшаетъ намъ въ нашемъ плачѣ : однимъ словомъ , онъ намъ несносенъ.

Плут. Что, Менипп, правду ли на тебя доносятъ ?

Менип. Они правду говорятъ , Плутонъ : я ихъ ненавижу , какъ подлыхъ и пагубныхъ , которымъ того недовольно , что они беззаконно жили на томъ свѣтѣ, но и теперь еще здѣсь поминаютъ жизнь свою , и печалятся , лишившись оной. Для того я весьма радуюсь, когда имъ чемъ нибудь досадить могу.

Плут. Однако етого не надобно дѣлать : печаль ихъ немала , потому что великихъ они благъ лишились.

Менип. И ты, Плутонъ, безумія ихъ сопричастникомъ быть хочешъ , согласуясь на ихъ стенаніе ?

Плут. Никакъ. Мнѣ только непріятно , когда я вижу между вами раздоры.

Менип. Знайте , беззаконнѣйшія Лидскія , Фригійскія и Ассирійскія твари , знайте, что я никогда сего моего предпріятія не оставлю. Куда вы ни пойдете, я бу-

ду

ду за вами слѣдовать, безпрестанно вамъ досаждать, припѣвать, и насмѣхаться.

Крез. Развѣ сто не явная обида.

Менип. Нѣтъ. То была обида, что вы дѣлали, требуя, чтобъ васъ, какъ боговъ почитали, на всѣхъ неправедно нападая, и не помышляя никогда о смерти. Плачте теперь, и воздыхайте, лишившися всего.

Крез. Правду говоришъ, Менипп. О Боги! какого лишился я богатства.

Мидъ. Сколько золота у меня пропало!

Сарданапалъ. Въ какой я жилъ роскоши! коль не сносно потерять такія увеселенія!

Менип. Вотъ теперь хорошо вы дѣлаете! рыдайте такъ всегда, а я повторяя часто сіи слова: *Знай себя*, припѣвать вамъ стану. Я думаю, что такимъ стенаніямъ безъ припѣва быть не должно.

ТРЕТІЙ РАЗГОВОРЪ.

МЕНИППЪ, АМФИЛОХЪ и ТРОФОНІЙ

Менип. Не вѣдаю, какимъ образомъ вы двое, Трофоній и Амфилохъ, пбслѣ смерти удостоились имѣть храмы, и пророчествовать въ нихъ; а суетные люди вѣрятъ объ васъ, что вы Боги.

Троф. Виноваты ли мы въ томъ, когда они отъ безумія умершихъ людей въ боговъ превращаютъ ?

Менил. Не дѣлали бы они сего никогда, естьли бы вы будучи еще живыми, не притворялись, и не обманывали людей тѣмъ, что вы будущее предвидѣть, и вопрошающимъ васъ пророчествовать можете.

Троф. Менипп, пускай тебѣ Амфилохъ за себя отвѣтствуетъ, какъ хочетъ; а что до меня касается, то я Герой, и пророчествовать могу тѣмъ, которые у меня требуютъ отвѣта. Знать ты не бывалъ николи въ Левадіи, а то бы ты конечно о семъ не сомнѣвался.

Менил. Что ты говоришъ ? развѣ когда я въ Левадію не пойду, и обязанъ пеленами, смѣшно держа въ рукахъ кусокъ мяса, не влѣзу тѣснымъ тѣмъ отверстіемъ въ пещеру, то не могу и знать, что ты мертвъ, такъ какъ и мы, и различествуешъ отъ насъ однимъ только волшебствомъ. Однако заклинаю тебя твоимъ прорицаніемъ, скажи мнѣ, что ето такое Герой ? я право не вѣдаю.

Троф. Герой есть нѣчто сложенное изъ человѣка и бога.

Менил. Не то ли ты думаешь, что Герой есть ни человѣкъ ни богъ, да оба вмѣстѣ? гдѣжъ теперь та твоя половина бога? куда она дѣвалась?

Троф. Въ Віотіи, Менипп, она отвѣты даетъ вопрошающимъ.

Менил. Не разумѣю я, Трофоніе, что ты говоришь. А что ты весь смертный, то я подлинно вижу.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗГОВОРЪ.

ЕРМІЙ И ХАРОНЪ.

Ерм. Разочтемся, перевозчикъ, когда хочешь, сколько ты мнѣ долженъ, чтобъ намъ опять когда нибудь не поссориться.

Хар. Хорошо, Ермій. такимъ образомъ мы лучше раздѣлаемся и съ меньшимъ трудомъ.

Ерм. За якорь далъ я пять драхмъ.

Хар. Очень много, естьли ты столько далъ, сколько сказываешь.

Ерм. Кленусь Адомъ, что за пять драхмъ я якорь купилъ, а канатъ за два шеляга.

Хар. Хорошо, отмѣть пять драхмъ и два шеляга.

Ерм. За парусную иглу пять шеляговъ.

Хар. Приложи къ прежнимъ еще пять шеляговъ.

Ерм. Конопать и смола намазывать нашу лодку, гвозди и веревка, которую ты къ парусу привязалъ, все стóитъ двѣ драхмы.

Хар. Ето дешево ты купилъ.

Ерм. Вотъ весь тебѣ счетъ. Мнѣ кажется, что я ничего больше не покупалъ. Когда есть у тебя деньги, то заплати мнѣ сей должекъ.

Хар. Теперь я не въ состоянїи уплатить, а есть ли откуда моровая язва или война пошлютъ къ намъ много мертвыхъ, въ то время можно будетъ отъ толь великаго числа, что нибудь выбарышничать, взявъ лишнее за перевозъ.

Ерм. И такъ я здѣсь сидя стану всякаго зла земнымъ жителямъ желать для моей прибыли.

Хар. Инако не льзя и быть, Ермїй; вить ты видишь, какъ мало къ намъ приходятъ, для того, что теперь мирное время.

Ерм. Правду говоришь. А въ противномъ случаѣ долго буду я ждать, покамѣстъ ты мнѣ долгъ выплатишь. Въ старину, Харонъ, самъ знаешь, какїе

къ

къ намъ люди приходили: многіе храбрые и сильные, всѣ въ крови и въ ранахъ: а теперь очень мало приходитъ, да и то когда кого или сынъ отравою опоитъ, или жена, или кто отъ безмѣрной роскоши съ раздутымъ брюхомъ, и съ претолстыми ногами едва въ Адъ приползетъ: всѣ блѣдны и нѣжны, не похожи ни мало на древнихъ нашихъ пришельцевъ. Большая часть изъ нихъ за деньги пропадаютъ, когда по ихъ обыкновенію другъ друга за оные во гробъ гонятъ.

Хар. Не вѣдаю, Ермій, есть ли кто таковъ, кто бы такъ дорогой вещи любить не хотѣлъ.

Ерм. Для того мнѣ кажется, что и я въ томъ никакой погрѣшности не здѣлаю, когда стану нахально отъ тебя требовать, чтобъ ты мнѣ мой долгъ немедлѣнно отдалъ.

Перевелъ съ Греческаго Г. К.

IV.

IV.

ЕКЛОГИ

I.

КЛАРИ́СА.

СЪ высокїя горы̀ источникъ низливался ,
И чистымъ хрустáлемъ въ долинѣ извивался.
По бѣлымъ онъ пескамъ и камышкамъ бѣжалъ,
Брега̀ потоковъ сихъ кустарникъ украшалъ.
Мили́за нѣкогда съ Кларисой тутъ гуляла ,
И сѣдши на траву ей тайну объявляла :
Кустарникъ сей мнѣ милъ , она вѣщала ей ,
Онъ спалъ свидѣтелемъ всей радости моей.
Въ немъ часто Палемо́нъ скотину напаяетъ ,
И мниму въ немъ красу Мили́зину воспѣваетъ.
Здѣсь часто сѣтуетъ онъ въ сердцѣ жаръ храня,
И жалобы свои приноситъ на меня.
Здѣсь именемъ моимъ все мѣсто полно стало ,
И ехо здѣсь ево стократно повторяло.
О естьли бъ вѣдала ты , какъ я весела :
Я вижу , что ево я сердцу впрямъ мила.
Селинтѣ Палемо́нъ меня предпочитаетъ ,
Знакъ склонности ея къ себѣ уничтожаетъ.

Мнѣ

Мнѣ кажется , душа ево ко мнѣ вѣрна.
И ежели по такъ , такъ знать я не дурна.
Намнясь купаясь я въ день тихїя погоды ,
Нарочно пристально смотрѣла въ ясны во́ды :
Хотя казался мнѣ мой о́бразъ и пригожъ ;
Но знать, что онъ въ водахъ еще не такъ хорошъ.
Клари́са ни чево на то не отвѣчала ;
Несмысленна была , любви еще не знала.
Мили́за, говоритъ : подъ етою горой ,
Незапно въ первый разъ онъ свидился со мной :
Онъ сшедъ съ верьховъ ея съ своимъ блеящимъ стадомъ ,
Удержанъ былъ въ долу понравившимся взглядомъ ,
Гдѣ внятно слушала свирѣлку я ево ,
Не слыша никогда про пастуха сево ,
Когда я сидючи въ приятной сей долинѣ ,
Взирала на мѣста лежащи въ сей пустынѣ ,
И величая жизнь пастушью во умѣ ,
Дивилась красотамъ въ прелестной сей странѣ.
Любовны мысли въ умъ еще мнѣ не впадали ,
Пригожствы сихъ жилищъ, мой разумъ услаждали,
И веселилъ меня пасомый мною скотъ.
Не знала прежде я иныхъ себѣ заботъ.
Однако Палемо́нъ взложилъ на сердце камень.
Почувствовала я вліянный въ жилахъ пламень ,
Который день отъ дня умножился въ крови ,
И учинилъ меня невольницей любви ;
Но склонности своей поднесь не открываю ,
И только нынѣ тѣмъ себя увеселяю ,
Что знаю то , что я мила ему равно.

Уже

Уже бы съ нимъ въ любви открылась я давно;
Да только приступить къ открытію стыжуся;
А паче отъ него измѣны я боюся.
Я тщуся, что бъ пастухъ любилъ меня такой,
Который бъ не на часъ, на цѣлый вѣкъ былъ мой.
Кто жъ подлинно меня Клариса въ томъ увѣритъ,
Что будетъ онъ мой вѣкъ? теперь нелицемѣритъ,
Всѣмъ сердцемъ покоренъ ставъ зраку моему;
Но можетъ быть склонясь прискучуся ему.
Довольно видѣла примѣровъ я подобныхъ:
Какъ Волки изловя когда Овецъ беззлобныхъ,
Терзаютъ ихъ когда изъ паства унесутъ,
Такъ часто пастухи сердца пастушекъ рвутъ.
Богиней паствъ тебѣ Милиза я кленуся;
Что я по смерть свою къ тебѣ не премѣнюся;
Пастухъ передъ нее представши говорилъ.
Колико онъ тогда пастушку удивилъ!
Ей мнилося, что кустъ въ него преобратился,
Иль онъ изъ облака передъ нее свалился.
А онъ сокрывшися межъ частыхъ тутъ кустовъ,
Былъ всѣхъ свидѣтелемъ ея любовныхъ словъ.
Она со трепетомъ и въ мысли возмущенной,
Вскочила съ муравы долины наводненной,
И къ жительницамъ рощь, къ прелестницамъ Сатиръ,
Когда препархивалъ вокругъ ея Зефиръ,
И быстрая вода въ источникѣ журчала,
Прискорбнымъ голосомъ вздыхаючи вѣщала:
Богини здѣшнихъ паствъ, о Нимфы рощей сихъ,
Ступайте за лѣсъ бѣжа жилищъ своихъ!

Зе

Зефирѣ, когда ты здѣсь вокругѣ меня летаешѣ,
Мнѣ кажется, что ты меня пересмѣхаешѣ,
Лети отселѣ прочь, оставь мѣста сіи,
Спокой журчащія вѣ источникѣ струи,
Чтобѣ я осмѣлилась то молвить, что мнѣ должно;
Открывшися уже таиться не возможно!
Скончалась на брегахѣ сихѣ горесть пастуха;
Любезная ево престала быть лиха.
Стократно тутѣ они другѣ другу присягаютѣ,
И поцалуями тѣ клятвы утверждаютѣ.
Клариса видя то стыдиться начала;
И зря что тутѣ она не надобна была;
Ихѣ тающимѣ сердцамѣ не дѣлаетѣ помѣхи;
Отходитѣ; но чтобѣ зрѣть любовничьи утѣхи;
Скрывается вѣ кустахѣ сплетенныхѣ и густыхѣ;
Внимаетѣ милый взглядѣ, и разговоры ихѣ.
Какое множество прелестныхѣ видитѣ взоровѣ!
Какую слышитѣ тьму приятныхѣ разговоровѣ!
Споръ, шутка; смѣхѣ, игра, все тутѣ ихѣ веселитѣ;
Все тутѣ, что мило имѣ, и свѣтѣ отѣ нихѣ забытѣ.
Несмысленна ихѣ зря Клариса изумѣлась,
Ожглась ихѣ видючи, и кровь ее запѣлась.
Отходитѣ скотѣ пасти, но тѣхѣ часовѣ ужѣ нѣтѣ.
Какѣ кровь была хладна. любовь сѣ ума нейдетѣ.
Луга покрыла ночь: пастушкѣ ужѣ не спится,
Затворитѣ лишѣ глаза: Ей тоже все и снится.
Лишается со всѣмѣ рабяческихѣ забавѣ,
И премѣняется пастушкинѣ прежній нравѣ.

Подружкина любовь Клари́су заражаетъ:
Клари́са дней чрезъ пять Мили́зъ подражаетъ.

А. С.

* * *

II.

Ти́рсисъ.

Годъ цѣлый Ти́рсисъ былъ съ Ифи́зою въ разлукѣ,
Годъ цѣлый онъ вздыхалъ, и жилъ въ несносной скукѣ.
Въ деревнѣ, жалостно воспоминалъ стада,
И о любовницѣ онъ плакалъ иногда.
Ифи́за у овецъ своихъ въ лугахъ осталась,
И помнилось ему, какъ съ нимъ она прощалась,
Какъ въ щастливыя дни ихъ радости текли,
И какъ веселости спокойствіе влекли.
Ни что ихъ тамъ утѣхъ тогда не разрушало,
Что было надобно, все съ ними пребывало.
Кончаетъ солнце кругъ, Весна въ луга идетъ,
Увеселяетъ тварь, и обновляетъ свѣтъ.
Сокрылся снѣгъ, трава изъ плѣна выступаетъ,
Источники журчатъ, и жавронокъ вспѣваетъ.
Приближилися тѣ дражайшія часы,
Чтобъ видѣть Пастуху Пастушкины красы.
Къ желанной многи дни стенящаго отрадѣ,
Отецъ нарекъ опять быть Ти́рсису при стадѣ.
Все паство на умѣ и милый взоръ очей,
Все мыслитъ, какъ опять увидится онъ съ ней.

Дени

День щастья настаетъ , и скуку еканчеваетъ ,
Отходитъ Тирсисъ въ лугъ , и къ паству поспѣшаетъ.
Во весь шелъ день, пришелъ , зритъ ясную луну ,
Свѣтило дневное сошло во глубину.
Но ясныя ночи тоя ему нача́ло ,
Знакому разсмотрѣть пустыню не мѣшало ,
Повсюду мечетъ взоръ , на все съ весельемъ зритъ ,
И пропка Тирсиса шутъ много веселитъ.
Вотъ роща , гдѣ моя любезная гуляетъ ,
Вотъ рѣчка , гдѣ она свой о́бразъ умываетъ.
Подъ древомъ тамо съ ней я нѣкогда сидѣлъ ,
Съ высокой сей горы въ долины съ ней глядѣлъ.
Въ пещерѣ сей она въ полудни отдыхала ,
И часто и меня съ собой туда зывала ,
Гдѣ лежа на ея колѣняхъ я лежалъ ,
И руки мягкія въ рукахъ своихъ держалъ.
Сей мыслію свой духъ въ пустынѣ онъ питаетъ ,
И сердце нѣжное надеждой напаяетъ.
Приходитъ на конецъ ко стаду онъ шому ,
Которо отъ отца поручено ему.
Собаки прежняго хозяина узнали ,
И ластяся къ нему во кругъ ево играли.
Исполнилося то хотѣніе ево ,
Что быть ему въ мѣстахъ желанья своево ;
Но Тирсисова мысль и шутъ еще мутилась :
Ну естьли , мыслитъ онъ , Ифи́за отмѣнилась ,
И новы радости имѣя въ сей странѣ ,
Въ невѣрности своей не по́мнитъ обомнѣ!
Я знаю , что меня она не ненавидитъ ,

Но чая, что уже здѣсь больше не увидитъ,
Ахъ ! можетъ быть она другова избрала ,
И для того уже мнѣ суетно мила.
Съ нетерпѣливостью узрѣть ее желаетъ ;
Но ночь , къ свиданію ево не допускаетъ ,
Которая ему заснути не дала ;
Ифи́за во всю ночь въ умѣ ево была.
Какъ радостно ево надежда услаждала ,
Такъ тяжко мысль при томъ сумнѣнїемъ терзала.
Глаза́ не жмурятся , что дѣлать , востаетъ;
Но солнце на луга́ изъ волнъ морскихъ нейдетъ.
Какъ ночи долгота ему ни досаждаетъ ,
Оно обычнаго пути не премѣняетъ.
Восходитъ по горамъ Аврора на конецъ ,
И гонятъ пастухи въ луга́ своихъ овецъ.
Всѣхъ Ти́рсисъ зритъ, не зритъ Ифи́сы онъ единой
Не знаетъ , что ему причесть тому притчиной:
Гдѣ дѣлась , говоритъ Ифиза ? знать взята
Отселѣ ужъ ея въ деревню красота !
Мы розныхъ деревень , и жить съ ней будемъ розно.
Почто на паство я пущенъ опять такъ позно !
Уже́ меня весна не станетъ услаждать ,
Вездѣ и завсегда я стану воздыхать.
Коль здѣсь Ифи́зы нѣтъ ; уйду въ лѣса́ дремучи,
Наполню стономъ ихъ, слезъ горькихъ токи лыючи,
Лишенъ людей съ звѣрьми я тамо буду жить ,
И жалобы горамъ въ пустыняхъ приносить.
Но вскорѣ и она овецъ препровождаетъ ,
Идетъ послѣдняя , о Ти́рсисѣ вздыхаетъ.
Когда свою пастухъ любовницу узрѣлъ ,

Съ

Съ веселья вымолвить ей слова не умѣлъ ,
А ей чувствительняй еще та радость стала ,
Она увидѣла , чево не ожидала.
Не вспомнилась она , и плача говоритъ :
Не въ сновидѣнїи ль здѣсь Тирсисъ предстоитъ?
Я зрю мечтанїе , и сердцу лицемѣрю ;
Нѣтъ , вижу истинну , но ей почти не вѣрю.
Я въ явѣ предъ тобой , любовникъ ей вѣщалъ ,
И съ тою жъ вѣрностью , какъ духъ тебѣ вручалъ.
Я мышлю , что и я не въ суетной надеждѣ :
Таковъ ли милъ теперь тебѣ , какъ былъ я прежде?
Ифиза говоритъ : разставшися съ тобой ,
Я думала , что я разсталася съ душой.
Тѣхъ мѣстъ , гдѣ я часы съ тобою провождала ,
Ни разу безъ тебя безъ слезъ не посѣщала :
Съ тоской встрѣчала день , съ тоской встрѣчала ночь ,
Мысль грустна ни на часъ не отступала прочь.
Въ разлучно время я ничемъ не утѣшалась ,
Цвѣтами никогда съ тѣхъ дней не украшалась.
И можетъ ли то быть чтобъ сталъ ты меньше милъ ,
Тебя хоть не было , твой духъ со мною жилъ.
Ты въ сердцѣ обиталъ моемъ неисходимо ,
И было мной лице твое повсюду зримо ;
Но ахъ ! не къ щастїю , но къ горести своей ,
Въ то время я была любовницей твоей.
О радостны часы ! о время дарагое !
Я буду жить опять въ сладчашеймъ здѣсь покоѣ!
Приди возлюбленный , скончавъ предлюты дни ,

Къ симъ соснамъ, гдѣ съ тобой бывали мы одни.
Тамъ рѣчь моя ни кѣмъ не будетъ разрушенна,
Здѣсь долго не могу я быть уединенна,
Приди ты на вечеръ, какъ прежде приходилъ.
Я мню, что ты сихъ мѣстъ еще не позабылъ.
Ты много въ нихъ имѣлъ Ифизина пріятства:
Но будешъ ихъ имѣть и нынѣ безъ препятства.
Съ какою радостью посемъ сердца ихъ ждутъ,
Всѣ грусти окончавъ дражайшихъ тѣхъ минутъ!

А. С.

* * *
*

V.

РѢЧЬ XVIII.

ИЗЪ ВТОРЫЯ ЧАСТИ СМОТРИТЕЛЯ.

Послѣднее мое размышленіе привело меня нечувствительнымъ образомъ къ изслѣдованію о безсмертіи души, къ такому разсужденію, въ которомъ я всегда увеселеніе нахожу. Вчерашняго дня воспоминая разныя доказательства, которыя мы имѣемъ о семъ великомъ изслѣдованіи

дованїи почитаемомъ основанїемъ нравоученїя, и источникомъ всѣхъ великолѣпныхъ надеждъ, и тайныхъ увеселенїй могущихъ раждаться въ умѣ разумной твари, удалился я въ рощи отъ моего друга, гдѣ я одинъ гулялъ. Какъ то ни есть, а мнѣ казалось, что всѣ наши до сего касающїяся доказательства могутъ распредѣлиться подъ сими тремя главами.

I. Нѣкоторыя доказательства производятся изъ самаго естества души, а паче всего изъ ея невещественности, которая, не будучи со всѣмъ потребна къ поставленїю ея безсмертною, доведена, естьли я не обманываюсь, почти до непреоборимаго довода, или до такова довода, которому въ утвержденїи малаго чего не достаетъ.

II. Другїя берутся изъ ея страстей и чувствїй внутреннихъ: напримѣръ изъ любви, которую она имѣетъ къ своему существованїю, изъ отвращенїя, которое показываетъ она ко приведенїю себя въ небытїе, изъ надежды безсмертїя, которою она питается, изъ тайнаго удовольствїя, которое она находитъ въ упражненїи добродѣтели, и изъ беспокойствїя, которое приобщается къ ней въ самое то время, когда она въ беззаконїе впадетъ.

III. Третьи основаны на естествѣ всевысочайшаго существа, котораго правосудїе, милосердїе, премудрость и справедливость стремятся всѣ къ установленїю сего главнаго положенїя.

Но между всѣми сими доказательствами о безсмертїи души есть одно, которое можно извлечь изъ ея всегдашнихъ въ совершенствѣ успѣховъ, котораго она никогда достигнуть не можетъ; сїе есть доводъ, которому никто изъ писателей о безсмертїи души никогда не прикасался, по крайней мѣрѣ сколько мнѣ извѣстно, хотя мнѣ онъ кажется и весьма сильнымъ. Кто можетъ себѣ вообразить? чтобъ душа могущая въ себѣ столько имѣть совершенствъ, и простираться безконечно въ добродѣтели и познанїи, въ то самое почти время, какъ она создана, могла въ небытїе превратиться? или сїи свойства ей даны безъ всякаго намѣренїя? и никакова ли они дѣйствїя не имѣютъ? Дикїй звѣрь приходитъ къ нѣкоторой степени совершенства, которой онъ перейти не можетъ; въ весьма немногїя годы онъ всѣ тѣ качества имѣетъ, которыя онъ имѣть можетъ; и положимъ, что хотя бы онъ милионъ лѣтъ еще больше жилъ, такъ

такъ былъ бы онъ всегда почти то же, что нынѣ. Естьли бы человѣческая душа такъ же ограничена была въ своихъ успѣхахъ, естьли бы ея силы достигали до совершенства, и далѣе котораго простираться имъ никакъ бы не можно было; такъ бы я подумалъ, что она могла бы часъ отъ часу умаляться, и вдругъ въ ничто обратиться. Но вѣроятно ли сіе, чтобъ мыслящее существо, творящее по всякой день новыя успѣхи, и возносящееся отъ совершенства къ совершенству, возведъ очи на содѣланіе своего Создателя, и увидѣвъ нѣкоторыя знаки его безконечной премудрости, его милосердія, его всемогущества, вдругъ погасло въ началѣ своего бытія и своихъ изъисканій?

Человѣкъ въ его естественномъ состояніи кажется быть посланъ во свѣтъ только для произведенія себѣ подобныхъ. Онъ оснабдѣваепся преемникомъ, и въ тотъ же часъ почти обратно отходитъ оставляя ему свое мѣсто; *употребленіе имѣнія, говоритъ Горацій, не можетъ быть вѣчно; наслѣдникъ слѣдуетъ за другимъ наслѣдникомъ, такъ какъ палъ бѣжитъ за предъидущимъ ему паломъ.*

Посему не можно бы было сказать, что человѣкъ рожденъ на свѣтъ для наслажденія жизни, но только для сообщенія

щенїя ея другимъ ; сїе не будетъ удивительно въ разсужденїи для нашей пользы сотворенныхъ и въ малое время оканчевающихъ теченїе своей жизни тварей. Шелковой червь по скончанїи своего урока и по содѣланїи себѣ гроба становится бабочкой , кладетъ яица , и умираетъ. Но человѣкъ никогда не доходитъ желанныя ему степени познанїя , нижѐ имѣетъ время свои страсти побѣдить , душу свою утвердити въ добродѣтели , ни достигать совершенства своего естества, и съ театра свѣта отходитъ. Хотѣло ли бы безконечно премудрое существо содѣлать такїя преизящныя твари съ такимъ низкимъ намѣренїемъ ? угодно ли бы ему было произвесть разумѣнїя на такое краткое время ? на то ли оно намъ таланты дало , чтобъ только ихъ погребать ? и вселило ли бы оно въ насъ толико простирающїяся желанїя , которыя удовольствовать не возможно ? Гдѣ найдемъ мы въ созиданїи человѣка ту удивительную премудрость , которая во всѣхъ ево дѣлахъ сїяетъ, ежели сей свѣтъ не будетъ нѣкакимъ училищемъ для другой жизни, и ежели различныхъ родовъ разумныя твари слѣдующїя съ такою скоростїю одна за другою должны только на семъ свѣтѣ получить первыя понятїя , ихъ

бы

бытїя , а послѣ не будутъ преселены въ другое блаженнѣйшее мѣсто , чтобъ тамъ наслаждаться преславною и безконечною жизнїю.

Я не думаю , чтобъ вѣра намъ могла пріятнѣйшїя и способнѣйшїя дать мысли къ побѣжденїю всего , какъ сїи всегдашнїя успѣхи ищущїя души естество свое привести въ совершенство , до котораго она никогда не доходитъ. Есть ли что нибудь , что бы такъ удивительно во всемъ согласовалось съ симъ высокомѣрiемъ сроднымъ человѣческому разуму кромѣ воображенїя сего , что онъ въ каждый день будетъ восходить на новую степень силы, добродѣтели , познанїя и славы во всю вѣчность ? Что я говорю ? сїе позорище конечно пріятно будетъ очамъ Божiимъ съ удовольствiемъ взирающимъ на то , что ево твари , день отъ дня болѣе украшаются , и часъ отъ часу къ его подобїю приближаются.

Единое о успѣхѣ души разсужденїе, которое имущiй предѣлы разумъ въ состоянїи учинить , довольно къ погашенїю всякой зависти въ существахъ нижшїя степени и къ пресѣченїю всякаго презрѣнїя въ существахъ вышшїя степени. Сей херувимъ , который кажется теперь душѣ человѣческой божествомъ, небезъизвѣстенъ,

стенѣ, что придетъ время, въ которое сія душа будетъ такъ же совершенна, какъ теперь онъ самъ, и что по прошествіи другой части времени она увидитъ себя толико выше сея новыя степени совершенства, коль видитъ она себя нынѣ низше оныя. Правда, что вышшее существо простирается всегда съ своей стороны, и что симъ образомъ сохраняетъ оно высоту своего чина въ восхожденіи по лѣствицѣ существъ; но не взирая на свое возвышеніе знаетъ оно, что нижшее существо взойдетъ на конецъ на ту же степень славы, на которую оно дѣйствительно взошло. Съ какимъ удивленіемъ и съ какимъ почтеніемъ должны мы взирать на души наши, въ которыхъ находимъ мы толь драгоцѣнныя сокровища добродѣтели и познанія, толь изобильныя и неизчерпаемыя источники совершенства. Мы еще не знаемъ, что мы будемъ, и разумъ человѣческой никогда не постигнетъ славы, которая всегда ему приуготована будетъ. Душа разсуждаема преносительно къ ея Создателю подобна математическимъ линіямъ одна къ одной безконечно приближающимся, и никогда другъ другу коснуться немогущимъ. Можно ли вобразить себѣ мысли увеселительныя представляющихъ

насъ самихъ въ непрестанныхъ приближенїяхъ къ сему великому Царю, который не только есть образъ совершенства, но и блаженства основаніе.

Переводилъ съ Французскаго перевода Иванъ Дмитревской.

VI.

СОНЕТЪ.

ИЗЪ СЕЯ ГРЕЧЕСКІЯ РѢЧИ:

Στέφει τιμῶν ἀυτὴν ἀρετὴ.

то есть:

ДОБРОДѢТЕЛЬ ПОЧИТАЮЩИХЪ ВѢНЧАЕТЪ.

Жлаетъ человѣкъ блаженства непреложно.
Сему высокїй чинъ, и сила тѣмъ, и честь;
Тотъ щастїя себѣ въ богатствѣ чая ложно,
Приумножаетъ все, обилїе что есть:

*

Роскошествуя иной сластями, сколько можно,
Не видяжъ, ослѣпленъ, какая въ оныхъ лесть,
Благополучна мнитъ себя неосторожно;
И ихъ на всякой часъ стремится выше взнесть.

*

Ахъ

Ахъ чувствуетъ онъ самъ, тьмы цѣлы недостатка,
И множество свое зритъ малымъ безъ придатка:
Хотя достигъ конца ; но милъ едва успѣхъ.

*

Иль тщетно далъ ему хотѣнїя содѣтель ?
О смертный ! умудрись : безмѣрность кажда грѣхъ,
А средство всѣхъ довольствъ едина добродѣтель,

Василїй Тредїаковскїй.

VII.

ПРИТЧА.

ТЕРПѢНІЕ.

Терпѣнье хорошо , объ етомъ я не спо́рю ,
Нравоучителей ни съ кѣмъ я симъ не ссорю.
Но мѣра есть во всемъ ,
Подобно такъ и въ немъ.
Былъ нѣкакой скупой , иль былъ домостроитель,
И за расходами подробный былъ смотритель:
Имѣлъ онъ лошадь иль коня ,
Какою шерьстью , то едино для меня.
Буланая ль была , гнѣдая иль иная ,
Пусть лошадь будетъ вороная.
Случилось цѣлой день хозяину не ѣсть ,
И было то ему не очень тяжко снесть.

Умняе,

Умиле, мыслитъ онъ, я сталъ пожившъ подолѣ.
Хотя лошадь я свою, сказалъ онъ, и люблю,
Но сѣна и овса я много тѣмъ гублю;
Ни сѣна ни овса не дамъ коню я болѣ,
А лѣтомъ я пущу гулять лошадку въ поле:
Я целой день не ѣлъ, однако я вить живъ,
Пробыть безъ корму льзя, мой вымыселъ не ложивъ:
Терпѣнье никогда не сокращаетъ вѣка,
А лошадь крѣпче человѣка.
Постится лошадь день: живаль она? жива.
Збылися, говоритъ, збылись мои слова,
Изряденъ опытъ мой, изрядна и догадка.
Еще постится день: жива ль моя лошадка?
Жива: я вѣдалъ то;
И кормъ терять на что?
Постится день еще: хозяинъ тѣмъ доволенъ.
Скажите: живъ ли конь? конь живъ, да только боленъ.
Не можно, говоритъ, живошному найтись,
Которо бы могло безъ скорби обойтись.
Постится день еще: легла лошадка въ стойлѣ,
Не мыслитъ болѣе о кормѣ, ни о пойлѣ.
Скажите: живъ ли конь? конь живъ, но чудь дышитъ.
Не всяка, говоритъ, скорбь жизни насъ лишитъ,
Конечно то припадки,
Холодной лихорадки.
Постится, день еще, и покидаетъ свѣтъ.
Скажите: живъ ли конь? коня ужъ больше нѣтъ.
Хозяинъ закричалъ, конюшему прегрозно:
Дай корму шы коню: теперь сударь ужъ позно.

А. С.

VIII.

VIII.

ЕЛЕГІИ.

I.

Стени ты духъ во мнѣ ! стени изнемогая !
Ужъ нѣтъ тебя , ужъ нѣтъ , Елиза дарагая.
Во младости тебя изъ свѣта рокъ унесъ ,
Тебя ужъ больше нѣтъ. О день горчайшихъ слезъ!
Твоею мысль моя мнѣ смертью не грозила.
О злая вѣдомость ! ты вдругъ меня сразила.
Твой рокъ судилъ тебѣ въ цвѣтущихъ дняхъ умреть,
А мой сказать прости , и въ вѣкъ тебя не зрѣть.
Какъ я Московскихъ стѣнъ спѣша къ Невѣ лишался,
Я плакалъ о тебѣ , однако утѣшался ,
И жалость умѣрялъ я мысленно судьбой ,
Что я когда нибудь увижуся съ тобой.
Не совершилось то , ты грудь мою разшибла.
О сладкая моя надежда ! ты погибла.
Какъ мы процалися , не думали тогда ,
Что зрѣть не будемъ мы другъ друга никогда ;
Но жизнь твоя съ моей надеждою промчалась.
О мой нещастный вѣкъ ! Елиза ты скончалась.

Оставила

Оставила ты всѣхъ, оставила меня,
Любовь мою къ себѣ въ мученье премѣня.
Безъ утѣшенїя я рвуся и рыдаю;
Но знать не будешъ ты во вѣкъ, какъ я страдаю.
Смертельно мысль моя тобой огорчена;
Елиза ты со мной на вѣкъ разлучена.
Когда къ другой отсель ты жизни прелетаешъ,
Почто уже въ моей ты мысли обитаешъ,
И представляешся смятенному уму,
Къ неизреченному мученью моему?
Чувствительно въ мое ты сердце положенна,
И живо въ памяти моей изображенна:
Я слышу голосъ твой, и зрю твою я тѣнь.
О лютая напасть! презлополучный день!
О слухъ! пронзивый слухъ! извѣстїе ужасно!
Пролгися; ахъ! но то и подлинно и ясно.
Крѣпись моя душа! стремися то снести!
Елиза, навсегда, любезная прости!

А. С.

* * *

II.

О ты, которая всегда меня любила,
А нынѣ навсегда со всѣмъ уже забыла!
Ты мнѣ еще мила, мила въ моихъ глазахъ,
А я ужъ безъ тебя въ стенаньи и слезахъ.

Хожу

Хожу безъ памяти , не знаю что спокойство
Все плачу и грущу ; моей то жизни свойство.
Какъ я съ тобою былъ , приятенъ былъ тотъ часъ;
Но то скончалося , и скрылося отъ насъ.
Однако я люблю , люблю тебя сердечно ,
И буду я любить тебя всѣмъ сердцемъ вѣчно,
Хоть и разстался я любезная съ тобой ,
Хотя не вижу я тебя передъ собой.
Увы , зачто , зачто толико я нещастенъ !
Зачто любезная тобою такъ я страстенъ !
Всево ты рокъ лишилъ , ты отнялъ все злой рокъ!
Въ вѣкъ буду я стонать когда ты такъ жестокъ ?
И послѣ моево съ любезной разлученья ,
Не буду провождать минуты безъ мученья.

Катерина Сумарокова.

Оглавленїе.

стран.
I. баснь о Фаетонтѣ изъ Овидїевыхъ превращенїй. - - - - - - - - 131
II. Десидерія Ерасма Ротердамскаго разговоръ. - - - - - - - - - 155
III Лукїановы разговоры мертвыхъ. - - 161
IV. Еклоги. - - - - - - - - - 172
V. рѣчь изъ вторыя части смотрителя. 186
VI. Сонетъ. - - - - - - - - - 187
VII Притча , терпѣнїе. - - - - - 188
VIII. Елегїи. - - - - - - - - 190

) o (

ТРУДОЛЮБИВАЯ

ПЧЕЛА.

Апрѣль 1759 года.

Въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

I.

ОПЫТЪ.

НѢМЕЦКАГО СЛОВАРЯ.

расположеннаго

По рускому Алфавиту.

переведено

изъ Сатирическихъ сочиненій.

ГОТЛИБА ВИЛЬГЕЛЬМА РАБЕНЕРА.

НѢкоторыя ученыя изъ насъ такъ смѣлы, что отваживаются болѣе не стыдиться ихъ Нѣмецкаго природнаго языка: Такъ я въ томъ отвѣтствовать могу, что я предпріялъ симъ опытомъ здѣлать расположеніе къ совершенному Нѣмецкому Словарю.

Я нашелъ, что многія Нѣмецкія слова такъ несходны, что часто тотъ, которой ихъ употребляетъ, нѣчто другое думаетъ, а не то, что бы думать ему надлежало, и тотъ, которой ихъ слушаетъ, когда онъ не со всѣмъ

обмануться, такъ легко заблудиться можетъ. По сему не обходимо надобно, чтобъ ученыя соединенными силами старались, истинныя знаменованія словъ твердо положить.

Польза, которую мы въ общей жизни изъ того имѣть будемъ, неизреченна. Мы будетъ лучше другъ друга разумѣть, и съ совершенною достовѣрностію всѣ двоякія знаменованія изчезнутъ, и иной, котораго нынѣ суетно достохвальнымъ меценатомъ назвали, впредь услышитъ, что онъ глупая голова.

Я прошу моихъ единоземцовъ о вспоможеніи къ словарю. Для меня одного сіе дѣло весьма велико и важно: можетъ быть я простосердеченъ, что я сіе признаніе о себѣ самомъ дѣлаю. У тѣхъ, которыя думаютъ, что тотъ еще не совершенно ученый, кто не менѣе шести книгъ въ полліста издать могъ; у сихъ приду я своею скромностію въ худое почтеніе; но быть такъ. Ежели только словарь мой къ совершенству придетъ, такъ сіе тогда обявится, могутъ ли называться сіи рачительныя твари впредь учеными, не дѣлая языку насилія.

О расположеніи сего Словаря не для чего мнѣ болѣе упоминать; изъ тѣхъ опы-

опытовъ, которыя я объ ономъ выдаю, можно мое намѣреніе ясняе увидѣть. Я въ немъ больше желаю нежели грамматическаго истолкованія, пускай, коли хотятъ, назовутъ его полнымъ словаремъ, я тѣмъ доволенъ. Ежели подумаютъ, что я при нѣкоторыхъ статіяхъ былъ нѣсколько обширенъ, и вывелъ такія вещи, которыя намѣреніе и предѣлы Словаря преходятъ; такъ лучше хочу я сіе нареканіе терпѣть, нежели что вычернить.

Я сто въ Белѣ покажу статей, гдѣ ясно видно, что титло ради примѣчанія тамъ поставлено, однако жъ все онъ Белевъ Словарь.

Болѣе ничего я не имѣю напомянуть, какъ только то, что я мое намѣреніе ученымъ еще болѣе препоручаю, дабы тѣмъ могъ я сіе важное дѣло ихъ вспомоществованіемъ, какъ скоро только возможно, къ совершенству привесть.

ВѢЧНО

Есть такое слово, которое каждой по своему благоволенію такъ употребляетъ, какъ онъ ево по своимъ обстоятельствамъ потребнѣе приемлетъ.

Клясться вѣчною вѣрностію обыкновенно слышно у новозговоренныхъ за четыре недѣли до свадьбы. Однако сія

вѣчность продолжается обыкновенно не болѣе, какъ ежели гораздо много четырежъ недѣли. И прошедшей осенью зналъ я молодого женатого, котораго вѣчная вѣрность продолжалась не вступно двацать четыре часа.

Вѣчно любить еще и того минуется скоряе, и свойственно есть только стихотворческая фигура. Иногда бываетъ оное еще между несочетавающимися особами, и сіе зависитъ много отъ женщины, сколь долго такая любовная вѣчность продолжаться будетъ. Ибо говорятъ, будто есть примѣры, что такая любовная вѣчность вдругъ утушается, какъ скоро только женщина перестанетъ быть упорною, и вѣчную любовь взаимственно ощущать начнетъ.

Какъ сіе съ любовію бываетъ, такъ часто тожъ дѣлается и съ дружбою. Я помню, что я нѣкогда въ бесѣдѣ, гдѣ очень много пито, въ одинъ вечеръ три вѣчныя дружбы пережилъ. Такая вѣчная дружба ежели очень долго пребываетъ, такъ только до того времени, покамѣстъ хмель, которой тому причиною; ибо Ceſſante cauſa, ceſſat effectus.

Вѣчной миръ заключить, есть Галлицизмъ, а значитъ во Французскомъ языкѣ столько, какъ у насъ перемиріе, и од-

и однимъ словомъ, миръ, который не долѣе продолжается какъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ видима въ немъ собственная польза.

Здѣлаться вѣчнымъ, есть между нѣкоторыми учеными нѣкакое движенїе правой руки, съ лѣвой на правою сторону, которое безъ дѣйствїя души и разума нѣчто пишетъ на бѣлой бумагѣ, и отдаетъ оное въ печать. И такъ ключи къ вѣчности имѣетъ Наборщикъ, а они состоятъ въ нѣкакихъ свинцовыхъ литерахъ, которыя черною краскою намазываюшся, и на бѣлой бумагѣ печатаются.

Къ вѣчности стремиться: смотри безсмертїе: состоитъ въ нѣкакой болѣзни, которая не только самому болящему, но и другимъ тягостна. Обыкновенно схватываетъ она молодыхъ людей, и съ лѣтами пропадаетъ; однако случается иногда, что и старыя люди оною одержимы бываютъ, и тогда оная болѣзнь не только имъ опасна, но и всѣмъ тѣмъ весьма несносна, которыя отъ такого болящаго отступить не могутъ. Сильныя и острыя средства противу оной неполезны, ибо тогда пароксизмъ сильняе и жесточае становится, и въ ней таковыя болящїя очень много

схожи на съ ума сшедшихъ людей, которымъ нельзя противурѣчить, не воспаляя еще болѣе ихъ испорченнаго мозга. А лучшій противъ сего способъ есть такой: чтобъ когда симъ недугомъ одержимой человѣкъ въ бесѣдахъ человѣческихъ покажется, не взирая на великой шумъ, которой бываетъ въ сей болѣзни отъ него, не показывать, что ево примѣчаешь, и будто ничево не видишь, и не слышишь, и имя его ни при какомъ случаѣ не упоминать. Однимъ словомъ ни добра, ни худа о нихъ не говорить. Сей рецептъ кажется справедливъ. О точныхъ причинахъ сей болѣзни врачи между собою еще въ великомъ спорѣ. Нѣкоторыя почитаютъ ее по чуднымъ кривляньямъ, которыя, одержимыя сею болѣзнію дѣлаютъ, и потому что она какъ прочія Епидемическія болѣзни въ обыкновенное время, и часто приходитъ родомъ падучихъ болѣзней, а особливо, что они примѣтили, что она отъ того проходитъ, когда больному правой выломятъ палецъ, что обыкновенно употребляется въ падучихъ болѣзняхъ. Другія думаютъ, что она приходитъ отъ испорченной желчи. Галенъ не почитаетъ ея инымъ чемъ, какъ только жестокой желудочной

ной судорогой, а покойной господинъ Тайной Совѣтникъ Гофманъ въ Галлѣ бывшій въ третьей главѣ своего описанія о ученыхъ заразахъ называетъ ее Авторской Лихорадкой.

ДОЛЖНОСТЬ.

Должность чиноправленія, драгоцѣнная должность и совѣсть, у разныхъ людей отправляющихъ публичныя дѣла, есть нѣкоторой родъ уставовъ, принадлежащихъ къ исполненію дѣлъ, а дѣйствительно они ничего инова не значатъ, какъ только то, что и прочія приказныя отправленія, и столькожъ они необходимы, какъ и тѣ, и принадлежатъ къ правосудію.

Взять кого нибудь въ должность, значитъ у такихъ людей, дать кому ни есть чинъ, въ которомъ онъ подъ видомъ порученной ему должности то исправить можетъ, чего неимѣющей должности здѣлать не въ состояніи, не открывъ своихъ пристрастій. Въ нѣкоторыхъ областяхъ какъ духовныя такъ и гражданскія чины не инако, какъ великими подарками и проторями получаются; такъ весьма вразумительно, что такое значитъ отправляемая драгоцѣнная должность; и потому извѣсненіе должность свою прилѣжно ста-

раться исполнять, есть то, что я говорю: Тщательно стараться отъ другихъ столько выжать, во сколько сталъ тотъ чинъ ему.

Кто противъ моей должности скажетъ совѣстной судья: а ево пойметъ легко отвѣтчикъ, что любезная сожительница совѣстнаго судьи, судейскою должностїю не обязана, и для того съ подарками своими къ ней обращается, естьли онъ отъ ея мужа сходственнаго съ должностїю его рѣшенїя желаетъ. Я зналъ одного зборщика, предъ которымъ всегда росходная книга лежала, и для того похвалялся онъ, что онъ должность свою ни когда изъ глазъ не выпускаетъ; ибо онъ думалъ, что онъ только для того въ должности зборщика, чтобъ онъ съ крестьянами разчесться могъ. Ex officio работать, перевелъ бы можетъ быть иной школьной человѣкъ: *по должности испрашлять*; но оное бы было ужасною ошибкою противъ Юристическаго Доната. Кто основательнѣе узнать желаетъ, что сїе значитъ, того я отсылаю къ нѣкоторому чиноправителю. Когда онъ жалуется на худыя времяна, то онъ всегда говоритъ: Честному человѣку сего почти снести не можно, безпрестанная

ная работа ex officio ! то дѣла убогихъ людей , то погорѣлыхъ , то казенныя дѣла , все ex officio ! такія дѣла , о которыхъ въ учрежденіи оцѣнки ничего не упоминается , суть дѣла ex officio ! и подлинно такія труды зляе смерти.

ДОСТОПОЧТЕННО.

Здѣсь буду я говорить только о фигуральномъ знаменованіи сего слова , ибо что оное въ свойственномъ разумѣніи значитъ , сіе довольно извѣстно ; и я предъ всѣмъ тѣмъ , что свойственно достопочтенно , толико много унижаюся , что не могу отважиться знаменованіе онаго въ моемъ Словарѣ твердо положить. И такъ въ фигуральномъ разумѣ значитъ достопочтенно не иное что , какъ черно , а достопочтенной мужъ знаменуетъ человѣка въ черномъ платьи. Я основываю сіе изъясненіе на опытѣ. Ибо между сими мужами въ черномъ платьи , суть многія , въ которыхъ ни малѣйшія достопочтенности не сыщешъ, кромѣ чернаго платья. Я бы могъ назвать ихъ по имянамъ , однако сего излишно , ибо я заподлинно вѣдаю , что они при чтеніи сея статьи сами себя наименуютъ , и сами свои имена въ задорѣ откроютъ ревностію. Сія ревность на ихъ языкѣ есть ревность по ихъ званію,

а на

а на нашемъ языкѣ называется она злобою. И такъ пускай читатели мои разсмотрятъ только тѣхъ черныхъ мужей, которыя вносятъ издателя сего словаря въ списокъ еретиковъ, и тогда могутъ они быть увѣрены, что то они а не кто другія, тѣ достопочтенныя мужи въ Фигуральномъ разумѣ, о которыхъ я думаю, и которыхъ бы конечно почли простолюдинами, ежелибы они не ходили въ черномъ платьи. Такъ когда я сіе изъясненіе слова достопочтенно предполагаю, то имъ буду я случай имѣть мой Нѣмецкой природной языкъ гораздо обогатить. Человѣкъ въ черномъ платьи, которой бѣднымъ изъ христіанской любви въ долгъ даетъ деньги за восемь, или по самой вышней цѣнѣ за двенатцать процентовъ, который убогую вдову для содержанія малолѣтныхъ ея дѣтей, отъ сожалѣнія на закладъ, которой вдвое стóитъ, нѣсколькими рублями ссужаетъ, съ благопристойнымъ уговоромъ, чтобъ по прошествіи года закладъ выкупить, или она просрочкою ево лишится, отъ сего времени впредь называться будетъ достопочтеннымъ лихоимцемъ; ибо, когда бы онъ ходилъ не въ черномъ платьи, тобъ онъ былъ не до-

достопочтеннымъ, но простымъ лихоимцемъ, и по законамъ нашего отечества должно бы его наказать было. Казалось бы, что достопочтенныхъ щегольковъ въ Нѣмецкой землѣ не сыщешь; однако я знаю одного, котораго конечно за Маркиза принять можно; такъ естественно умѣетъ онъ играть роль щеголя въ своемъ черномъ кафтанѣ. Со всѣмъ новое доказательство, что можно балагурить, вертопрашить, и дѣлать изъ себя смѣхъ, не имѣя ни палки, ни табакерки, ни манжетъ!

Достопочтенный хмель, со всѣмъ есть новое слово, однако очень старая вещь, и я хочу объ закладъ биться, что часто не можно разпознать, который изъ двухъ хмельныхъ староста, и который пасторъ, ежели бы его достопочтенность не въ черномъ платьѣ ходилъ. Дать себѣ достопочтенной видъ, называется у такихъ людей, надуть великой подбородокъ, и шѣю держать коломъ. А почтенный чинъ носить, называется, имѣть званіе, погрѣшности публично проклинать, которыя дома самъ дѣлаю, и которыхъ другія порицать не должны, естьли не хотятъ въ такую вдаться опасность, что имъ путь и къ щастію и къ небеси загороженъ будетъ.

Сего

Сего довольно будетъ о достопочтенныхъ мужахъ въ фигуральномъ разумѣ, или о такихъ мужахъ, которыхъ бы ради наглаго поведенїя въ обществѣ терпѣть не могли, ежели бы они не носили на себѣ чернаго платья. И такъ сколь мало сїи примѣчанїя въ тѣхъ попадаютъ, которыя ради ихъ добродѣтельнаго и полезнаго поведенїя великую честь и имя достопочтеннаго мужа въ свойственномъ знаменованїи заслуживаютъ, сїе всѣ разумныя поймутъ, а не поймутъ только тѣ люди, которыя бы смѣшны и презрительны вдругъ стали, ежели бы у нихъ отнять черное платье и чинъ, въ которой они вкрались. Еще одно реченїе впало мнѣ въ умъ. Достопочтеннаго искать чина, значитъ, въ нѣкоторыхъ приходахъ столько: жениться на комнатной помѣщиковой дѣвкѣ.

КЛЯТВА

Въ древнїя времена сїе слово не очень часто употребляемо было, и отъ того произходило, что наши невѣжливыя предки, простоумныя нѣмцы поставляли кляпву за нѣчто весьма важное: а нынѣ оное лучше разсмотрѣли. И чемъ чаще сїе слово какъ въ судѣ такъ и въ общей жизни употребляется, тѣмъ менѣе оно

оно имѣетъ важности. Клятва есть у людей, которыя поумняе разсуждаютъ, нежели подлой народъ, обыкновенно ни что иное, какъ нѣкоторая церемонія, когда прямо стоишь, пальцы къ верьху подъимешь, шляпу подъ пазухой держишь, и что нибудь обѣщаешь, или утверждаешь, которое не долѣе содержится, покамѣстъ опять шляпу надѣнешь. Однимъ словомъ клятва есть комплиментъ Богу, а что такое комплиментъ, о томъ смотри слово комплиментъ.

Нѣчто подъ клятвою обѣщать, значитъ, во многихъ мѣстахъ, здѣлать ложь вѣроятною. Фанъ Гекенъ въ своей книгѣ, *Всегда готовомъ Юристѣ*, называетъ клятву Herbam Betonicam, и увѣряетъ, что кого нибудь ко клятвѣ привести, есть ни что иное какъ свою тяжбу отъ дурости проиграть челобитчику; и предписанною клятвою очиститься, значитъ выиграть тяжбу: ибо къ очисткѣ клятвы ничего больше не требуется, кромѣ здоровыхъ трехъ пальцовъ и безсовѣстнаго человѣка. Пальцы почти у всѣхъ людей есть, а совѣсть весьма не у многихъ, а хотя бы кто предразсужденіями молодости и предупрежденъ былъ, и сіе называемое со-

совѣстью имѣлъ, однако не было бы нигдѣ недостатка въ такихъ стряпчихъ, которыя бы его чему нибудь лучшему научить могли, и за хорошую цѣну изъ заблужденія вывели.

Покарай меня Богъ, или чертъ меня разорви! есть у матрозовъ и солдатъ щегольская шутка, а въ Померанїи зналъ я одного молодаго Офицера, которой такъ же клялся, однако никогда не менѣе, какъ по крайней мѣрѣ тысячами чертей, ради того, что онъ изъ древняго дворянства.

Клятву свою нарушить не много значитъ, и сїе нарѣчїе есть въ великомъ употребленїи. На каѳедрѣ еще иногда о нарушенїи клятвы слышно, но отъ того и происходитъ, что то такъ скоро забывается, какъ и сама проповѣдь. Въ самомъ дѣлѣ не значитъ сїе ничего болѣе, какъ нарушить бракъ, и для того въ разныхъ мѣстахъ, а особлию въ большихъ городахъ прелюбодѣй и клятвопреступникъ почитается такимъ человѣкомъ, которой жить умѣетъ. Сїе знаменованїе начинаетъ уже быть и въ деревняхъ извѣстно, потому, что наши Нѣмцы день отъ дня разумнѣе становятся, и въ краткомъ времени мы въ томъ со Французами почти сравняемся.

КОМ-

КОМПЛИМЕНТЪ.

Принадлежитъ къ словамъ ничего незнаменующимъ. Кому нибудь здѣлать комплиментъ, есть безпристрастное движенїе одной части тѣла, или наклоненїе спины и движенїе одной ногѝ: и обыкновенно ни разумъ ни воля въ томъ никакова учáстїя не имѣютъ.

И такъ комплиментъ за комплиментъ, есть учтивое увѣреніе взаимно отъ другова, что и онъ такъ же спину нагнуть можетъ, ни о чемъ притомъ не думая. Изъ нагибки спины можно разсуждать, коль знатны тѣ, которыя другъ съ другомъ встрѣчаются: и сїе есть почти единственная польза отъ комплиментовъ происходящая. Человѣкъ безъ денегъ, какъ бы онъ разуменъ и искусенъ ни былъ, не можетъ довольно низко нагнуться, потому, что онъ самый послѣдній человѣкъ изъ всѣхъ своихъ сограждан. А богатый человѣкъ, который только для того отъ Бога созданъ, чтобъ онъ по тѣхъ поръ ѣлъ и пилъ, покамѣстъ умретъ, имѣетъ право нѣсколько губами пошевелить только, когда съ нимъ бѣдной человѣкъ встрѣтится. Вчера видѣлъ я одного стараго почтеннаго гражданина, который въ молодости своей защищалъ

отечество : Старѣяся , своимъ ремесломъ честно питался , Государю своему около сорока лѣтъ налоги и подати исправно платилъ , къ общей пользѣ шестерыхъ дѣтей изрядно воспиталъ , и отъ всѣхъ своихъ сосѣдей имѣлъ имя честнаго человѣка. Онъ здѣлалъ нѣкоторому молодому и богатому Ратсгеру хотя старинной , однако очень низкой комплиментъ. Молодой Ратсгеръ , чудь чудь нагнулъ свою твердопочтенную шѣю , а шляпу снять поручилъ трудъ своему служителю. Изъ сего видно содержаніе комплиментовъ богатаго , человѣку бѣдному очень ясно , а я при семъ случаѣ изъ того примѣтилъ нѣчто, чего въ Нѣмецкомъ Словарѣ не можно обстоятельно вывесть. Сего кажется довольно о комплиментахъ въ разсужденіи Механическаго тѣлодвиженія. Объявленія комплиментовъ обыкновенно суть таковы, когда говоримъ : Я прошу отдать ему отъ меня поклонъ : и отдайте ему и отъ меня поклонъ. А что сіе точно значитъ , того въ Нѣмецкомъ языкѣ изъяснить ни какъ не возможно , потому что и на Французскомъ языкѣ въ самомъ подлинникѣ сіе слово никакой силы и никакова знаменованія не имѣетъ.

Безъ комплиментовъ, государь мой , я

васъ покорно прошу ; безъ всякихъ комплиментовъ , на что они между друзьями. Ежели бы я оное по прямому рѣчію языка перевелъ , то бы оно почти такъ вышло : Я бы васъ за самаго на свѣтѣ безумнова почелъ человѣка , Ежели бы вы думали , что мы и въ правду такія друзья , что уже въ томъ нѣтъ нужды ; что бы вы столько комплиментовъ дѣлали.

Покорный слуга, покорнѣйшій слуга, всепокорнѣйшій слуга , я пребываю вашего благородія послушнѣйше преданнѣйшимъ и прочая : Я остаюсь со всякимъ принадлежащимъ высокопочитаніемъ и проч. Я во всю мою жизнь не премину быть вашъ и проч. Ето все комплименты , и между людьми , которыя по прямой модѣ нынѣшняго свѣта вѣжливы и обходительны значатъ : НИЧЕВО. Когда такія люди сіи изъясненія въ письмахъ своихъ употребляютъ , то они при семъ столько жъ мало думаютъ , какъ и мой портной при словахъ : Laus Deo : или купецъ , которой намѣренъ на разсчетной недѣли здѣлаться банкеротомъ , и при началѣ ярмонки подъ своими векселями подписываетъ ; я заплачу , и въ томъ даю порукою Бога !

Съ Нѣмецкаго переводилъ А. Н.

II.

БАСНЬ.

О ПИРАМѢ И ѲИСВѢ.

Изъ четвертой книги Овидіевыхъ превращеній.

Пирамъ и Ѳисва, первый краснѣйшій между юношами, а вторая предпочтенная всѣмъ дѣвицамъ бывшимъ тогда на Востокѣ, жили въ домахъ касающихся одинъ другаго въ той странѣ, гдѣ высокой городъ Семирамида каменными обвела стѣнами. Сосѣдство здѣлало между ими знакомство и первое свиданіе, а со временемъ возрасла любовь. Соединились бы они и брачнымъ сочетаніемъ, но имъ отцы воспрепятствовали. А въ томъ не могли препятствовать, чтобъ не пылали они равно оба плѣненными мыслями. Свѣдущаго никого не было. Перемигами глазъ и знаками разговаривали другъ съ другомъ. Но чѣмъ болѣе скры-

скрывается , тѣмъ больше свирѣпствуетъ сокровенный огнь. Въ стѣнѣ небольшая была разсѣлина , которая еще въ то время здѣлалась , когда созидаема была стѣна обѣимъ домамъ общая. Той порчи чрезъ долгое время ни кто не примѣтилъ. Но чего не ощущаетъ любовь! Первые то вы двое любящіеся ощутили , и путь гласу проложили. Нѣжныя любовныя слова самымъ тихимъ шептаніемъ безопасно сквозь оную проходили. Часто ставъ съ одной стороны Ѳисва , а съ другой Пирамъ , и почувствовавъ взаимное устъ дыханіе , говаривали такъ: О завистливая стѣна ! для чего ты любящимся препятствуешъ ? Многаго ли не достаетъ, дозволить намъ соединиться ? А ежели то многое ; такъ по крайней мѣрѣ растворися хотя столько , чтобъ мы другъ друга поцѣловать молги. Мы не неблагодарны : признаваемъ мы твое себѣ одоженіе и за то , что ты словамъ даешъ свободное прохожденіе къ возлюбленнымъ ушамъ, И промолвивъ таковыя безплодныя рѣчи изъ разныхъ жилищъ , при наступленіи ночи другъ другу говорили , прости : и каждой изъ нихъ своей сторонѣ стѣны давалъ цѣлованія недостигающія взаимственнаго совокупленія. Нѣкогда какъ заря нощные

огни прогнала , и солнце орошенныя трáвы лучами высушидо , соцлись они опять на обыкновенное мѣсто , и тихимъ шептаніемъ принесши напередъ многія жалобы на горькой рокъ опредѣляютъ, чтобы въ молчащую ночь тайно отъ стражей попытаться сквозь врата пройти , и вышедъ и́зъ дому выйти и за градскія стѣ́ны ; а что бы ходящимъ имъ на пространномъ полѣ не заблудиться, согласуются прийти къ Нинову гробу , и укрыться подъ тѣнію древа. Высокое тамъ было и снѣгу подобными плодами изобильное шелковичное древо при хладномъ источникѣ. Уговоръ сей обѣимъ понравился , и свѣтъ солнца , который показался имъ очень медлителенъ на конецъ въ во́ды погрузился , и изъ тѣхъ же водъ взошла ночь. Хитрая Ѳисва растворивъ тихонько двери помощію темноты выходитъ такъ осторожно , что ни кто изъ домашнихъ того не слыхалъ , и съ покровеннымъ лицемъ достигши гроба , сѣла подъ реченнымъ шелковичнымъ древомъ. Любовь дѣлала ее смѣлою. Тотчасъ послѣ того пришла львица съ окровавленною и пѣнящеюся пастію отъ пожиранія быковъ, хотящая утолить жажду водою источника протекающаго въ близи ; которую

Вави-

Вавилонская Θисва при сіянїи лунныхъ лучей издали увидѣла , и трепещущею ногою въ темную побѣжала пещеру , и на побѣгѣ ниспадшій съ хребта покровъ оставила. Свирѣпая львица утоливъ жажду многою водою , и возвращаясь въ лѣса , обрѣтенный тонкій покровъ окровавленными растерзала устами. Пирамъ, которой позже изъ града вышелъ , видя извѣстные на глубокомъ пескѣ звѣриные слѣды отъ страха весь поблѣднѣлъ ; а сыскавъ и покровъ омоченный кровїю , вскричалъ : Едина ночь погубитъ двухъ любящихся взаимно. Θисва была достойна должайшей сея жизни ; моя душа повинна : я тебя , о бѣдная умертвилъ, что велѣлъ тебѣ прийти въ сіи страха исполненныя мѣста , и самъ сюда напередъ не пришелъ. Растерзайте мое тѣло , и беззаконную утробу яростнымъ грызенїемъ поглотите , вы между сихъ каменїевъ обитающїе львы. Но боязливой души знакъ есть , кто смерти только лишь желаетъ. Подъимаетъ Θисвинъ покровъ, и несетъ съ собою подъ тѣнь уреченнаго древа. Тутъ омочивъ слезами , и поцѣловавъ знаемое себѣ одѣянїе , рекъ : Прими нынѣ и моей крови токи , и тѣмъ же мечемъ , которымъ былъ препоясанъ , пронзилъ грудь

свою, и вдругъ, уже умирая вырвалъ его изъ кипящей раны. И какъ лежалъ онъ навзничь на землѣ, то кровь далеко вверьхъ била не инако, какъ изъ трубки когда свинецъ испортится, а трубка прорвется, и изъ шипящей скважины тонкую струю воды высоко выбрасываетъ, и сильнымъ стремленіемъ разсѣкаетъ воздухъ. Плоды на древѣ окропленные отъ сего убіенія въ черный видъ превращаются, и омоченный кровію корень червленный цвѣтъ на висящіе ягоды наводитъ. И се не со всѣмъ еще отложивъ страхъ, чтобъ исполнить данное любезному слово возвращается и она, и юношу глазами ищетъ, и духомъ желаетъ, и живо воображаетъ въ мысляхъ своихъ веселіе, съ которымъ она будетъ ему разсказывать, отъ какихъ бѣдствій она спаслась. И узнавъ мѣсто и превращенный на древѣ видъ: таковую въ ней неизвѣстность произвелъ цвѣтъ овощей: сумнѣвается, сіе ли то древо. И будучи еще въ недоумѣніи, трепетна видитъ біющіеся на окровавленной землѣ члены, и вспять ногою отступила: и поблѣднѣвъ устами больше нежели буковое древо, вострепетала подобіемъ моря, которое дрожитъ, когда малымъ вѣтромъ на самой поверьхности возвѣвается. Но какъ помедливъ

узна-

узнала любезнѣйшаго своего, бiетъ сильнымъ удареніемъ неповинныя рамена, и растерзавъ власы, и обнявъ возлюбленное тѣло, омывала раны слезами, и плачъ съ кровiю растворяла, и оледенѣвшее лице лобызая возопила: Пирамъ! какой тебя злобной случай у меня отнялъ? Пирамъ, отвѣтствуй: твоя, любезнѣйшiй! Ѳисва тебя именуетъ, внемли, и лежащую возведи главу. При имени Ѳисвы Пирамъ отягченныя ужѐ смертiю очи возвелъ, и взглянувъ на нее, опять затворилъ. Но какъ узнала она покровъ свой, и увидѣла пустыя ножны безъ меча, вскричала: Нещастный, твоя тебя рука и любовь погубила, есть и у меня рука на сiе только одно мужественная; есть и во мнѣ любовь; она мнѣ подастъ силу на уязвленiе; пойду въ слѣдъ за исчезшимъ. Пускай скажутъ, что я всенещастная причиною и спустницею была твоей смерти. Ты могъ со мною, увы! единою только смертiю разлучиться; но не возможешъ разлучиться и смертiю. О многобѣдственные мои и его родители! внушите сiе обоихъ насъ именемъ приносимое вамъ прошенiе: не вознегодуйте похоронить въ одномъ гробѣ соединенныхъ несумѣнною любовiю, и послѣд-

нимъ часомъ кончины. А ты, о древо! которое вѣтьвями теперь покрываешъ прежалостное тѣло однаго, и въ скоромъ времени покроешъ тѣла двоихъ, удержи навсегда знаки сего смертоубійства, произращай въ вѣкъ черные и плачу пристойные овощи, сугубаго кровопролитія явныя знаки. Рекла, и подставивъ остріе меча подъ самую грудь, пала на оный еще отъ убіенія теплый. Желаніе Ѳисвы услышали Боги, и прошеніе ея вняли родители. Ягоды сего древа созрѣвъ всегда бываютъ черны: и кости любовниковъ по сожженіи тѣлъ ихъ оставшіяся опочиваютъ въ единомъ скудельномъ сосудѣ.

Переведъ съ Латинскаго Г. К.

III.

ИЗЪ ТРАКТАТА ЛОНГИНОВА, О ВАЖНОСТИ СЛОВА СЪ ПЕРЕВОДА БОАЛОВА.

ГЛАВА II.

Есть ли особливое искуство важности слóва, и о трехъ порокахъ, которыя сей важности супротивляются.

НАдобно тотчасъ увидѣть, есть ли особливое искуство важности слóва. Находятся люди вображающія себѣ, что сто заблужденіе, чтобы слóва важность привести въ родъ особливаго искуства, и подавать о томъ наставленія. Слóва важность, говорятъ они, раждается съ нами, и не выучивается. Единый способъ до него дойти, есть только сей, чтобы къ тому родиться. И что есть еще нѣкоторыя сочиненія, которыя единo только естество производить долженствуетъ.

ствуетъ. Что принужденїя наставленїями ихъ ослабляетъ, и даетъ имъ нѣкую сухость, которая дѣлаетъ ихъ вялыми и несмачными. А я утверждаю, что когда прямо разсмотримъ, ясно увидимъ со всѣмъ тому противное.

И подлинно сказать: естество ни когда свободняе не изъясняется какъ въ рѣчахъ важныхъ и патетическихъ; однако легко познать можно, что оно не незапностїю препровождается, и что оно несовершенный неприятель искуства и правилъ. Я признаваюся, что во всякихъ на свѣтъ сочиненїяхъ должно ево имѣть перьвымъ положенїемъ, началомъ и основанїемъ. Однако и ето вѣрно, что разумъ нашъ требуетъ способа къ показанїю говорить только то, что должно, и въ принадлежащемъ мѣстѣ, и что сей способъ много можетъ вспомоществовать намъ къ достиженїю совершенныя привычки важности слова. Подобно каковы корабли, когда они въ опасности погибели, оставленныя единой ихъ леготѣ, и когда имъ не умѣютъ придать потребнаго груза и тяжести: такова и слова важность, ежели она оставлена преволненїю единаго только невѣжественнаго и дерзостнаго естества. Разумъ нашъ часто требуетъ меньше узды нежели

жели шпорѣ. Демосѳенѣ говоритѣ вѣ нѣ. которомѣ мѣстѣ, что наше главное вѣ жизни благополучіе: щастливыми быть; но что и другое есть, которое не меньше того, и безѣ котораго сіе перьвое благополучіе устоять не можетѣ, то есть: умѣть себя вести сѣ осторожностію. Сіе можно сказать и вѣ разсужденіи рѣчи. Естество потребняе всего достичь великости; однако ежели искуство не будетѣ имѣть попеченія о препровожденіи ево; такѣ оно вѣ слѣпотѣ пребудетѣ, не вѣдая, куда идетѣ. * * * * * * Таковы суть сіи мысли: *Стремительныя теченія опутанныя пламенемѣ. рыгать противѣ небеси. Здѣлать Борея Флейтистомѣ своимѣ*: и всѣ прочія образы изѣясненія, которыми сія Трагедія наполнена. Изѣясненія сіи не имѣютѣ ни великаго, ни Трагическаго, но только надутое и беспутное. Всѣ сіи рѣченія тако пустыми воображеніями не вразумительно изображенныя слогѣ больше смущаютѣ и портятѣ, нежели возвышаютѣ. И тако, когда ихѣ ближе и ясняе увидишѣ, то все то сперьва, что издалека ужасно показалось, вдругѣ покажется глупо и смѣхотворно. И ежели сей порокѣ несносенѣ вѣ Трагедіи, которая естественно пышна и великолѣпна,

лѣпна , и не пристойно въ ней не къ статѣ надуться; такъ еще больше притчины опровергнуть ево въ обыкновенной рѣчи. Отъ того произошло , что былъ пересмѣянъ Горгіасъ , назвавъ Ксеркса , Юпитеромъ Персовъ , а вороновъ , одушевленными кладьбищами, Столько жъ непростительно было Каллисѳену , что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ писемъ вмѣсто того , чтобы пристойно возвестися , взлазитъ такъ высоко , что отъ зрѣнія уходитъ. Однако изо всѣхъ нѣтъ надутяе Клитарха. Сей Авторъ кромѣ вѣтра и корки ни чево не имѣетъ. Онъ, скажу я словами Софокла , походитъ на человѣка , который весь ротъ разѣваетъ , надуть малую флейту. Такое же должно здѣлать рассужденіе о Амфикратѣ , Гегезіясѣ и Матрисѣ. Они иногда вображая себѣ, что они восхищенны жаромъ божественнымъ , думаютъ , то что они гремятъ , а въ истиннѣ они дурятъ, и резвятся какъ рабята.

И подлинно въ веществѣ краснорѣчія, всево трудняе избавиться надутія. Ибо во всѣхъ вещахъ естественно ищемъ мы великости ; такъ случается , что боясь паче всего быть обвинены сухостью или малосиліемъ , случается , не знаю какъ, что по большей части впадаютъ въ сей

порокъ , будучи основаны на семъ установленіи.

Въ благородномъ предпріятіи благородно паденіе.

Однако ето подлинно , что надутіе не меньше порочно въ рѣчи , сколько въ тѣлѣ. Оно только ложно блистающуюся наружность и обманчивой видъ имѣетъ ; а внутри оно пусто , и оставляетъ иногда дѣйствованіе со всѣмъ противное великости. Ибо очень хорошо говорится , что , нѣтъ ни чево суше человѣка имущаго водяную болѣзнь.

На послѣдокъ порокъ надутаго склада , есть желать превзойти великость. А отъ того на противъ становится онъ складомъ рабяческимъ. Ибо нѣтъ ничего толь низкаго , толь малаго , ни толь много супротивляющагося благородству рѣчи.

Что жъ ето такое , которое рабяческимъ складомъ называется ? ясно , что не иное что , какъ мысль ученика , которая отъ того , что она натянута , будетъ холодна. Сей порокъ есть тѣхъ, въ который впадаютъ устремляющіяся всегда сказать нѣчто чрезвычайное и сіяющее ; а особливо тѣ , которыя съ излишнимъ попеченіемъ ищутъ забавнаго и пріятнаго : отъ того на конецъ гора-

здо

здо много прилѣпляяся къ фигурному складу, впадаютъ въ глупое притворство.

Есть еще третїй порокъ супротивляющїйся совершенно великости, касающїйся до патетическаго. Феодоръ называетъ ево жаромъ не во время, когда разгорячиваются не къ стати, или возносятся съ излишествомъ, когда обстоятельство позволяетъ только посредственно разгорячиться. Дѣйствительно, очень часто видимъ вѣщателей рѣчей, которыя, какъ пьяныя, допускаютъ себя возносить къ страстямъ непринадлежащимъ къ ихъ обстоятельству, но къ тѣмъ, которыя имъ свойственны, и которыя они съ собою изъ школы вынесли; и отъ того, что они будто нетрогаемы тѣмъ, что говорятъ, бываютъ на конецъ отвратительны и несносны. Сїе непремѣнно къ тѣмъ приходитъ, которыя возносятся и ломаются не къ стати, предъ людьми, которыхъ они тронуть не могутъ.

Съ Французскаго переводилъ А. С.

IV.

IV.

ИСТОЛКОВАНІЕ,

ЛИЧНЫХЪ МѢСТОИМЕНІЙ,

Я, ТЫ, ОНЪ, МЫ, ВЫ, ОНИ.

Я, есть мѣстоименїе перьваго лица, числа единственнаго. Сїе мѣстоименїе для изъясненїя чего нибудь худова ни когда не полагается, но всегда для изъясненїя доброва, и по большей части несправедливо. На пр: Я человѣкъ разумный, ученый, честный и пр: А ежели къ прилагательному прикладывается отрицательное, тогда не взирая на правила слѣдуя употребленїю, которое въ языкѣ больше всѣхъ правилъ силы имѣетъ, отрицательное относится къ третьему лицу, на пр: Онъ человѣкъ неразумный, неученый, нечестный и пр: не рѣдко относится отрицанїе и къ третьему лицу множественнаго, на пр: Они люди нечестныя. Въ брани относится отрицанїе и ко

второму лицу единственнаго, на пр: Ты человѣкъ нечестный, изъ чего слѣдуетъ иногда пощочина, но то уже касается до Троповъ. Относится иногда отрицательное и ко второму лицу множественнаго, на пр: Вы люди нечестныя, а изъ сего вмѣсто отвѣта грамматическаго слѣдуетъ иногда отвѣтъ риторическій фигурою, которая, не знаю, какъ называется на Греческомъ и на Латинскомъ языкахъ: На Славенскомъ называется она жезломъ, а на обыкновенномъ Русскомъ дубиною. Къ перьвому лицу множественнаго выговаривая слова: Разумный, честный и пр: Отрицательное не приставливается, такъ же какъ и въ перьвомъ лицѣ числа единственнаго. А когда похулительное прилагательное ставится, тогда къ перьвымъ лицамъ обѣихъ чиселъ прикладывается отрицательное, а у прочихъ отъемлется; на пр: Я человѣкъ неглупый, я человѣкъ нескупой, мы люди неглупыя, нескупыя и пр: Онъ человѣкъ глупый, онъ человѣкъ скупой; ты глупый человѣкъ, вы глупыя люди, они глупыя люди и пр: Все, что хорошо, при перьвыхъ лицахъ говорится безъ отрицательнаго, и все что худо съ отрицательнымъ. Во вторыхъ лицахъ

цахъ все, что хорошо, говорится такъ же по большей части безъ отрицательнаго, а что худо съ отрицательнымъ, однако все то противное знаменуетъ, и кто не совершенно знаетъ граматику, тотъ въ ономъ легко обмануться можетъ. Въ третьихъ лицахъ хорошее безъ отрицательнаго рѣдко выговаривается, а худое почти всегда безъ отрицательнаго. Какъ сопрягаются прилагательныя съ мѣстоименіями, такъ и существительныя имена и глаголы, на пр: Я другъ. Онъ недругъ. Я неплутъ. Онъ плутъ. Я умѣю. Онъ не умѣетъ. Я не краду. Онъ крадетъ, и пр. *Ты*, есть второе лице единственнаго, и употреблялося въ Русскомъ языкѣ по естеству своему, а нынѣ здѣлано мѣстоименіемъ подлымъ. И хотя весь родъ человѣческій кромѣ Французовъ принося молитвы Создателю, говоритъ ему *ты*; однако говоря съ человѣкомъ достойнымъ почтенія или паче имѣющимъ благородство, или чинъ, или въ чемъ нибудь отъ подлаго народа отличность, *ты*, сказать противно граматикѣ. А вмѣсто того по правиламъ, хотя то и противу здраваго разсужденія, надлежитъ говорить, *вы*; а *ты* только для подлости осталось, на пр: для холопей, для мужиковъ, для

извощиковъ, для трубочистовъ, для друзей и пр : Мѣстоименїе *Ты*, какъ нѣкоторыя прилагательныя имена, имѣетъ степени. Въ прилагательныхъ именахъ степеней только три, а сїе мѣстоименїе изъ степеней своихъ составляетъ цѣлую лѣсницу. *Ты*, *Вы*, *Ваше Благородїе*, *Ваше Высокоблагородїе*, *Ваше Высокородїе* и пр : Превращеніе мѣстоименїя, *Ты* въ *Вы*, учинено тамо, гдѣ изобрѣтены длинныя трости, и ради того что сїе прехвальное и вѣжливое изображеніе весьма остроумно выдумано, принято то и въ другїя языки. А когда сїе изобрѣтено о томъ не извѣстно, да то жъ и не до Граматики, но до Хронологїи принадлежитъ. Сожалѣтельно, что о семъ достохвальномъ изобрѣтенїи, въ календаряхъ не упоминается, какъ о прочихъ достопамятныхъ вещахъ и по сему примѣру : *Отъ помышленїя печатанїя книгъ* : *Отъ сысканїя Америки* : не положено : *Отъ превращенїя Ты, въ Вы.* И сожалѣтельняе еще, что мы учредивъ складъ Русскаго языка, по свóйству Нѣмецкаго, не превратили къ лутчему еще ево украшенїю, *Ты*, въ *Они*, что Нѣмцы вмѣсто Французскаго *Вы*, и вмѣсто нашего стариннаго и неуклюжаго, *Ты*, употребляютъ ;

бляютъ ; ибо *Они* вмѣсто *Ты* еще бы больше красоты нашему языку здѣлало.

А. С.

V.

ЧАСТИ III. ИЗЪ I. РѢЧИ СМОТРИТЕЛЯ.

КАкъ только Обладатель Россіи ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ дошелъ до совершеннаго возраста, при всемъ томъ что былъ онъ Императоръ пространнаго государства, и Самодержавный Государь имѣнія и жизни многочисленныхъ подданныхъ, тотчасъ единою силою своего остроумія, обратилъ очи на самаго себя, и возмутился увидѣвъ народа своего глубокое невѣжество, и суровую грубость. Разсудивъ тому способствовать какъ скоро возможно, не посла отправилъ онъ къ тому народу, отъ котораго по большей части другія заимствовали вѣжливость; но самъ сошелъ съ престола своего, обрѣсти истинный путь препровождающій ко славѣ, и уставить себя во всѣхъ

знаніяхъ, обществу полезныхъ, чтобы поострить къ онымъ почтенныхъ своихъ подданныхъ. Механическія художества были по справедливости главный видъ трудныхъ ево исканій. Возбужденъ прехвальнымъ симъ предпріятіемъ, скрытно путешествовалъ чужими краями, гдѣ не думая о почтеніяхъ, которыя ему принадлежали, всѣ оныя высоко превозшедъ, старался только научаться мирному и военному искусству. Тако сей великій Государь трудомъ своимъ, испытаніемъ и мужествомъ, получилъ безсмертное прославленіе. Герои древности далеко отъ него отстали, и нѣтъ изъ нихъ ни единаго, котораго бы сіянія не помрачилъ онъ. Кто другой кромѣ ево отдалился когда отъ престола своево, научиться съ бо́льшимъ быти на немъ достоинствомъ? Кто другой кромѣ ево ставилъ бы себя малымъ, имѣя самодержавную власть, доколѣ бъ не научился истинному власти своей употребленію?

Когда разсматриваются всѣ ево поступки, изо всего ясно видно, что сіе есть нѣкій родъ чуда; и ежели хотѣть ему здѣлать похвалу, не извѣстно, чѣмъ начать и чѣмъ окончать. Можно сказать о нѣкоторыхъ Государяхъ въ Ме-

тафо-

тафорическомъ разумѣ , что они покорили страсти свои , а о немъ безъ Метафоры то изрещи можно. Съ какимъ благопріятїемъ сталъ онъ самъ рядовымъ салдатомъ , когда учредилъ онъ войско , чтобъ ни кто не могъ ево изъ подданныхъ прегнать на семъ отверстомъ имъ ради ихъ пути , и на которомъ онъ имъ предшествовать хотѣлъ. Тако сей щедрый Монархъ побѣждать и побѣду воблаго употреблять научился. Въ сраженіи былъ онъ страхъ ; а по одержаніи побѣды милость.

Переводилъ А. С.

VI.

О НЕСОГЛАСІИ.

НЕсогласїе въ родѣ человѣческомъ не столько отъ разности степеней разума , сколько отъ несходства сердецъ происходитъ. Люди больше сердцемъ нежели разумомъ отъ истины отходятъ. Вкорененное въ сердце зло рѣдко

разумомъ преодолѣвается. Когда злодѣяніемъ волнуетъ сердце, тогда безсильная совѣсть суетно воружается, и насъ изобличаетъ. Поврежденныя сердца, неправедныя предписуютъ намъ законы, пристрастныя производятъ умствованія, безстыдныя подаютъ намъ предпріятія, и къ дерзновеннымъ приводятъ насъ исполненіямъ. Неправедныя мнѣнія такъ мало съ истинною, какъ мало сами между собою соглашаются. Сіе есть основаніе несогласія и безпокойства всемирнаго. Самолюбіе ослѣпляетъ человѣка, и всему тому противорѣчитъ, чево мы въ склонности сердца своего не находимъ. Что два и два суть четыре, всѣ разумы въ томъ согласны; а что разбираютъ сердца, въ томъ сего согласія нѣтъ. Одна женьщина, одному прекрасна, а другому средственна кажется. Къ утвержденію истинны, для понятія разума, довольно доказательствъ, а для понятія сердца ни какова нѣтъ. Берегися любви, говорятъ молодой дѣвушкѣ, которая еще не влюбилась; отъ любовной страсти худыя слѣдствія бываютъ: дѣвушка имѣя разумъ повинуется наставникамъ своимъ; а когда сердце ея любви причастно станетъ, всѣ доказательства слабы, и едино

только

только время можетъ утолить движенїя сердца ея. Сынъ проигрываетъ имѣнїе отца своего не внимая угрожений отцовыхъ, ни увѣщаній на самой истинѣ основанныхъ, нижѐ обличенія опытовъ, имѣвъ ими стократныя отъ игры безпокойства, что игра супротивляется совѣсти ево. Онъ то чувствуетъ; но сердце ево пути своего не премѣняетъ. Отъ разныхъ сердечныхъ движеній, не можетъ устоять ни дружба ни любовь. Скупой любитъ деньги, сынъ ево излишнее щегольство; между родителемъ и сыномъ несогласїе. Трезвой и пьяной, не составляютъ бесѣды. Ученой съ невѣжею хотя и дѣйствительно часто отъ разума не соглашаются, однако невѣжи не рѣдко къ ученымъ прилѣпляются, имѣя въ сердцахъ склонность понимать доброе, отъ нихъ научаются, и разумъ на вышшую степень возводятъ. Несогласїе происходящее отъ разума часто преодолѣваемо бываетъ, а происходящее отъ сердца рѣдко. Многоумной со скудоумнымъ человѣкомъ пріятелями быть могутъ, а чистосердечной человѣкъ съ нечистосердечнымъ никогда. Всѣ споры, всѣ брани, и непримиримая вражда отъ разности сердецъ происходятъ. И самъ прехвальный Христїянскїй законъ

мерзскія вражды изъ сердецъ злодѣйскихъ выгнать не можетъ. Ежели бы у всѣхъ людей сердца были честны и разумы просвѣщенны, и всѣ бы люди въ добродѣтели геройствовали; не было бы ни участныхъ, ни народныхъ браней. Катили́на не восталъ бы противъ вольности своево отечества. Александръ не зашелъ бы въ отдаленную Индію, умерщвлять безвинныхъ человѣковъ. И того и другаго разумъ довольно увѣрялъ о томъ, что они безчеловѣчныя предпріятія имѣютъ. Катили́нѣ не было удачи здѣлать безчеловѣчіе; Александру удалось. Перьвый и́звергомъ естества почитается, а впорой великимъ Героемъ. Перьвому дала сіе титло истинна, второму лесть. Но люди установляющія несогласіе должны ли называться Героями, хотя бы всю вселенную покорили? Однако они за то, что вводятъ несогласіе, лаврами вѣнчаются. Не стыдно ли сіе роду человѣческому?

А. С.

VII.

О РАЗНОСТИ МЕЖДУ ПЫЛКИМЪ И ОСТРЫМЪ РАЗУМОМЪ.

СКорыя люди имѣютъ иногда щастїе, что ихъ по бѣглости мыслей называютъ остроумными ; хотя остроумїе ни мало съ бѣглыми мыслями не связано. Острый разумъ состоитъ въ проницанїи, а пылкїй разумъ въ единой скорости. Есть люди остроумныя, которыя медлѣнны въ поворотахъ разума , и есть люди малоумныя, которыя и не имѣя проницанїя единою бѣглостїю блистаютъ , и подобныхъ себѣ скудоумныхъ человѣковъ мнимою своею хитростїю ослѣпляютъ. Острый разумъ доходитъ до основанїя. Пылкїй касается единой поверхности. Министру довольно единаго остроумїя и здраваго разсужденїя. Судьѣ довольно единаго здраваго разсужденїя и безпристрастїя. Салдату довольно единыя храбрости и послушанїя. Полководцу при остроумїи и безъ пылкости разума обой-

обойтися не возможно. Полководецъ только и Стихотворецъ безъ пылкости разума обойтися не могутъ. Имъ всѣ обороты и перевороты мыслей въ самой скорости потребны ; однако простительняе дремля замарать бумагу , нежели потерять войско. Но сколько при остроумїи Полководцу и Стихотворцу пылкость полезна , толико она и вредна безъ остроумїя. Стихотворецъ набредитъ, и бредомъ своимъ себѣ и несмысленнымъ читателямъ поруганїе здѣлаетъ ; Полководецъ набредитъ , и потеряетъ армїю. Министру въ пылкости великой нужды нѣтъ ; важнѣйшїя дѣла скорости не требуютъ , но многихъ размышленїй , тончайшихъ расмотрѣнїй и разбора всѣхъ подробностей. И такъ когда говорится : Человѣкъ пылкой , ето не называется , человѣкъ разумной. Разумной человѣкъ , есть человѣкъ основательной. А ежели кто имѣетъ щастїе быть остроумнымъ и пылкимъ ; тому необходимо въ важныхъ дѣлахъ свою пылкость удерживать надлежитъ. Лѣнивыя лошади погоняются , а ретивыя удерживаются; такъ медлѣнность разума должна быть благорассужденїемъ понуждаема , а пылкость удерживаема. Что скоростїю испорчено, то иногда и долговременностїю исправлено

лено быть не можетъ. Есть пословица: что написано перомъ, тово не вырубишъ и топоромъ. И другая: Дуракъ броситъ въ воду камень, а сто умныхъ ево не вынутъ.

А. С.

VIII.

О НЕЕСТЕСТВЕННОСТИ.

Услышавъ вопль и выглянувъ въ окошко, увидѣлъ я, что несутъ мертваго во гробѣ человѣка, плачевное зрѣлище и епилогъ жизни нашей. Я было хотѣлъ размышлять о краткости вѣка человѣческаго и о вседневныхъ излишнихъ попеченіяхъ, которыя ни мало толь маловременной жизни не пристойны. Но вдругъ сія важная Трагедія въ самую смѣхотворную комедію или паче въ игрище претворилась. Перьвой Актеръ сея Драмы былъ мертвой человѣкъ, и дѣйствовалъ еще меньше нежели Актеры въ Пантомимѣ, потому что онъ подражая протчимъ мертвымъ и движенія не имѣлъ;

а перь-

а первая Актриса была жена ево, которая идучи за гробомъ ево пѣла пѣсню по примѣру опериетокъ, которыя такъ же при гробахъ любовниковъ своихъ пѣсни поютъ, только лишъ въ прозѣ и безъ инструментальной музыки. Содержаніе сей Аріи состояло въ томъ, для чево мужъ ея умеръ. Нещастливый мужъ! ты умеръ противъ воли своей, а ежели бы волею, то бъ тебя не похоронили; ты умеръ противъ воли, да тебѣ жъ еще и пеняютъ, для чево ты умеръ. Жена ево выла, однако она притворно выла, для того что ни гдѣ Каданса не потеряла, что въ такомъ обстоятельствѣ одна только опериетка здѣлать можетъ. На Васильевскомъ острову улицы не вымощены, и слѣдственно по окончаніи зимы всегда бываютъ грязны, такъ что не только пройти, но и проѣхать иногда трудно. Сей мертвой былъ посадской человѣкъ и старинной фабрики, котораго рода посадскія люди перепоясываются кушаками, а жёны ихъ носятъ туфли, или лутче сказать ходятъ въ туфляхъ, ради того что они туфли носятъ ногами. Ежели бы не было на ногахъ печальныя сея вдовицы туфель, а на улицѣ грязи; я бы еще могъ подумать, что жена умер-

умершаго пѣсню въ страсти поетъ ; но туфли и грязь все мое сумнѣнїе разрѣшили. У Италїанскихъ оперистокъ , какъ извѣстно , хвосты по подобїю павлиновъ длинныя ; и ради того когда Актриса повернется , два пажа хвостъ , висящїй съ преширокой изъ обручей составленной юпки , передвигаютъ , а сїя Актриса вмѣсто великой юпки великое имѣла покрывало , называемое фатою , съ тою разностью , что фата на головѣ. Вмѣсто пажей имѣла она двухъ помощницъ , которыя показывали , будто они поддерживаютъ плачущую или паче поющую вдовицу , хотя она и очень шла бодро. Не позабыла она въ безпамятствѣ своемъ противъ самаго того окошка , изъ котораго я на сїю смотрѣлъ комедїю , сыскать мѣсто , гдѣ ступить посуше , и на всемъ пути ни которой туфли отъ вязкости грязи съ ноги не сронила. А что не вышла ни разу изъ Каданса , ни мѣся грязи , ни осторожно оную обходя , то всеконечно дѣлала страсть. По окончанїи сего плачевнаго и смѣшнаго позорища , или лутче сказать , по окончанїи сея Трагикомедїи , котораго рода Драмъ нѣтъ и не бывало , пришли мнѣ отъ сего зрѣлища на умъ тѣ Стихотворцы , которыя

рыя слѣдуя единымъ только правиламъ, а иногда и единому желанію полстй на Геликонъ ни мало не входя въ страсть, и ни чего того, что имъ предлежитъ не ощущая, пишутъ только то, что имъ скажетъ умствованіе или невѣжество, не спрашиваяся съ сердцемъ, или паче не имѣя удобства подражать естества простотѣ, что всево писателю трудняе, кто не имѣетъ особливаго дарованія, хотя простота естества издали и легка кажется. Что болѣе Стихотворцы умствуютъ, то болѣе притворствуютъ, а что болѣе притворствуютъ, то болѣе завираются, и уподобляются сей оплакивающей смерть мужа своево вдовицѣ, которая шедъ за гробомъ пѣла дурацкую пѣсню.

А. С.

IX.

РОССІЙСКІЙ ВИѲЛЕЕМЪ.

МЕжду знатнѣйшими Римскими родами, какъ сего города и Архивы явствуютъ

котъ есть родъ колонна. Въ семъ родѣ числится больше двухъ сотъ славныхъ мужей, много святыхъ мучениковъ, и болѣе тритцати Кардиналовъ. Сей родъ распространился не только въ Римѣ и въ Италіи, но и въ Ишпаніи, Россіи и Германіи. Въ Россію пришелъ изъ Рима Карлъ Колонна, убѣжавъ оттолѣ отъ нападенія своихъ непріятелей, гдѣ показавъ при многихъ обстоятельствахъ великую храбрость приобрѣлъ себѣ славу и богатство. Сей Карлъ на Москвѣ рѣкѣ построилъ замокъ, и нарекъ ево по имени своево рода колонною. Замокъ сей есть нынѣшній городъ Коломна. Онъ ли или потомки ево построили село Коломенское, о томъ подлинно мнѣ не извѣстно; но то мнѣ извѣстно, что въ семъ селѣ родился ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ, основатель нашего благополучія, отецъ отечества, честь народа своего, страхъ непріятелей и украшеніе рода человѣческаго. И такъ о семъ селѣ вѣчнаго достойномъ почтенія можно въ нѣкоторомъ разумѣ то сказать подражаніемъ, что Матѳей Евангелистъ по пророчеству пророка Михея говоритъ о Виѳлеемѣ: Ты Коломенское не уступишь во славѣ ни которому граду Россійскія державы; ибо въ тебѣ родился ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ, основатель благополучія Россіи.

Россiйскiй Виѳлеемъ : Коломенско село ,
Которое на свѣтъ Петра произвело !
Ты щастья нашего источникъ и начáло ;
Въ тебѣ величiе Россiйско возсiяло.
Младенца , коего ты зрѣло въ пеленахъ,
Европа видѣла на городскихъ стѣнахъ ,
И Океанъ ему подъ область отдалъ вóды :
Дрожали отъ него всея земли народы.

А. С.

X.

ЕКЛОГИ.

I.

ИРИСА.

Въ день красный нѣкогда , какъ солнце уклонялось,
И море погрузить ево приготовлялось ,
Когда краснѣлися г гóры и лѣса ,
Луна готовилась iйти на небеса ,
Ирiса при водахъ по камышкамъ бѣгущихъ ,
Въ куспарникѣ , гдѣ гласъ былъ слышанъ Нимфъ поющихъ ,

Въ-

Вѣщала таинство тутъ будучи одна,
И вотъ въ какихъ словахъ вѣщала то она:
Рабяческая жизнь моя ужъ миновалась,
Въ которую я здѣсь цвѣтами забавлялась.
Въ началѣ сей весны, лишь листъ облекъ лѣса,
И отрасли свои пустили древеса,
Природа безъ наукъ мнѣ нову мысль вдохнула,
Лишь я на пастуха прекраснаго взглянула,
Который въ прошлый годъ мнѣ ягодъ приносилъ,
И всякой разъ тогда за трудъ себѣ просилъ,
Чтобъ я ево за то пять разъ поцаловала.
Я не противилась, и все то исполняла,
И думала о немъ, конечно онъ дуракъ,
Такой ли въ ягодахъ какъ въ поцалуяхъ смакъ.
Увидючи ево я въ первый разъ въ семъ годѣ,
И смотря на нево въ послѣдніе въ свободѣ,
Лишь только вспомнила о ягодахъ ево,
Отворотилася я тотчасъ отъ нево.
Куда рабятска жизнь одной зимою дѣлась!
Я цалованье то воспомнивъ закраснѣлась.
И въ чувствіи познавъ, что сей пастухъ мнѣ милъ,
Стыдилася всево, что онъ ни говорилъ.
Какъ видѣла ево, тогда я убѣгала,
Когда не видѣла, то зрѣть ево желала.
Съ утра до вечера и въ саму темну ночь,
Влачила зракъ ево съ собой въ средину рощь.
Лице ево по всѣмъ мѣстамъ очамъ мечталось,
Что я ни видѣла, мнѣ все то имъ казалось.
Гдѣ скрылась матерня изъ памяти гроза!
Пустила на нево я мысли и глаза.

Но кровь моя, но кровь во мнѣ не умолкала,
А страсть моя еще жесточе бунтовала.
Теряется въ любви свобода и покой,
Я искусилася то видя надъ собой.
А воспротивиться не льзя любовной страсти,
Какія бъ отъ нея ни родились напасти.
Богиня паствъ и дѣвъ! гдѣ ты въ тѣ дни была,
Какъ въ помощь я тебя на всякой часъ звала?
Ты гласа моево конечно не внимала,
И сердца слабаго во мнѣ не укрѣпляла.
Нѣтъ, ты страданія свидѣтелей моихъ,
Дражайшихъ мѣстъ тогда не посѣщала сихъ.
Источники сіи томясь тогда плескали,
И на брегахъ своихъ тебя не обрѣтали.
По рощамъ, по лугамъ бродила я стеня,
Ни что ужъ не могло увеселять меня.
Я часто муравы журчащей етой рѣчки,
Кропила токомъ слезъ. А васъ мои овечки,
Когда вы бѣгали вокругъ меня блея,
Трепещущей рукой не гладила ужъ я.
Крушилась я всегда о времени превратномъ.
Но нѣкогда пастухъ при вечерѣ пріятномъ,
Какъ нѣжно раздувалъ власы мои Зефиръ,
Принесъ въ подарокъ мнѣ изъ стада свѣжій сыръ.
Я сыръ ево взяла, и вмѣстѣ съ нимъ поѣла,
Однако не о томъ я помыслъ имѣла.
По ужинѣ онъ сталъ мнѣ воздухъ похвалять.
И звалъ меня съ собой по рощамъ погулять;
Я знала страсть свою, и съ нимъ ийти боялась,
Но онъ уговорилъ, хоть я и не склонялась.

Пошла,

Пошла, но думала, когда пылала кровь,
Чтобъ всѣми мѣрами скрывать свою любовь,
Чтобъ силы собирать, какъ можно, притворяться,
И въ слабости ему ни чемъ не показаться;
Однако онъ не крыхъ гулять съ собой взманя,
И уговаривалъ гуляючи меня:
Доколѣ буду я всякъ часъ терзаться злосно,
И мучиться тобой и день и ночь несносно.
Преобращая все стараньe въ суету?
И погублять свою напрасно красоту?
Съ начала сей весны меня ты ненавидишъ,
И ищешъ мѣстъ такихъ, гдѣ ты меня не видишъ,
А я не видючи тебя мой свѣтъ грущу,
И бѣгая по всѣмъ тебя мѣстамъ ищу.
Левъ гонитъ волка, волкъ спремится за козою,
А я по всякой день гоняюсь за тобою.
Кому что надобно, тово то и влечетъ.
Какъ я еще не такъ тебя любилъ мой свѣтъ,
Тогда дражайшая меня ты цаловала,
И многократняе мнѣ образъ свой казала.
А нынѣ на меня не хочешъ и взглянуть,
Конечно насъ смутилъ съ тобою кто нибудь.
Что было отвѣчать, въ какую рѣчь впускаться?
Съ любовью, съ младостью мнѣ надлежало драться.
Кто симъ похвалится, любовь въ нападкахъ зла,
И воспротивиться я ей не возмогла.
Не льстишъ ли только ты, ево я вопрошала,
Онъ клялся, цаловалъ, а я уже молчала.
А послѣ зачала ему я говорить,
Любезный мой пастухъ! боюся я любить;

Я слышала любовь желаньемъ возрастаетъ,
Надеждою живетъ, ущѣхой умираетъ.
О естьли не минетъ меня сія напасть;
Къ чему ты приведешъ Иріду бѣдну страсть!
Для вѣчнаго ль спыда я долгъ свой позабуду!
Я въ лютой горести, въ несносной мукѣ буду!
И тотъ пріятный взоръ, который былъ ужъ мой,
Увижу обращенъ къ красавицѣ другой.
Онъ мнѣ отвѣтствовалъ: я всѣмъ тебѣ клянуся,
Что я доколѣ живъ, къ тебѣ не премѣнюся:
Когда я премѣнюсь, пусть мой засохнетъ садъ,
И огородъ не дастъ плодовъ съ своихъ мнѣ грядъ;
Мой скотъ питается пускай хоть бѣленою,
И вмѣсто водъ рѣчныхъ болотною водою:
Пускай въ моемъ саду не будетъ цвѣтниковъ,
Не будетъ ни піонъ, ни маковыхъ цвѣтовъ.
Пусть бѣлы лиліи родиться перестанутъ,
И розы въ кругъ потокъ въ послѣдніе завянутъ.
Ну ежели то такъ, отвѣтствовала я,
Люблю тебя, мой свѣтъ, ты мой, а я твоя;
Но что бы наши дни текли въ любови слаще,
Ходи подъ тѣнь сію, ходи къ Ірисѣ чаще,
И какъ ты клялся мнѣ, того не забывай;
А Ехо смѣючись отвѣтствовало: ай.

А. С.

* * *

Ц.

* * * * * * * * * * * * *
* * * * * * * * * * * * *

II.

ФИЛИСА.

Пастушка пастуха любила паче мѣры,
Но въ первый ставши разъ невольницей Венеры,
Стыдясь, что часъ пришелъ и ей въ любви згарать,
Жаръ сердца своево старалася скрывать.
Влюбившійся въ нее пастухъ стоналъ всемѣстно,
Филисино лицо ставъ быть ему прелестно,
Гонялося за нимъ повсюду день и ночь:
Онъ способа не зналъ, чемъ въ томъ себѣ помочь.
Хотя и тщился онъ, не могъ пресѣчь желанья,
А склонность получить не видѣлъ упованья.
Когда препровождалъ минуты онъ въ трудахъ:
Садилъ, иль поливалъ цвѣты въ своихъ грядахъ,
Иль стригъ своихъ овецъ, иль стадо гналъ къ потоку,
Повсюду чувствуя онъ въ сердцѣ страсть жестоку,
Не къ трудолюбію свой помыслъ прилагалъ:
Весь умъ ево тогда въ Филисѣ обиталъ.
Когда онъ въ праздности препровождалъ минуты,
Тогда они ему и паче были люты;
Годами длилися въ тоскѣ ему часы,
Воображающу отсутственны красы.
Дни ясны безъ нее текли предъ нимъ ночами;
Когда пастухъ имѣлъ Филису предъ очами;
Онъ въ сердцѣ чувствовалъ еще жесточе страсть:

Ни наѣдался онъ , ни напивался въ сласть.
И нѣкогда какъ день уже склонялся къ нощи ,
Гуляли пастухи въ срединѣ красной рощи ,
Котору съ трехъ сторонъ лугъ чистый украшалъ,
Съ четвертой хладный токъ лѣяся орошалъ:
Пастушки сладкія тутъ пѣсни воспѣвали ,
Тутъ нимфы крояся въ водахъ ихъ гласъ внимали,
Сатиры изъ лѣсовъ съ верьховъ высокихъ горъ ,
Прельщаяся на нихъ метали въ рощу взоръ ,
Приятный пѣсенъ гласъ по рощамъ раздавался ,
И ехомъ разносимъ въ долинахъ повторялся.
Всѣхъ лутче голосовъ Филисинъ голосъ былъ,
Или влюбившійся въ нее пастухъ такъ мнилъ ,
По многихъ ихъ играхъ сокрылось солнце въ воды.
И темность принесла съ собой покой природы.
Отходятъ къ шалашамъ оттолѣ пастухи ,
Препровождаютъ ихъ въ лугахъ цвѣтовъ духи,
Съ благоуханіемъ ихъ , липы сокъ мѣшали ,
И сладостью весны весь воздухъ наполняли.
Одинъ пастухъ идетъ влюбившись съ мыслью сей,
Что близко виднѣлся съ возлюбленной своей ,
И отъ нее имѣлъ въ тотъ день приятство ново ;
Другой любовное къ себѣ услышалъ слово.
Тотъ полонъ радости цвѣтокъ съ собой несетъ,
Приявъ изъ рукъ тоя , въ комъ духъ ево живетъ,
И порученный сей подарокъ съ нѣжнымъ взглядомъ,
Начавшейся любви хранитъ себѣ закладомъ.
Иной размолвившись съ любезной передъ симъ ,
Что опреклась она поцаловаться съ нимъ
Гуляя ввечеру съ любезной помирился ,

И

И удоволясь тѣмъ, за что онъ осердился,
Ликуетъ, что опять приязнь возобновилъ.
И такъ изъ рощи всякъ съ покоемъ отходилъ
Альцѝпъ одинъ Альцѝпъ отходитъ къ стаду сму
тенъ,
Филѝсинъ зракъ ему мучитель всеминутенъ.
Отсталъ отъ пастуховъ и позади ихъ всѣхъ,
Какъ сонный въ лугъ идетъ единый безъ утѣхъ.
Еще не вышелъ онъ изъ рощи совершенно,
Анъ видитъ предъ собой шу, сердце кѣмъ плѣненно:
Примѣтивъ то, что онъ отъ пастуховъ отсталъ,
Она шла медлѣнно, чтобъ онъ ее догналъ;
Хотя намѣренья она и не имѣла.
Явить ему, что кровь ея въ любви кипѣла.
Не заключаетъ онъ то видя изъ того,
Что въ семъ пути она осталась для него.
Мятется, и въ лицѣ ея не примѣчаетъ,
Что гордость отъ нея далеко убѣгаетъ.
Не вѣдаетъ она, что ей тогда начать,
Чтобъ было можно ей съ нимъ въ рощѣ постоять.
Стращася смѣлостью предъ нею провиниться,
Не вѣдаетъ и онъ, какъ путь остановиться.
А простирающимъ тихонько сей свой путь,
Другъ другу хочется имъ молвить что нибудь.
Одна въ умахъ ихъ мысль, страсть равна ихъ
тревожитъ;
Уединенїе въ обѣихъ пламень множитъ.
Я мнила, говоритъ, краснѣяся ему,
Что ужъ пришелъ давно ты къ стаду своему,
И что отъ всѣхъ лишъ я отстала здѣсь едина.

Онъ ей отвѣтствовалъ ; моя цѣла скотина,
И будетъ въ цѣлости и безъ меня она:
Она съ рукъ на́ руки Мена́льку отдана.
Мой скотъ теперь уже въ покоѣ пребываетъ,
На мягкой онъ травѣ лежитъ, и отдыхаетъ,
Лишъ я спокойствія нигдѣ не нахожу,
Изъ му́ки, ахъ! теперь на му́ку отхожу.
Наполненъ будетъ мой шалашъ сѣнаньемъ снова.
Не молвила въ отвѣтъ на то она ни сло́ва,
Лишъ ягодъ свой ему кузовчикъ подала,
Которыя она въ тотъ вечеръ набрала.
Признакъ несмысленной любви ему являетъ;
Но то безмолвіе любовникъ понимаетъ.
Одной Альци́инъ рукой кузовчикъ принималъ,
Другой фили́синну другую руку бралъ,
И цалованія даетъ во мзду сугубы,
Цалуетъ ру́ки ей, потомъ цалуетъ въ губы.
Не будь такъ смѣлъ, она съ досадой говоритъ,
Мя поступь отъ тебя такая отвратитъ,
Подастъ притчину мнѣ тебя возненавидѣть;
А я тебя хочу безпересганно видѣть.
Мнѣ скотъ твой будетъ милъ какъ собствен-
ный мой скотъ,
Какъ станешъ ты гонять овецъ на токи водъ,
Я буду при тебѣ и тамо не отступно,
И станемъ о стадахъ своихъ печися купно,
Не буду безъ тебя Альци́инъ ни ѣсть ни пить,
Не стану и подъ тѣнь деревъ одна ходить.
Не буду рвать цвѣты руками я своими,
Брать стану отъ тебя, и украшаться ими.

Я первыя плода не съѣмъ сама, сыскавъ,
И принесу тебѣ, что я сыщу, сорвавъ.
Пѣвець стану пѣсни тѣ, которы ты лишъ сложишъ,
Тебѣ дамъ пѣть свои, коль ихъ не уничтожишъ.
А цаловать себя Альцѝпъ, тебѣ пречу,
Сей поступки стыжусь, любиться не хочу.
Пастухъ отвѣтствовалъ: я въ томъ не малодушенъ
И буду дарагой пастушкѣ я послушенъ.
Не стану впредь тебѣ я етимъ докучать,
И буду лишъ одну Клеѐну цаловать.
Она меня давно привѣтно принимаетъ,
Хотя ея привѣтствъ мой духъ и не желаетъ.
Любя одну тебя, и мысли всѣ вперивъ
Въ едину красоту твою, доколь я живъ.
Она отъ выдумки сей, видъ перемѣнила,
И закраснѣвшися Альцѝну говорила:
Пришло теперь сказать привѣтны рѣчи вновь,
Покорствую тебѣ, пускаюся въ любовь:
Коль безъ того ты зришъ въ согласіи препоны,
Цалуй меня Альцѝпъ, лишъ не цалуй Клеѐны.

А. С.

* * *

III.

АРКА́СЪ.

Цвѣтущей младости во дни дражайшихъ лѣтъ,
Въ которы сердце мысль любовную даетъ,
Мели́па красотой Аркáса распаляла,

И

И ласкою къ нему сей огнь усугубляла,
Какую здѣлала она премѣну въ немъ,
Ту стала ощущать, ту въ сердцѣ и своемъ.
Не такъ ужъ пристально пасла она скотину;
Страсть мысли полониѣ большую половину,
Принудила ее Аркáса воображать,
И въ скучныя часы почáсту воздыхать.
Она любезнаго всечасно зрѣть желала;
Но мать быть въ праздности пастушкѣ воспрещала;
Когда замедлится Мели́та отлучась,
Или когда пойдетъ отъ стада не спросясь,
Что дѣлала и гдѣ была, сказать подробно,
Пастушкѣ не всегда казалося удобно;
Чтобъ частымъ вымысломъ сумнѣнья не дáть,
И вольности въ гульбѣ всея не потерять.
Не однократно лжетъ любя свою свободу:
То прутья рѣзала, то черпала тамъ воду,
То связки, то платки носила мыть къ рѣкѣ.
Но всѣ ль одни слова имѣть на языкѣ.
Какъ спрашивала мать, о чемъ она вздыхаетъ,
Мели́та вымысломъ такимъ же отвѣчаетъ:
То волкъ повадился на ихъ ходить луга́,
То будто о пенекъ зашибена нога,
То гдѣ то будто тамъ кокушка коковала,
И только два года ей жить предвозвѣщала.
То полудневный жаръ ей голову ломилъ;
Какъ молвить, что груститъ, не зря тово, кто
милъ?
Но какъ они тогда другъ друга ни любили,
Другъ другу склонности еще не объявили,

Въ

Въ незнанїи о томъ препровождали дни:
Лишь очи о любви вѣщали имъ одни.
Довольны бъ и сїи свидѣтельства въ томъ были,
Что тающи сердца глазами говорили;
Но увѣренье по имъ мало мнилось быть,
Хотѣлось имъ ево ясняе получить:
А паче пастуху не очень было внятно,
Что зрѣть ево и быть съ нимъ купно ей приятно,
Она не щадилася любовнику казать,
Что принуждаетъ страсть, ее, ево ласкать:
И какъ привѣтствїе Аркасу открывалось,
Шло безъ намѣренья, изъ страсти вырывалось.
Пошла она, хоть мать ее была лиха,
Въ вечернїя часы увидѣть пастуха.
Чтобъ удалити ей на время скуки злобны,
Минуты оныя ей мнились быть способны.
Старуха по трудахъ легла спокоясь спать,
Мели́та въ крѣпкомъ снѣ оставила тушъ мать.
Приходитъ въ тѣ луга, въ ту красную долину,
Гдѣ пасъ возлюбленный ея пастухъ скотину.
Не зря любовника, отходитъ въ близкїй лѣсъ,
И ищетъ своево драгова межъ древесъ.
Не представляетъ ей и та ево дуброва.
Опять идетъ въ луга, ево искати снова.
Была, желающа узрѣть ево, вездѣ;
Не обрѣла она любовника ни гдѣ.
Куда ты, ахъ! куда Мели́та говорила,
Пустыня моево любезнаго сокрыла?
Дражайшїя мѣста, вы сирым безъ нево,

И кѣмъ

И нѣтъ притожства въ васъ для взора моево !
Коль щастливой моей противитесь сульбинѣ ;
Медвѣдямъ и волкамъ жилищемъ будите нынѣ!
Не возрастай трава здѣсь здравая во вѣкъ ,
И возмутившеся потоки чистыхъ рѣкъ !
Желаю чтобъ отсель и птички отлетѣли ,
И больше бъ соловьи здѣсь слалостно не пѣли ;
Чтобъ только здѣсь сова съ вороною жила ,
И Флора бъ навсегда свой тронъ отсель сняла.
Что видѣла она, на все тогда сердилась ;
Но какъ нещастная тогда она смутилась ,
Какъ мать свою вдали увидѣла она !
Покрыта тучами ей зрѣлась та страна.
Старуха полежавъ не долго отдыхала ,
И вставши отто сна Мели́ту покликала ,
А какъ она на кликъ ей гласу не дала ,
Въ великое ее сумнѣнье привела.
Вздыханье дочерне ей нову мысль вселяло ,
И отлученьемъ симъ то ясно толковало :
Отъ страха бросяся пастушка чтобъ уйти ,
И гдѣ бы мочь себѣ убѣжище найти ,
Въ забвенїи въ шалашъ любезнаго попалась ,
И вдругъ узря ево изнова испугалась;
Хотя сей страхъ не столь пронзителенъ ей былъ ,
Какъ тотъ , который ей издалека грозилъ.
Обрадовавшися любовникъ вопрошаетъ ,
Какой ево случа́й незапно утѣшаетъ.
Она отвѣтствуетъ : я въ твой шалашъ ушла ,
Чтобъ мать моя меня бродящу не нашла
Она подумаетъ , что я въ долу́ семъ зрюся ,

Коне-

Конечно для того, что я съ кѣмъ здѣсь люблюся.
Сумнѣньемъ полна идетъ она сюды.
Дай мнѣ побывши здѣсь спастися отъ бѣды!
Мели́пта ревностью Аркáса заразила,
И слѣдующу рѣчь въ уста ево вложила:
Прещастливъ тотъ пастухъ, кто власть твою познавъ,
И полюбивъ тебя тебѣ угоденъ сталъ,
И злополученъ я, что зрю тебя съ собою,
Загнанну въ мой шалашъ любовію чужою.
Стыдилась таинство она ему открыть,
Но стыдъ и паче былъ предъ нимъ чужою слыть.
Боялась страсть къ себѣ ево она убавить,
Жалѣла въ семъ ево сумнѣніи оставить.
Что жъ дѣлать? коль ево ей хочется любить;
Такъ то ему она должна жъ когда открыть.
Свирѣпой! на сіе Мели́пта отвѣчаетъ:
Иль мало взоръ тебя вседневно увѣряетъ,
Что ты угоденъ мнѣ? ково жъ, ты мнишъ люблю,
И для ради ково я страхъ такой терплю?
Я для ради тебя прияти дерзость смѣла;
На сихъ тебя лугахъ увидѣть я хотѣла.
Сію ль за то мнѣ мзду жестокой воздаешъ,
Что ты меня чужой любовницей зовешъ?
Старуха не сыскавъ Мели́пты возвратилась.
А дочерня боязнь въ утѣху превратилась;
Аркáсъ изъ ревности къ веселью приступилъ,
И много съ ней минутъ дражайшихъ проводилъ.
По семъ исполненна любовныя приязни,
Пришла дочь къ матери исполненна боязни.

Агала

Дгала ей, что ее пастушка позвала,
Съ которою она въ согласіи жила,
Что отречись ни чемъ отъ зóву не умѣла,
А матери будить, въ снѣ крѣпкомъ, пожалѣла.
И ложь и истинна могли тѣ рѣчи быть:
Всегда ль отъ вымысла льзя правду отдѣлить?
Прогнѣванная мать дочь вольну пожурила;
Но дочь несла легко, что мать ни говорила.

А. С.

* * *

Оглавленіе.

		стран.
I.	Опытъ Нѣмецкаго Словаря. - - -	195
II.	баснь о Пирамѣ и Ѳисвѣ изъ Овидіевыхъ превращеній. - - - - -	212
III.	О важности слóва. - - - - -	219
IV.	Истолкованіе личныхъ мѣстоименій -	225
V.	разсужденіе изъ третіей части смотрителя. - - - - - - - -	229
VI.	О несогласіи. - - - - - - -	231
VII.	О разности между пылкимъ и острымъ разумомъ. - - - - - -	235
VIII	О неестественности. - - - -	237
IX.	россійскій Виѳлеемъ - - - - -	240
X.	Еклоги. - - - - - - - - -	242

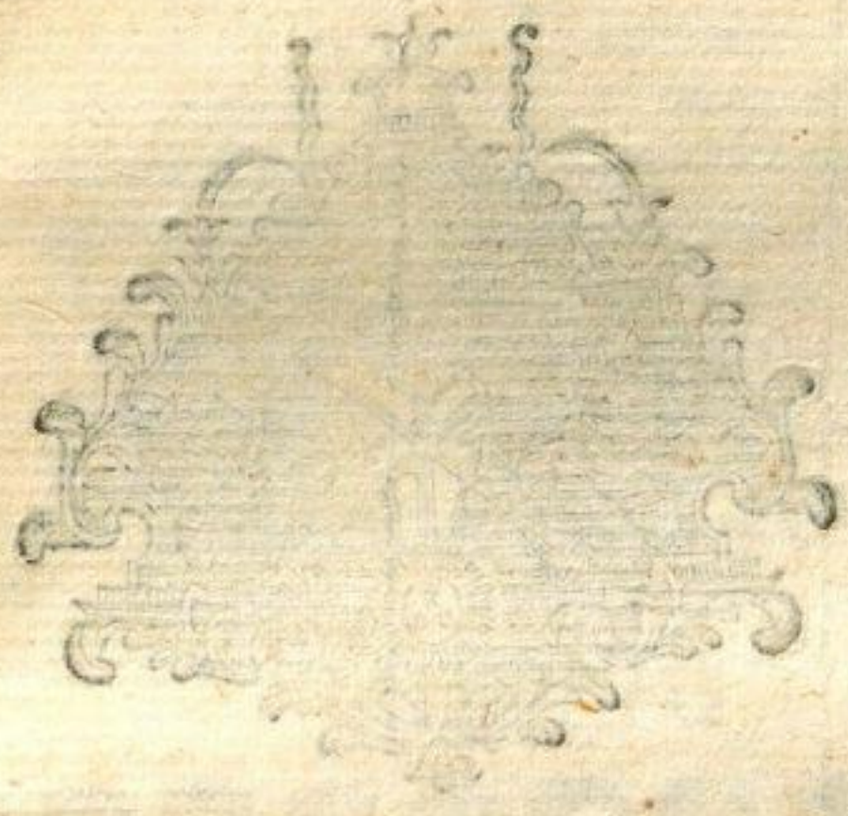
) o (

ТРУДОЛЮБИВАЯ

ПЧЕЛА.

Маїй 1759 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ



I.

О РАЗУМѢНІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ПО МНѢНІЮ ЛОККА.

ЛОккъ отрицаетъ врожденныя понятія. Ежели бы сія истинна врожденна была, что нѣчто можетъ вдругъ существовать и несуществовать; младенцы постигнули бы то, какъ скоро матернюю утробу покинули, а того нѣтъ. Разумѣніе просвѣщается чувствами, и что больше они укрѣпляются, то больше оно просвѣщается. Все то, что мы ни понимаемъ, вѣясняется въ разумъ чувствами. Разсужденіе кромѣ данныхъ ему чувствами ни какихъ основаній не имѣетъ. Разсужденіе безъ помощи чувствъ ни малѣйшаго движенія въ изслѣдованіи здѣлать не можетъ. Разумъ ни что иное какъ только дѣйствія души, въ движеніе чувствами приведенныя. Что больше человѣкъ видитъ, то больше разумѣетъ. Могъ ли бы человѣкъ постигнуть что сладко,

и что горько , ежели бы онъ не имѣлъ вкуса ? Можетъ ли кто постигнуть , что бѣло и что красно , разумомъ , слѣпъ родившися ? Кто глухъ родился , тотъ о музыкѣ ни малѣйшаго понятія не имѣетъ. Все что ни есть , неопровергаемое Локково мнѣніе утверждаетъ. Маленькой младенецъ едва разумъ имѣя, что сладко и что горько столько жъ какъ и большой человѣкъ постигаетъ. Неврожденный разумъ тому ево научаетъ , но вкусъ. Не сказываетъ разумъ младенцу , что три и семь , десять , покамѣстъ онъ до десяти считать не научится. Что Левъ и что Медвѣдь, неврожденный разумъ человѣку сказываютъ , но взоръ. Что колокольный звонъ и что пушечная пальба не разумъ сказываетъ , но слухъ. Какъ пахнетъ Корица , Гвоздика , не разумъ сказываетъ, обоняніе. Что ударъ тѣлу боль дѣлаетъ , не разумъ то сказываетъ , осязаніе. Разумъ ни чему насъ не научаетъ , чувства то дѣлаютъ. Всѣ движенія души отъ нихъ. Что холодно и что горячо , разумъ ли сказываетъ ? Разумъ есть ни что иное , какъ только содержатель воображеній , порученныхъ ему чувствами. Естество никакова начертанія въ разумѣ безъ

чувствъ

чувствѣ не можетъ учинить. Человѣкъ ученой и человѣкъ дикой, не разумомъ разнятся, но употребленїемъ чувствъ. Ежели бы разумъ былъ врожденъ, на что бы потребны были науки? Не надобны бы были, слѣпому глаза, а глухому уши. Все бы то дѣлалъ разумъ, а чувства были бы не надобны. Разумъ ни чево не дѣлаетъ, лишь только сохраняетъ то, чѣмъ ево чувства обогащаютъ. Кратко: Врожденнаго понятїя нѣтъ.

Природа не извясняетъ истинны въ душахъ нашихъ, и слѣдственно ни какова нравоучительнаго наставленїя не подаетъ. Есть ли бы такъ было; не было бы разбойниковъ, а они между собою и дружбу и узаконенїя имѣютъ; на врожденной ли истиннѣ сїе основано? ясно, что нѣтъ. Ежели бы врожденное было нравоученїе; оно бы вдругъ постигнуто быть долженствовало, а мы оному научаемся, и сложенїемъ многихъ воображенїй, до него доходимъ. Одни несложныя просвѣщенїя, чувствами, разомъ понимаются. Рабенокъ то, что темняе и что свѣтляе, равно какъ и большой человѣкъ постигаетъ. Большой слагая понятїе съ понятїемъ, и воображенїе съ воображенїемъ, о свѣтѣ разсуждаетъ,

ждаетъ, а перьвое воображенїе, не больше младенца чувствуетъ. Не требовала бы доказательства истинна, ежели бы она врожденна была. Что красно и что бѣло, на то не надобно доказательства; а сїе показываютъ чувства, чево разумъ не дѣлаетъ, и слѣдственно ни врожденнаго разума, ни врожденныя истинны нѣтъ. Свойственно человѣку желать себѣ щастїя; но сїе желанїе не врожденное, но происходящее отъ чувствъ. Ежели бы чувства того не вѣсняли; не было бы и желанїя сего. Спроси Христїянина, для чево онъ опасается дѣлать беззаконїе? Спроси ученика Гоббезїева? Спроси языческаго Философа. Перьвой скажетъ: Боюся Бога. Другой: Боюся начальства. Третїй скажетъ: Боюся стыда; такъ имъ сїе узаконенїе чувства предписали, а не врожденное право. Умен шается ли тѣмъ премудрость нашего Создателя, что нравоученїе основано на чувствахъ, а не на разумѣ? Совѣсть основана на чувствахъ, а не на врожденномъ понятїи котораго нѣтъ, и быть не можетъ. Есть ли бы совѣсть врожденно изобличала; допустила ли бы она до беззаконїя. Воспитанїе, наука, хорошїя собесѣдники и прочїя полезныя наставленїя,

ленїя , приводятъ насъ къ безпорочной жизни, а не врожденная истинна. Есть ли бы совѣсть была врожденна ; всѣ бы люди жили честно , и всѣ бы повиновалися единому закону. Что честно въ одномъ народѣ , то бъ честно было и въ другомъ : Не было бы ни войны ни ссоръ ; ибо не было бы различныхъ о справедливости толкованїй : Всѣ бы философствовали , и всѣ бы , ни чего добраго , не видѣвъ , не слышавъ , и ни чему не учившися , здраво разсуждали ; а того нѣтъ. Ни безбожника , ни суевѣра , затвердѣвшихъ во мнѣнїяхъ , совѣсть не обличаетъ ; гдѣ же врожденная истинна дѣвается ?

(*Продолженїе впредь будетъ*).

II.

КЪ ТИПОГРАФСКИМЪ НАБОРЩИКАМЪ.

Когда вы набираете литеры для моихъ писемъ , я прошу васъ наблю-

дать слѣдующее. Силъ не ставити ни гдѣ ; ни въ какомъ словѣ русскимъ людямъ они не надобны ; мы пишемъ по русски не для чужестранцовъ , но для себя, а чужестранцы могутъ тѣмже образомъ и безъ силъ научаться нашему языку , какъ мы ихъ языку научаемся. Они знаковъ на слогахъ ударенїя не ставятъ; однако мы безъ трудности ударенїю словъ ихъ научаемся. Сея ради причины у насъ силы уже выброшены , кромѣ словъ безъ силы два или ежели есть и болѣе знаменованїй имѣющихъ; и такъ я говорю объ оставшихъ ненадобныхъ намъ силахъ. Гдѣ должно сказать , *сéрдца* и гдѣ *сердцá* , то всякой русской человѣкъ и безъ сего ему типографскаго предваренїя поймет, а по складу и чужестранецъ не ошибется , ежели знаетъ по Русски. Силы дѣлаютъ справщику и вамъ трудъ никому не полезный , и трудъ Автору въ поправкѣ набраннаго ево сочиненїя. Когда исчезнутъ силы , исчезнетъ съ ними и пестрота обезображивающая прекрасную нашу нынѣшнюю печать. Собственныя имена такъ же силъ не требуютъ ; ибо ударенїе въ собственныхъ именахъ на Русскомъ языкѣ отъ ударенїй чужестранныхъ языковъ отмѣ-

няется

яется по нашему свойству. На пр: Елегία, по свойству нашихъ ударенїй Елéгїя, Éклога, Еклóга, и пр: А ежели которыя имена остаются и въ прежнемъ своемъ свойствѣ, и тѣ легко понять можно, по примѣру другихъ именъ изъ того языка, тѣмъ образомъ, которымъ догадываются не ставя силъ чужестранцы. А ежели какое не важное собственное имя и на выворотъ молвится, такъ сколько неважно то имя, столько не важна та и погрѣшность. Лутче ставить силу надъ словами чужестранными, въ которыхъ намъ нѣтъ нужды, и которыя присвоены быть не могутъ, и для того ихъ силою почтить, что они силою вѣхали въ языкъ нашъ, и которыя трудно выжить, потому что десять человѣкъ ихъ выталкиваютъ, а многїя ихъ тысячи ввозятъ. Его мнѣ смѣшно, что мы втаскиваемъ чужїя слова, а то еще и смѣшняе, что тому не многїя смѣются, хотя языкъ народа и не послѣднее дѣло въ народѣ. Или можетъ быть я грѣшу, что тому смѣюся, а они благопристойно поступаютъ, и ради того не смѣются, что то не смѣха но сожалѣнїя достойно. Имена прилагательныя кончаются у меня во множествен-

номъ всѣхъ родовъ въ именительномъ падежѣ на Я. А потому что я по единому только собственному моему произволенію ни какихъ себѣ правилъ не предписываю, и не только другимъ но и самому себѣ въ грамматикѣ законодавцемъ быть не дерзаю, памятуя то, что Грамматика повинуется языку, а не языкъ Грамматикѣ; такъ долженъ я объявить вамъ, ради чево я всѣ прилагательныя такъ оканчеваю. Ради того что всѣ такъ говорятъ. А для чево такъ говорить начали, о томъ спросите древнихъ предковъ нашихъ, ежели вы къ тому случай имѣете. А всенароднаго употребленія не возможно опровергнуть, да и не для чево. Другой на сіе доводъ столько жъ важенъ: Въ Славенскихъ нашихъ книгахъ, прилагательныя имена, множественнаго числа въ единственномъ, рода мужескаго кончаются на И. Въ женскомъ и въ среднемъ на Я. Ежели намъ слѣдуя тому поступать; такъ мы Славенскимъ мужескимъ окончаніемъ введемъ нѣчто несвойственное въ нынѣшній языкъ нашъ, къ чему народъ не только привыкать не можетъ, но и не станетъ. Какому жъ послѣдуя правилу оканчеваете вы во множественномъ прилагательныя имена на

Е ? Вы скажете : такъ пишутъ нынѣ. Кто такъ пишетъ нынѣ ? Всѣ , вы скажете. Право не всѣ , ибо не всѣ еще симъ заражены, и ни когда не заразятся , а то , что не имѣетъ ни малѣйшаго основанїя , стоять не можетъ. Предлогъ , *При* , въ сложенныхъ съ нимъ словахъ ставить такъ какъ онъ есть , не премѣняя литеры И , въ І ; ибо всякое слово , гдѣ бы оно вставлено ни было, тѣмъ же словомъ остается , что оно было ; слѣдственно и литеры свои удержать должно : Оно знаменованїя своево не теряетъ , и ни мало отъ существа своево не отходитъ. Изъ словъ, *Множить* , *У* , *При* , составляется слово , *прiумножить*. Для чево жъ писать *прїумножить* ? или изъ словъ *Яти* , *При* и *Не* , составленное слово , *непрiятель* , для чево писать *непрїятель* ? что въ Славенскихъ нашихъ книгахъ слѣдуя правилу , что бы предъ гласною литерою ставить І , не здѣлано выключки на предлогъ , *при* , ето учинено забвенїемъ , не представивъ себѣ , что безъ выключки мало правилъ , или хотѣлося переводчикамъ покорить закону своему , не покоряющееся правилу ихъ *при*. Имъ ето удалось ; я только бѣдному , *при* , и нѣкоторыя мои

сооб-

сообщники , къ слабому ево защищенїю остался. Не только предлогу , *при* , и человѣку бѣдному не скоро судъ сыскать можно , а особливо ежели судьи несправедливаго мнѣнїя , или какое пристрастїе имѣютъ. Тогда отъ судей челобитчику такое рѣшенїе выходитъ : Отказать ; ибо мы того здѣлать не хотимъ. Имена существительныя кончающїяся на Ъ , суть рода женскаго ; такъ ради чево имѣющїя охоту переламывать правилами языкъ говорятъ великой камень , великой пламень , а не великая камень и не великая пламень? Ето бы лутче было , по тому что не было бы выключки. Что менше правилъ , то легче языку научиться , а нѣкоторыя думаютъ , что въ легкости языка немалое состоитъ достоинство; однако тотъ Алмазъ не дешевле , которой легче. Мнѣ думается , что въ умѣренной тягости языка больше найти можно достоинства , по тому что отъ того больше разности , а гдѣ больше разности , тамъ больше приятности и красоты , ежели разность не теряетъ согласїя. Трудность языка къ наученїю больше требуетъ времени , но больше принесетъ и удовольствїя. *При* , и *томъ* , *по* и *томъ* дѣлаете вы однимъ

нимъ словомъ, и когда набираете, *ло-томъ*, ставите силу такъ изображая: *лотóмъ*, чтобъ не было выговорено, *лóтомъ*. Не сопрягайте двухъ словъ въ одно, когда вы мои письма набираете. Палочекъ между словъ не ставьте, на прим: *ло-морю*; еще хуже набирать такія рѣчи какъ *ло морю*, и ставить силу на односложномъ словѣ такъ: *лó морю* или съ палочкою *лó-морю*. Гдѣ свѣтло тамъ свѣчь не зажигаютъ, а что ясно о томъ толковать не надобно: гдѣ поставлено *ло морю*, всякъ будетъ читать и безъ предваренія *ло морю*, а не *ло мóрю*. Односложныя слова уже и для чужестранцовъ силъ не требуютъ; ибо гдѣ одна только гласная литера, тамъ удареніе на оную ни кто обойти не можетъ. Два не могутъ быть не два, а три не могутъ быть не три, подобно не можно не ударить голосомъ въ литеру гласную, ежели она одна только, а Хореи наши и Ямбы составленныя изъ двухъ долгихъ слоговъ суть Спондеи, какъ изъ двухъ короткихъ Пирріхіи, и употребляются слагателями стопъ по необходимости. Спондеи претворяются въ Хореи и Ямбы силою и удареніемъ мысли, а Пиррихіи остаются слабыми двусложными стопами,

что

что стопослагатели хотя и тщатся обѣгать, но ни въ самомъ пресѣченіи стиха всегда обѣжать не могутъ, ежели для сей маловажной причины не хотятъ уменшить красоты въ изображеніи мысли своей. Щастливы тѣ въ ономъ, которыя о красотѣ мыслей не пекутся, или паче достигнуть ея суетную надежду имѣютъ. Они безъ сожалѣнія риѳмѣ, пресѣченію и стопѣ, мысли свои на жертву приносятъ. Не безщастны и тѣ, которыя сочиняя стихи съ риѳмами, ни о чистыхъ стопахъ, ни о хорошихъ риѳмахъ не думаютъ; а всѣхъ щастливяе тѣ, которыя сочиняя стихи ни о чемъ не думаютъ; ето всево легче. Въ собственныхъ именахъ по свойству произношенія нашего языка, ежели следуетъ послѣ І, А, ставьте вездѣ въ моихъ сочиненіяхъ Я. На прим: вмѣсто, Дїана, Марїа, Наталїа. Діяна, Марія, Наталія. Въ другихъ словахъ изъ языковъ чужихъ такъ же, на прим: вмѣсто, Елегїа, Церемонїа, Азїа, Иліада: Елегія, Церемонія, Азія, Ілія да, ибо произношенію нашему не свойственно А и У въ срединѣ, и въ концѣ слова безъ литеръ безгласныхъ выговаривать по естеству ихъ и всегда кромѣ начала слова А,

А, и У, стоя одни премѣняются въ Я, и Ю; Не говорится Іунь, Іуль, Іудея, но Іюнь, Іюль, Іюдея. Грубой гласной литеры У, древнія Славяны и въ началѣ слова не выговаривали, прилагая къ У, О, для умягченія грубости литеры У, непріятельницы музыки, и выговаривали О, весьма коротко, которое почти не слышно было, лишь только смягчало грубость литеры У, и ради того во всѣхъ нашихъ древнихъ книгахъ У, безъ О, въ началѣ ни гдѣ не положено. А у Грековъ, У, изъ двухъ литеръ по той же причинѣ составляется. При безгласныхъ посреди слова ставился у насъ вездѣ Икъ, которой мягче нежели У, произносился, что и нынѣ наблюдать надобно: на концѣ стоя У, о но, премѣнялося оно въ Ю, и только стоя на концѣ съ безгласною литер[illegible], произносилося, когда грубость ево дѣйствовать не можетъ. Свойственно естеству человѣческому, а можетъ быть и всякому животному грубое произношеніе голоса сколько можно умягчать, отъ чего родилась музыка и стопосложеніе. Всѣ языки имѣютъ грубости, одинъ болѣе, другой менѣе; ибо языки составляются не учеными людьми, но людьми, и не одними разсудительными, но всякими;

такъ

такъ то жъ естество, которое въ грубости впадаетъ, оныя грубости и смягчаетъ. Языки разныя имѣютъ суровости; разныя къ тому и способы употребляются. Въ нашемъ языкѣ слуху досаждаютъ изъ несогласныхъ литеръ составленныя слоги, а особливо изъ трехъ безгласныхъ литеръ, или когда конецъ слова, съ началомъ того слова, которое слѣдуетъ ему, не согласенъ: что я хотя и весьма наблюдаю стараясь разносить какъ возможно слова неприятно слуху сражающїяся, да не только въ стихахъ но и въ простой рѣчи; однако не всегда то здѣлать можно, а языка ломать не надлежитъ; лутче суровое произношенїе, нежели странное словъ составленїе. Суровыя слоги суть такова свойства: *Гла, хпа, мгла, жгла* и пр: тому подобныя. Суровыя сраженїя суть такова свойства: *Вухъ безгласныхъ слряженіе. Безъ лохпалъ твердость злата. Есть жизнь многолѣтна. Сопѣсть злая. Прахъ трехъ праоучителей. Верстъ мгновенно. Отпорятъ врата. Взглядъ премѣнитъ* и пр. На противъ того гласныя наши литеры предовсѣми извѣстныхъ языковъ превосходство имѣютъ, и ими смягчаемъ мы пріятнѣйшимъ образомъ суровости нѣкото-

которыхъ нашихъ слоговъ. Не только А въ Я, и У въ Ю, премѣняются, но всѣ гласныя въ выговорѣ часто премѣняются. О въ А; ибо А мягче слышится, и суровъ онъ только послѣ гласной литеры. И, премѣняется въ выговорѣ въ ІИ. Е въ началѣ и въ концѣ слова всегда двугласная литера. Вошла было въ нашу Азбуку странная литера для изъясненія словъ чужихъ; однако сей пришлецъ выгнанъ, и ставимъ мы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она становиться хотѣла, старинную свою литеру Е, и чужія слова по свойству нашего произношенія изображаемъ ею на пр: Ева, Европа, Евнухъ, и пр: А что не говорятъ, Еденбургъ, Едуардъ, Ерцгерцогъ, а по свойству другихъ языковъ произносятъ, тому притчина та, что мы свой выговоръ и языкъ портить намѣрены, и во всякихъ обстоятельствахъ Нѣмецкой и Французской языкъ прекрасному своему языку предпочитаемъ, котораго красоты многія и не знаютъ, а не зная красоты природнаго языка, можно ли красоты познать чужихъ языковъ, сіе я предаю разсужденію всѣхъ людей, кромѣ самыхъ невѣжъ, которыхъ какъ велико число, я не вѣдаю. Слѣдуйте въ правописаніи и во многомъ прочемъ

до Грамматики и до вашей должности касающемся, больше древнимъ переводамъ Греческихъ книгъ, нежели худымъ съ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ переводамъ, отмѣняя враки переводчиковъ, ежели они вамъ позволятъ. Вы знаете, что не только многія переводчики, но и нѣкоторыя Авторы грамотѣ еще менше знаютъ нежели подьячія, которыя высокомѣряются любимыми своими словами, Понеже, Точію, Якобы, Имѣетъ быть, Не имѣется, и прочими такими. А о подьячихъ не заключайте, что они искусняе васъ, что въ два яруса ставятъ литеры и четыре литеры узорно въ словѣ Лѣта, перепутываютъ, ниже изъ того что они богатяе васъ, вседневно примѣчая что безграмотныя люди всегда грамотныхъ людей богатяе бываютъ. А писцами называются они Иронически, потому что они писать не умѣютъ, да его жъ и не ихъ должность; ихъ должность обирать.

(*Продолженіе впредь будетъ.*)

III.

III.

О НЕСПРАВЕДЛИВЫХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

Ето хорошо и ето худо, говорится очень часто, однако чаще, худо, нежели хорошо; и подлинно, что худова на свѣтѣ дѣлается больше нежели хорошева, однако не ради того чаще говорится, ето худо, но ради того, что человѣческое невычищенное, или лутче сказать, испорченное естество больше къ похуленію нежели къ похваленію склонно. Часто хвалятъ, и хулятъ люди и противно своему мнѣнію, а чаще еще окалдованны ненавистью, сыскали мы способъ обманывать себя, которымъ можемъ мы увѣриться, какъ хотимъ, и видя бѣлое не нарушая правъ совѣсти можемъ клясться, что оно хотя и не черно, однако желто. До такой степени дошло человѣческое искусство. Скоро изобрѣтемъ мы способъ увѣрять себя,

что десять, не десять, да пятьнатцать; что аршинъ, не аршинъ, да полтара аршина; что фунтъ, не фунтъ да полтара фунта. Большей части людей думается, что свѣтъ часъ отъ часу разумняе становится; другимъ думается, что онъ часъ отъ часу становится глупяе; а я такое имѣю мнѣніе, что самая малая часть рода человѣческаго часъ отъ часу разумняе становится, а остатокъ часъ отъ часу далѣ и далѣ въ невѣжество заходитъ, и сколько становится глупяе, столько умножается ево высокомѣріе. Ето я говорю не въ разсужденіи нѣкоторыхъ участныхъ знаній, но всево вобще; ибо ето извѣстно, что многія знанія возросли, многія изобрѣтены, многія пали, а нѣкоторыя, и можетъ быть, многія изчезли. Всѣ новыя умствованія основаны на умствованіяхъ древнихъ. Мода перемѣняется всегда, а природа ни когда. Не давно ходили съ коротkими тростьми, и говорили, что они покойняе длинныхъ: нынѣ ходятъ съ длинными тростьми, и говорятъ, что длинныя покойняе. Не давно люди рождалися и умирали: нынѣ такъ же рождаюпся и умираютъ; мода перемѣнилась, а природа нѣтъ. Петиметеры, стараяся другъ друга перещеголять мѣ-

рою

рою простей, вышли за границы. Здравымъ разсужденіемъ приближаемся мы къ центру познанія, котораго смертныя ни когда не могутъ коснуться. Кто больше до сего доходитъ центра, и кто менше ево преходитъ, тотъ справедливѣе дѣйствуетъ. А тщетныя люди не только въ важныхъ дѣйствіяхъ, но и въ неважнѣйшихъ мѣры не знаютъ. Примѣръ тому съ длинною простью петиметеръ. Что на природѣ и истинѣ основано, то ни когда премѣниться не можетъ; а что другія основанія имѣетъ, то похваляется, похуляется вводится, и выводится по произволенію каждаго, и безъ всякаго разсудка. А по тому что разныя у людей мысли, такъ разныя по разности вкуса умствованія, разныя изобрѣтенія и разномышленныя дѣйствіямъ и вещамъ, похваленіе и похуленіе бываютъ; ибо все доказывается по большей часпи своемышленно, а не правомышленно, и для увѣнчанія невѣжества, назвали невѣжи ясныя и непреоборимыя доказательства, педантствомъ, не имѣя, въ чемъ педантство состоитъ, ниже понятія. Логическое и Математическое доказательства не педантство, но путь къ истинѣ, которымъ шествуя, и просвѣщенный разумъ имѣя проводникомъ до послѣднихъ

границѣ нашего умствованїя заблудиться не возможно. Многое знать слыветъ у невѣжъ : знать по педантски или по школьному. Малое знать, или погрубяе выговорить, ни чево не знать, слыветъ у нихъ : знать по кавалерски. Кто жъ педанты и кто Кавалеры ? Педанты по ихъ мнѣнїю суть Профессоры и прочїя ученыя люди , которыя не по моему мнѣнїю , но по справедливости , ежели они достойны своево званїя , суть люди перьваго въ обществѣ класса. А имя Кавалера обыкновенно дается дворянамъ ; и такъ знать по кавалерски , есть знать по дворянски , знать столько, сколько благородному человѣку пристойно, то есть мало и не основательно , чтобъ умѣть начинать говорить о всемъ, и не умѣть окончать ни о чемъ, скакать изъ матерїи въ матерїю показываяся, будто все знаешъ, хотя етому кромѣ такихъ же невѣжъ и ни кто не повѣритъ , доказывать не по педантски доводами , но по дворянски крикомъ, изовсей мочи хахатать, и по томъ ежели самымъ лутчимъ и благороднѣйшимъ образомъ рѣчь окончить , то есть по петиметрски ; такъ надлежитъ запѣть Французскую пѣсню , или кто незнаетъ Французскаго языка, хотя

хотя и рускую, только чтобъ не было въ ней ни склада ни лада, въ каковыхъ пѣсняхъ нѣтъ недостатка. Таковое въ наукахъ знанїе называется, знанїе дворянское, знанїе благородныхъ людей. Быть Историкомъ, Математикомъ, Физикомъ, дворянину стыдно, а всево стыдняе проповѣдникомъ. Похвально ни чево не знать, а всево похвальняе не знать и грамотѣ. Предки наши говаривали: на что умѣть писать? вить не въ подьячихъ быть: на что умѣть читать? вить не во дьячкахъ быть. Да такъ и было. Отъ слова Дїяконъ, произошло слово Дьячекъ, отъ Дьячка Дьякъ, отъ Дьяка Подьячїй; ибо при воспрїятїи во времена Владимеровы Россїянами Христїянскаго закона и сїю приобрѣли мы пользу, что отъ Грековъ получили мы литеры, и переводами на Славенскомъ языкѣ книги, а въ началѣ Христїянскаго закона знали грамотѣ одни только священники и церковники, и когда что потребно было написать, такъ то писали дьячки. Дьячекъ, грамотникъ и писецъ было едино. По большей части дворяне служатъ въ военной службѣ, и возростаютъ къ защищенїю отечества: Дѣло прехвальнѣйшее! Многїя думаютъ, что нѣтъ нужды воину

въ наукахъ , кромѣ Инженерства и Артилеріи. Ежели мы возмемъ рядовова салдата ; такъ ему и въ томъ нѣтъ нужды ; ему только надобно выучиться владѣть ружьемъ. Но обрѣтающійся въ военной службѣ дворянинъ , или офицеръ , уповаетъ на вышшія восходить степени , а иногда быть и полководцемъ , которому знаніе наукъ, а ими чистое просвѣщеніе разума не менше Профессора потребно , и всѣ почти въ древности знатнѣйшія полководцы были люди ученыя. Александръ, Цесарь , Августъ и многія прочія. Въ новѣйшія времена такъ же. А которыя , какъ въ древности такъ и въ новыя времена , не имѣли случая въ наукахъ углубляться ; такъ они весьма ими просвѣщены были, а нѣкоторыя имѣли превосходныя разумы , дарованіе и наукъ еще почтенняе; а гдѣ не доставало знанія наукъ или любленія оныхъ , тамо слѣдовала погибель. Митрополитъ Кіевскій Петръ Могила учредилъ училище , и первый открылъ путь ученія Россійскому народу. Государь Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь , сей въ нѣжной младости къ горести всего народа скончавшійся прехвальный Монархъ и крайній любитель наукъ , учредилъ училище въ Москвѣ въ Заиконоспас-

скомъ

скомъ монастырѣ. По томъ когда возсіяло Россійское солнце, и мракъ невѣжества разсыпало, когда возшелъ на престолъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, тогда пологій Невскій брегъ сталъ горою Геликономъ, и Невскія струи струями Иппокрены. Сей великій Государь разсуждалъ о учрежденіи Академіи съ единымъ изъ учителей вселенныя съ славнымъ Лейбницомъ, и основалъ ее, пригласивъ къ оной нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ мужей, а между прочими Бернулліевъ и Германа, который нынѣ отъ нѣкоторыхъ Германомъ великимъ называется. Лейбницъ, Фонтенель, Бургавенъ не могли слѣдовать ему въ Россію, сожалѣя, что ихъ обстоятельства препятствуютъ имъ имѣти щастіе успѣшествовать въ державѣ таковаго преславнаго скипетродержца, таковаго великаго мужа, и таковаго любителя и покровителя наукъ. Лейбница наградилъ онъ чиномъ Тайнаго Совѣтника. Лейбницъ служилъ ему въ учрежденіи Академіи. Фонтенель говорилъ о безсмертной ево славѣ рѣчь. Бургавенъ обучалъ и препоручалъ Россіи медиковъ. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ преставился, едва только Академію учредивъ. Вѣнценосная ево супруга по учрежденіямъ ево Академію

основала. Дщерь ево, наша владѣющая Государыня ИМПЕРАТРИЦА, приложила къ оной Академіи изобилія, и въ Москвѣ къ вѣчному Россіи одолженію основала великое училище. Распространи Боже въ Россіи науки, и искорени несправедливыя основанія!

* * *

IV.

ЕПИСТОЛА, СТИХИ ПРОТИВЪ ЗЛОДѢЕВЪ, ИДИЛЛІЯ И ОДА.

ЕПИСТОЛА,

КЪ НЕПРАВЕДНЫМЪ СУДЬЯМЪ.

О вы хранители уставовъ и суда,
Для отвращенія отъ общества вреда,
Которы силою и должностію власти,
Удобны отвращать и приключать напасти,
И не жалѣете невинныхъ поражать!
Случалось ли себѣ вамъ то воображать,
Колико тягостно вамъ кланяться напрасно,
Молитвы принося какъ Богу повсечасно,

Противъ

Противъ васъ яростью по правости кипѣть,
И въ сердцѣ по скрывать, сердиться и терпѣть?
Иль вы не помните въ ожесточеньи тверды,
Что вышній справедливъ, а вы немилосерды?
Иль вы не вѣрите, что Богъ неправду мстить,
И вамъ стенанїе невинныхъ отплатить?
Иль вы забыли то, что время скоротечно,
И что и на земли намъ щастїе не вѣчно?
Неправду видитъ Богъ, и внемлетъ бѣдныхъ стонъ,
Что вы ни мыслите, о всемъ извѣстенъ онъ,
А что творите вы, такъ то и люди знаютъ,
Которыя отъ васъ отчаянно стонаютъ.

* * *

ПРОТИВЪ ЗЛОДѢЕВЪ.

На морскихъ берегахъ я сижу,
Не въ пространное море глежу,
Но на небо глаза возвожу.
На враговъ, кои мучатъ нахально,
Стонъ пуская въ селенїе дально,
Сердце жалобы взноситъ печально.
Милосердїе мнѣ сотвори,
Правосудное небо возри,
И всѣ дѣйства мои разбери!
Во всей жизни, минуту я кажду,
Утѣсняюсь гонимый и стражду,
Многократно я алчу и жажду.
Иль на свѣтъ я рожденъ для того,

Чтобъ

Чтобъ гонимъ былъ не знавъ для чево,
И не прогалъ мой стонъ ни ково?
Мной тоска день и ночь обладаетъ,
Какъ змѣя мое серце сѣдаетъ,
Томно серце всечасно рыдаетъ.
Иль не будетъ напастямъ конца?
Вопїю ко престолу Творца:
Умягчи Боже злыя серца!

* * *

ИДИЛЛІЯ.

Въ тотъ мигъ, когда ты мнѣ въ грудь искры заранила,
Когда пронзилъ мое прелестный серце взоръ,
Ты рощи и луга и все перемѣнила,
Не вижу прежнихъ рѣкъ, не вижу прежнихъ горъ.
Мнѣ больше не приятны
Источники сїи,
И пѣсни мнѣ не внятны,
Какъ свищутъ соловьи,

*

Весенния теплота жесточе мнѣ мороза,
И мягки муравы пушистыя снѣговъ.
Лети описель Зефиръ, увянь прекрасна роза,
Не прогайте струи журчаньемъ береговъ.
Вздыхаю, млею, ною,
Томлюся въ сихъ кустахъ:
Стени,

Стени, стени со мною,
Ты ехо въ сихъ мѣстахъ.

*

Иль нѣтъ сюда тебѣ, иль нѣтъ тебѣ дороги?
Не придешъ никогда сюда пастушка ты.
Приди когда нибудь въ потокахъ сихъ мыть ноги,
Приди сюда гулять и рвать со мной цвѣты:
Приди къ сему ты стаду,
Приди къ лѣску сему,
Приди подай отраду,
Ты сердцу моему!

* * *

ОДА.

Въ разлукѣ мучася тоской,
Тебя я въ мысли лобызаю,
И тѣнь трепещущей рукой,
Въ любви сгарая осязаю:
На мигъ забавою такой,
Я радость получить дерзаю;
Не зрю отрады ни какой,
Лишъ пуще грудь мою пронзаю,
Лишъ больше рушу тѣмъ покой,
И больше сердце угрызаю:
Пролью потоки слезъ рѣкой,
И на себѣ власы терзаю.

*

Мнѣ рокъ вездѣ гласитъ трубя ,
Твои мнѣ очи вспоминая.
На что ни зрю мнѣ все грубя ,
Твердитъ разлуку проклиная.
Я вздохи , жалобы губя ,
И больше что чинить не зная ,
Крушу по всѣмъ мѣстамъ себя ,
По всѣмъ мѣстамъ хожу стоная.
Прелестный мнѣ твой видъ любя ,
Другихъ любить не начиная ,
Вѣщаю : я люблю тебя ,
И не плѣнитъ ни кто иная

*

Подверженъ области твоей ,
Во градѣ я , въ лѣсу и въ полѣ :
Подверженъ горести моей ,
Вездѣ страдаю , въ злой неволѣ.
Лишенъ уже надежды всей ,
Не зрю отрады ни ошколѣ.
Въ мучительной напасти сей ,
Я жизни не желаю болѣ
И ты ко мнѣ любовь имѣй :
Взгляни сюда , взгляни ошколѣ :
Хоть каплю слезъ о мнѣ пролей ,
Пожертвуй мнѣ въ нещастной долѣ.

V.

РАЗГОВОРЫ МЕРТВЫХЪ.

РАЗГОВОРЪ I.

СКУПОЙ И МОТЪ.

Мот: О Чемъ ты воздыхаешь ?

Скуп: Не льзя не воздыхать; здѣсь я ни какой утѣхи не имѣю , все собранное мною богатство осталося на земли , и нѣтъ у меня ни золота ни серебра. На томъ свѣтѣ всякая минута меня увеселяла. Иногда я дѣйствіемъ , а иногда мыслію , собирая сокровищи , располагая къ собиранію онаго , учрежденія моево предпріятія , услаждался. Всегда были утѣшительныя упражненія , всегда радостныя воображенія и сладкая надежда , а нынѣ ни чево того нѣтъ. Воры и грабители иногда меня смущали ; но смерть всѣхъ грабителей жесточе ; и сами приказныя служители въ грабительствѣ ни что передъ нею; они договариваются ,

ваются, и беруть нѣсколько, а смерть не знаетъ ни какихъ договоровъ, и все отнимаетъ. Щастливы еще обитатели земли, что не всѣ разорители жадной смерти подражаютъ, и что беззаконной сей грабительницы другія беззаконныя грабители нѣсколько опасаются, чтобъ она съ богатствомъ и вѣчнаго ихъ блаженства не заграбила; да по большей части такъ и дѣлается.

Мот: Блаженства смерть отнять не можетъ; ежели человѣкъ остороженъ, что грабители гораздо помнятъ, и передъ самою смертью со слезами каются, а чево изъ пограбленнаго къ удовольствію своему не прожили, то оставляютъ дѣтямъ, и ничево ограбленнымъ невозвративъ, приказываютъ дѣтямъ своимъ, чтобъ они объ отпущеніи имъ жестокаго грабительства молились. И такъ благополучно поживъ благополучно и умираютъ; а что ограбленныхъ дѣти въ убожествѣ останутся, ето не ихъ убытокъ.

Ск: Имѣніе хорошо, да то худо, что смерть ево безъ остатка отнимаетъ.

Мот: У меня она ни чево не застала, такъ ни чево и не отняла. Отъ дня ко дню ни чево не оставлять; есть самой

мой лутчїй способъ сохранить себя отъ ея грабительства.

Сх: Какое жъ отъ имѣнїя утѣшеніе, ежели отъ дня ко дню ничево не оставлять?

Мот: Какое етова утѣшенїя больше быть можетъ, когда я хорошо ѣмъ, хорошо пью, хорошо одѣваюсь, хорошее имѣю жилище, и все то имѣю, что я за деньги имѣть могу?

Сх: А когда потребно больше издержать нежели то, что ты въ день получишъ?

Мот: Тогда я займу.

Сх: А когда занять не сыщешъ?

Мот: Такъ я потерплю.

Сх: А когда займа не чемъ будетъ отдать?

Мот: То суеты тѣхъ, у ково я займу.

Сх: А когда тебя за то въ тюрму посадятъ?

Мот: Такъ я буду сидѣть.

Сх: Да ето вить горестно?

Мот: Да и ето не очень сладостно, когда имѣть богатство, и имъ не довольствоваться, и сѣтовать по смерти, что оно уже не мое.

Сх: Подлинно что ето не весело; однако я богатствомъ повеселился, а ты нѣтъ.

Мот : Я имѣ больше повеселился нежели ты ; я ѣлѣ и пилѣ сладко , а ты мерѣ сѣ голоду.

Сх : Ты своево богатства и не видалѣ.

Мот : Да я имѣ довольствовался , а ты видѣлѣ , да не довольствовался , и былѣ не владѣтелемѣ ево , да только сторожемѣ , и несѣ ету должность безѣ заплаты , и былѣ изѣ доброй воли содержанѣ хуже каторжниковѣ , по тому что и они за труды свои плату получаютѣ.

Сх : А ты когда искалѣ и не могѣ сыскать денегѣ , или когда надлежало платить, а было нѣчемѣ , вѣ то время и подлинно страданїемѣ своимѣ на каторжника походилѣ.

Мот : Ето правда , что мнѣ было иногда несносно ; однако ты мучился больше , хотя ты самѣ не вѣрилѣ себѣ, что ты мучишся.

Сх : Я признаваюся , что и богатство дѣлаетѣ мученье , но убожество еще больше.

Мот : А я тебѣ говорю , что богатство еще больше человѣка беспокоитѣ нежели убожество , ежели ево не употреблять ; убогой человѣкѣ хотя уже то спокойство имѣетѣ , что онѣ ни воровѣ, ни грабителей не опасаетсѧ.

Сх :

Ск : Легче опасаться потерять, нежели не имѣть.

Мот : На что то имѣть, чево не употреблять.

Ск : Что выдамъ, тово нѣтъ, а чево не выдамъ, то есть.

Мот : Да теперь ужъ нѣтъ.

Ск : О томъ то я и воздыхаю.

Мот : Да на что тебѣ здѣсь имѣнїе; здѣсь ни чево не покупаютъ и ни чево не продаютъ.

Ск : То то здѣсь и похвально: Какая бы хорошая здѣсь жизнь была, ежели бы деньги были!

Мот : А я здѣсь то хвалю, что должники ни ково не мучатъ.

* * *

РАЗГОВОРЪ II.

ВЫСОКОМѢРНОИ И НИЗКОМѢРНОИ.

Низ: МНѢ здѣшняя жизнь не столько скучна какъ тебѣ, для того что хотя я и не услаждаюся своею покорностїю и низкими поклонами; но по крайней мѣрѣ не болитъ у меня поясница: а ты полюбовавшися на томъ свѣтѣ

дѣлаемыми тебѣ поклонами мучишся, что ни кто больше предъ тобою спины не нагибаетъ. Всѣ здѣсь равны и нѣтъ ни господина ни холопа. Власть и титла здѣсь минуются, и остается едино человѣчество. Правда что ето не приятно мнѣ, что степеней достоинства здѣсь нѣтъ; для того, что не предъ кѣмъ кланяться, а ето моя забава.

Выс: Степени достоинства здѣсь еще лутче, по тому что здѣсь истинное достоинство почитается а не пустыя титла, которыя не вдѣлываются въ насъ, но только къ намъ привязываются. А по тому что фортуна слѣпа; такъ она чины и титла привязываетъ безовсякаго разбора, какъ ни прибредетъ. И такъ, ежели ты ищешъ истинно достойнаго человѣка; такъ на что тебѣ далеко бѣгать? мнѣ кланяйся.

Низ: Тебѣ я и на томъ свѣтѣ ни когда не кланялся; ты великимъ господиномъ не бывалъ.

Выс: Да великимъ человѣкомъ былъ я, а и теперь то жъ. Я не лишился своево достоинства, но лишился надлежащаго почтенія. Здѣсь люди ни ково не боятся; а гдѣ нѣтъ страха тамъ нѣтъ и почтенія.

Низ:

Низ : Я не знаю , почему ты себя ставишь великимъ человѣкомъ ; ни ты показалъ живучи на свѣтѣ миру о вещахъ познанїе , ни ты показалъ мужество въ защищенїи отечества , ни разумъ въ правленїи государственныхъ дѣлъ: и вся твоя въ томъ состоитъ исторїя, что ты родился, ѣлъ , пилъ и умеръ.

Выс : Однако то знать надобно , какъ я родился.

Низ : Я твоей повивальной бабки не знаю , и какъ ты родился не вѣдаю ; то только извѣстно мнѣ , что ты вышелъ на свѣтъ изъ женской утробы , вышелъ и я изъ такой же утробы.

Выс : Я родился отъ рода самаго знатнаго : предки мои были въ великомъ почтенїи. А тотъ , отъ ково пошелъ нашъ родъ , произшелъ отъ Королевской крови.

Низ : Тотъ, отъ ково и твой и мой родъ пошелъ , произшелъ отъ земли , и у всѣхъ насъ корень и первый праотецъ Адамъ.

Выс : Ето правда ; однако прежнее грубое человѣческое естество въ потомкахъ Адамовыхъ , и въ предкахъ моихъ знатностїю рода перечищалось , и дошло до меня во всей славѣ и въ полномъ великолѣпїи.

Низ : Ето все, что ты ни наговорилъ, пустое, и то, что ты отъ знатнаго произшелъ рода, твоей славы не умножаетъ, а я тебя славняе для того, что я въ жизни моей былъ любимъ многими великими господами и со многими изъ нихъ обѣдывалъ и ужинывалъ, а ты къ праотцамъ своимъ и въ подворотню не смотривалъ. Мнѣ жъ многихъ великихъ господъ не только лакеи но и камердинеры друзья были.

Выс : И у моихъ лакеевъ такія люди каковъ ты друзьями были.

Низ : Такія люди какъ я съ твоими лакеями по сходству нравовъ обхожденіе имѣли, а я по политикѣ; ибо чрезъ нихъ я входилъ въ милость къ господамъ ихъ, получалъ отъ нихъ покровительство и вспомоществованіе въ исканіяхъ моихъ. Я положилъ себѣ такой въ жизни уставъ, чтобъ не только приласкиваться къ холопямъ большихъ господъ, но и къ собакамъ ихъ; и ради того всегда носилъ я въ карманѣ хлѣбъ, и собакъ ихъ подчивалъ, чтобъ я и имъ не противенъ былъ, и чтобъ они на меня не лаяли, и не дѣлали приходомъ моимъ въ домѣ шума къ безпокойству въ немъ живущихъ, а хлѣбъ носилъ я всегда бѣлой, ради того что

въ домахъ большихъ господъ не только собаки , но и мыши чернова хлѣба не ядятъ.

Выс : А я тебѣ скажу : мнѣ ни чево не было противняе , какъ ходить въ домы большихъ господъ , хотя бы они всѣ достоинства принадлежащія чинамъ ихъ имѣли , ради того что я ихъ пуще смерти ненавидѣлъ.

Низ : За что жъ ?

Выс : За то только что они большія господа.

Низ : Безъ Государственныхъ правителей не можно обойтися : и большія господа не только почтенія , но и любви достойны , ежели они душевныя достоинства и попеченія объ общемъ и объ участномъ благополучіи народа имѣютъ , и ежели не своей но народной пользы ищутъ , и не усыпное имѣютъ упражненіе въ положенныхъ на нихъ дѣлахъ ; однако ето не мое мнѣніе , а мое мнѣніе то , чтобъ они дѣлали добро тѣмъ , которыя ихъ обманывая имъ лестятъ и кланяются.

Выс : Какъ бы они ни пеклися о народной пользѣ ; довольно для отвращенія къ нимъ того , что они большія господа и что мнѣ должно ихъ почитать и имъ кланяться.

Низ : А ты того хочешь, чтобъ тебѣ люди кланялись, хотя ты большимъ господиномъ и не бывалъ.

Выс : О себѣ у меня правила, а о нихъ другія.

Низ : Какая же разность правилъ твоихъ ?

Выс : Разность такая, что я себя люблю ради того что то я, а ихъ ненавижу ради того что то они.

Низ : Я и самъ другихъ людей не люблю и не любилъ, а сертилъ, я для того только, что я себя любилъ.

* * *

РАЗГОВОРЪ III.

ГОСПОДИНЪ И СЛУГА.

Госп : ГЕЙ! - - - Гей !

Сл : Ково вамъ надобно ?

Госп : Развѣ ты позабылъ, что мнѣ надобно принять лѣкарство ? или ты не помнишъ тово что я боленъ, и что мнѣ приказалъ Докторъ всякія три часа принимать по чашкѣ лѣкарства ?

Сл : Вы сударь позабыли что вы ужъ умерли и погребены, и что Докторскія напитки только то здѣлали, что

что и я не доживъ вѣка въ третій день послѣ васъ сюда жъ переселился, для того что я подчивая васъ Докторскимъ полпивомъ недѣли стри не спалъ, а отъ тово одурѣлъ, и ходя по тому свѣту въ твоей спальнѣ до смерти еще едва дышалъ, а по томъ такъ же какъ и ты умеръ, и такъ же погребенъ: сирѣчь, положенъ во гробъ, опущенъ въ землю и закопанъ; только не съ такою большою церемоніею.

Госп: Такъ мы уже не на томъ свѣтѣ?

Сл: Мы на томъ свѣтѣ, гдѣ все равно что господинъ что слуга.

Госп: Однако ты человѣкъ благодарной, и что я тебя кормилъ и поилъ не забудешь, и хотя не такъ какъ на томъ свѣтѣ, однако небольшія услуги мнѣ станешь дѣлать?

Сл: Я человѣкъ благодарной, а служить тебѣ не стану.

Госп: Для чево жъ не станешь, когда ты благодарной человѣкъ.

Сл: Для тово что ты неблагодарной человѣкъ; я тебѣ служилъ съ крайнею вѣрностью, а ты меня такъ кормилъ, какъ немилостивыя люди кормятъ водовозныхъ лошадей: сирѣчь такъ худо, чтобъ она только жива

была и смогла воду возить, а когда съ голоду у нее не достаетъ силы, такъ вмѣсто сѣна и овса употребляется плеть и палка.

Госл: До чево я дошелъ! слуга мой мнѣ упрекаетъ!

Сл: Тѣмъ то только здѣшняя жизнь и хороша, что все можно выговорить, чево у насъ на томъ свѣтѣ дѣлать не позволяется. Здѣсь истинна беззаконіемъ не почитается, и маскарадовъ здѣсь нѣтъ, всѣ въ своихъ лицахъ: доброй человѣкъ называется добрымъ, а худой худымъ. Тамъ ты назывался честнымъ, хотя ты честенъ и никогда не бывалъ; а здѣсь честнымъ человѣкомъ называютъ меня, хотя на томъ свѣтѣ ты меня и плутомъ называлъ. Я плутомъ не бывалъ никогда, а ты совершенной плутъ былъ.

Госл: Я любопытствую еще больше нежели сержусь, по чему ты меня такимъ называешъ именемъ.

Сл: По тому, что ты послѣ отца наслѣдства получилъ мало, бывъ судьею жалованье бралъ умѣренное, а жилъ очень богато, да и я тому свидѣтель, сколько къ тебѣ подарковъ нашивали, а взятки брать запрещено, и правосудія продавать не позволено.

Госл:

Госп : Взять не безчестно , только чтобы дѣло по правамъ рѣшено было.

Сл : Да за что же брать ? за то платится что продается , а что не продается , то дается даромъ.

Госп : Когда я дѣло вершу , и доставлю человѣка десятьми тысячами рублевъ ; такъ убыточно ли ему , когда онъ десятою частью за то меня подаритъ , да двацатую часть за труды дастъ подьячимъ.

Сл : Да когда истцу десять тысячь по правамъ принадлежали ; такъ онъ удовольствованъ правосудіемъ а не тобою , а ты за то что вершишъ дѣла имѣешъ чинъ и жалованье.

Госп : Ето правда , и когда прямо разсмотришъ ; такъ брать взятки и грабить , ето все равно , да еще взятки и хуже , для того , что грабительство не присвояетъ себѣ почтеннѣйшаго имени правосудія , а взятки присвояютъ ; и такъ когда судья взятки беретъ согрѣшаетъ сугубо : перьвое , что грабитъ , а другое , что правосудіе всуе употребляетъ ; однако ето ввелося да оно жъ и нажиточно.

Сл : Нажиточно или нѣтъ , только ето плутовство да и великое : а ежели судья возметъ да еще и не прав-

ду

ду здѣлаетъ; такъ то плутовство превеликое и котораго больше нѣтъ. А ты ето дѣлалъ: Я тебѣ служа всѣ твои плутни вѣдаю.

Госп: А я вѣдаю, что тебя за наглыя слова надобно сѣчь.

Сл: Сѣчь меня не за что, а ты столько жъ меня можешъ высѣчь теперь сколько я тебя.

Госп: Сносно ли ето, что собственной мой слуга мнѣ ругается, и меня бранитъ!

Сл: Сносно ли и мнѣ ето было, что ты мнѣ ругался, и не только меня бранилъ, да еще и билъ? А я велъ себя честно, и не такъ какъ ты.

Госп: Горестно мое на семъ свѣтѣ состояніе.

Слу: А мое на томъ свѣтѣ состояніе еще и горестняй было.

* * *

РАЗГОВОРЪ IV.

МЕДИКЪ И СТИХОТВОРЕЦЪ.

Мед: Хотя бы у ково нибудь палецъ заболѣлъ! нещастная для насъ тамъ жизнь, гдѣ люди здоровы. Не только горячки ни заусеницы здѣсь нѣтъ.

Стих:

Стих : Здравствуй господинъ докторъ.

Мед : Только и словъ , здравствуй да здравствуй. И на томъ свѣтѣ ето слово всегда болтаютъ , да по тому не дѣлается , и рѣчь ето тамъ пустая , которая докторамъ кромѣ небольшей досады ни чево не дѣлаетъ , а здѣсь ето слово будто какъ окалдовано. Гдѣ всѣ здравствуютъ, тамъ медикамъ надобно такъ часто, какъ ненавистники медицинской науки говорятъ здравствуй , говоритъ подай милостину.

Стих : Господинъ докторъ , я и на томъ свѣтѣ жестокою страдалъ болѣзнїю и на етомъ ею же стражду , и многїя господа медики почитали ету мою болѣзнь неизлѣчимою.

Мед : Слава богу ! есть больной. Какая у тебя болѣзнь ?

Стих : Великой жаръ и брѣдъ , и все брѣжу на виршахъ.

Мед : Болѣзнь у тебя жестокая и подлинно почти неизлѣчимая. Ежели кто въ прозѣ брѣдитъ , такъ тово не трудно вылѣчить , а ежели на виршахъ и не скоро захватишъ , такъ тово трудно вылѣчивать. Давно ли ета у тебя болѣзнь ?

Стих : Съ самаго младенчества.

Мед:

Мед : Какъ ты брѣдишъ на риѳмахъ или безъ риѳмъ ?

Стих : На риѳмахъ.

Мед : Ето еще зляе.

Стих : Однако мнѣ отъ етова иногда бываетъ легче , ради того что мнѣ отъ исканїя риѳмы иногда приходитъ потъ , а послѣ поту нѣкоторое облегченїе , слово въ слово какъ будто потовое примешъ , или какъ на полку побываешъ.

Мед : Хорошо еще что натура дѣйствуетъ ; однако отъ излишества въ такомъ обстоятельствѣ поту бываютъ обмороки.

Стих : Было ето и со мною , и ежели бы не пустили мнѣ крови , то бъ я и не очнулся.

Мед : Какимъ ето пришло образомъ?

Стих : Надобна была мнѣ риѳма къ слову , небо. Цѣлыя три часа бился я надъ нею, и такъ жестоко потѣлъ, что на конецъ со всѣмъ обезсилѣлъ , обезпамятѣлъ , и упалъ.

Мед : Ето съ риѳмотворцами не рѣдко случается.

Стих : Не можно ли мнѣ отъ болѣзни хотя малое получить облегченїе ?

Мед : Часто ли ты выѣзжаешъ ?

Стих :

Стих : Рѣдко ; какъ больному человѣку выѣзжать ?

Мед : Надобно необходимо проѣзживаться ; что больше сидишъ дома , то больше ета болѣзнь умножается : во всѣхъ болѣзняхъ движенїе потребно , а въ етой еще больше по тому что безъ движенїя прибавляется Гипохондрїя , а Стихотворческая болѣзнь безъ Гипохондрїи не бываетъ. Хорошо ли ты спишъ ?

Стих : Какое спанье! въ иную ночь и на минуту не заснется.

Мед : Какїя ты сны видишъ ? изъ етова медики многое заключаютъ.

Стих : Преужасныя.

Мед : Великое загущенїе крови.

Стих : Вижу Стикса , Ахерона , Фурїй , Медузу , Сфинкса , Гидру , Тифановъ , Гигантовъ и протчее тому подобное.

Мед : Видаешъ ли ты когда во снѣ Дїяну , Ендимїона , Венеру , Адониса и протчее такое ?

Стих : Никогда господинъ Докторъ. А изъ Дїяниной исторїи видѣлъ я однажды себя въ образѣ Актеона , когда онъ бѣжалъ отъ собакъ своихъ. Тутъ то я напугался , а послѣ разсуждалъ , что Актеонъ не для того собакамъ своимъ , о томъ , что онъ Актеонъ , и чтобъ они

они узнали своево господина, сказать не могъ, что онъ въ оленя превратился, но для того что въ такомъ лютомъ обстоятельствѣ когда собаки кусаютъ, и въ прозѣ ни чево не выговоришъ, не только въ стихахъ, а мнѣ собакамъ надлежало говорить стихами, да еще и съ рiѳмами.

Мед: Великое загущенїе крови.

Стих: Нѣкогда видѣлъ я сонъ еще и етова страшняе.

Мед: Какой?

Стих: Видѣлъ я во снѣ, будто я Марсїй, и Аполлонъ здираетъ кожу съ меня, и мнѣ приговариваетъ: не брѣдь, не брѣдь: а что я брѣжу, моя ли ето вина; кто изъ доброй воли брѣдитъ.

Мед: Жестокой ето сонъ былъ.

Стих: А нѣкогда видѣлъ я сонъ еще и етова страшняе.

Мед: Какой?

Стих: Приснилося мнѣ, будто я сынъ Тартара и земли, и что я лежа подъ Етною ворочаюсь, и не могу выдраться, и будто мнѣ Юпитеръ приговариваетъ: не трогай неба, не трогай неба. Конечно ето знаменовало то, чтобъ я къ небу не приискивалъ рiѳмы, по тому что я вить не прямой Енцеладъ былъ.

Мед:

Мед : Тягостныя сто сны.

Стих : Иногда вижу я и на яву мечтанїя : кажется мнѣ иногда, будто я Икарь, и подлетевъ близко къ солнцу, когда растаяли мои крылья, въ море упалъ. Иногда кажется мнѣ, что я Фаетонъ, и сверженъ съ огненной колесницы. А иногда думается мнѣ, что я прекрасная Финикїйская Царевна, и ѣду на коровѣ.

Мед : Стихотворцы не всѣ на Парнасскомъ ѣздятъ конѣ : не одинъ ты, многїя ваши братья на коровахъ ѣздятъ. Изовсево видно, что у тебя болѣзнь неизлѣчимая.

VI.

ПРИТЧИ, АПРѢЛЯ ПЕРЬВОЕ ЧИСЛО,

и

ЕПИГРАММЫ.

ПРИТЧИ.

СТАРИКЪ, СЫНЪ ЕВО И ОСЕЛЪ.

Одинъ то такъ, другой то инако зоветъ ;
На свѣтѣ разны нравы,

На свѣтѣ разны нравы ;
Но всели то ловить , рѣкою что плыветъ :
Кто хочетъ ,
Пускай хлопочетъ ,
Пускай хахочетъ ,
Хула не ядъ ,
А безъ вины никто не попадется въ адъ :
Хулитель ко всему найдетъ себѣ привязку.
Я къ етому скажу старинную вамъ сказку.
Ни года , мѣсяца не помню , ни числа.
Какъ велъ мужикъ дорогою осла.
Съ крестьяниномъ былъ сынъ , мальчишка лѣтъ десятка ;
Но то одна догадка ;
Я въ зубы не смотрѣлъ да я жъ не конавалъ ,
И отъ роду въ такой я школѣ не бывалъ.
Мужикъ былъ старъ и съ бородою :
Съ какой ? съ сѣдою.
Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику ,
Какъ будто дураку ,
И говорилъ : идутъ пѣшками ,
А есть у нихъ оселъ , ослы вы видно сами.
Не празденъ сталъ оселъ ,
Крестьянинъ на него полезъ и сѣлъ :
Безъ шпоръ крестьянинъ былъ , толкалъ осла пятами.
Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику ,
Какъ будто дураку ,
И говорилъ : конечно братъ ты шуменъ ,
Или безуменъ ;

Самъ

Самъ ѣдешъ ты верьхомъ ,
А мальчика съ собой волочишъ ты пѣшкомъ.
Мужикъ съ осла спустился ,
А мальчикъ на осла , и шакъ и сякъ ,
Не знаю какъ ,
Вскарабился , Взмостился.
Прохожїй встрѣтившись смѣялся мужику ,
Какъ будто дураку ,
И говорилъ : на глупость сто схоже ,
Мальчишка помоложе ;
Такъ лутче онъ бы шелъ , когдабъ ты былъ умень ,
А ты бы ѣхалъ старой хренъ.
Мужикъ осла еще навьюшилъ ,
И на нево себя и съ бородою взрюшилъ ,
А парень шаки шамъ :
Не будетъ ужъ шеперь ни кто смѣяться намъ ,
Ворчалъ мужикъ предвѣдавъ то сердечно :
Конечно ,
Я мышлю шакъ и самъ ,
Ни кто смѣяться ужъ не станетъ ;
Извѣстно то давно что серце не обманетъ.
Прохожїй встрѣтившись смѣялся мужику ,
Какъ будто дураку ,
И говорилъ : старикъ и въ грѣхъ не ставитъ ,
Что шакъ осла онъ давитъ ,
А скоро сѣдока и трепьява прибавитъ.
Удачи нѣтъ ни кто не хочетъ похвалить ;
Не лутче ль на себя мужикъ осла взвалить ?

* * *

II.

ВОЛКЪ И РАБЕНОКЪ.

Голодный волкъ нигдѣ не могъ сыскати пищи
А волки безъ того гораздо ищи.
Чтобъ ужину найти,
Скитаться долженъ онъ идти:
Не требуется толку,
Что надобно поѣсть чево нибудь и волку;
А въ томъ нѣтъ нужды мнѣ,
Когда ево за то дубины въ двѣ ударятъ,
И ловко отбоярятъ;
Вить ето не мой достанется спинѣ:
Пускай ево изжаряетъ;
Какая ето мнѣ печаль?
Вить волка мнѣ не жаль.
Пришелъ къ крестьянскому волкъ дому,
И скрылся на гумнѣ зарывшись подъ солому;
А на дворѣ въ избѣ рабенка сѣкла мать,
И волку, выбросивъ, грозилася отдать.
Волкъ радъ, и ужина готова,
Да баба не здержала слова.
Утихла и война и шумъ въ избѣ умолкъ,
Рабенка мать не устрашаетъ,
Да утѣшаетъ,
И говоритъ ему: когда придетъ лишъ волкъ,
Такъ мы ему поправимъ рожу,
И чтобъ онъ насъ забылъ сдеремъ съ нево мы кожу.
Худую ужину себѣ тутъ волкъ нашелъ,
И прочь пошелъ,
Сказавъ:

Скажавъ : и ожидать тутъ доброва напрасно ,
Гдѣ мнѣнїе людей съ рѣчами не согласно.

III.

ПАСТУХЪ И СИРЕНА.

Въ долинѣ красной на лугу ,
Пастухъ Аркадской жилъ со стадомъ :
Сирены зараженный взглядомъ ,
Сидѣлъ онъ часто на брегу :
Сирена духъ его смущаетъ ,
И множа въ немъ любовну страсть ,
Сама жаръ тотъ же ощущаетъ ,
Отдавшися любви во власть.

*

Едва ужъ онъ скотину пасъ ,
Ни что ужъ не увеселяетъ ,
И только въ грусти умоляетъ ,
Нептуна онъ по всякой часъ :
О ты правитель моря сжалься ,
И мнѣ прекрасную вручи !
Возми , отвѣтъ былъ , не печалься ;
Но только взявъ ее молчи.

*

Въ какомъ восторгѣ былъ весь духъ !
Колико мысли были нѣжны !
Свои утѣхи неизбѣжны ,
Встрѣчаетъ радостный пастухъ.
Онъ вопитъ : о велики Боги !
Въ сей часъ увижу весь я ростъ ,
Все тѣло даравой и ноги :
Но что онъ видитъ ? рыбїй хвостъ.

АПРѢЛЯ ПЕРЬВОЕ ЧИСЛО.

Апрѣля вѢ перьвый день обманѢ,
Забава общая вѢ народѣ,
На выдумки лукавить данѢ,
Нагая правда вѢ немѢ не вѢ модѣ,
И все обманомѢ заросло,
Апрѣля вѢ первое число.

*

Одни шлютѢ радостную вѣсть,
Друзей кѢ досадѣ ушѣшаютѢ,
Другія лгутѢ и чѣмѢ ни есть,
Друзей кѢ досадѣ устрашаютѢ:
Лукавство враки принесло,
Апрѣля вѢ перьвое число.

*

На что сей только день одинѢ,
Обмана праздникомѢ уставленѢ?
БезѢ самыхѢ малыхѢ онѢ притчинѢ,
Излишно столько препрославленѢ;
Весь годѢ такое ремесло;
ТакѢ цѣлый годѢ сіе число.

* * *

ЕПИГРАММЫ.

I.

Два были человѣка,
ВѢ нещастіи всѣ дни плачевнѣйшаго вѣка.
Метались помощи искать по всѣмѢ мѣстамѢ,

Ку-

Куда ни бѣгали, теряли время тамъ.
По томъ отчаянье ихъ день и ночь терзало,
На все дерзало:
Одинъ бѣжалъ,
Схватилъ кинжалъ,
Вручилъ онъ душу Богу,
И здѣлалъ самъ себѣ, къ спокойствію, дорогу.
Другой мученїе до гроба умножалъ,
И Бога всякой часъ злословилъ и дрожалъ;
Страшася тартара, покаялся при смерти:
Скажите, коего изъ сихъ двухъ взяли черти?

II.

НЕ трудно въ мудреца безумца претворить,
Онъ вдругъ начнетъ о всемъ разумно говорить;
Премудрость вышшая въ великомъ только чинѣ,
Нося ево овца, овца въ златой овчинѣ:
Когда воздастся честь златаго ей руна,
Тогда въ премудрости прославится она.

III.

НАгнала бабушка предъ свадьбой внучкѣ скуку,
Разсказывая ей про свадебну науку.
Твердила: вытерпи что ночь ни приключитъ,
Тебя опричь меня мою любезну внуку,
При случаѣ такомъ ни кто не поучитъ,
А внучка мыслила цалуя бабку въ руку:
Ужъ ету бабушка я вытерпѣла муку.

VII.

ПИСЬМА.

I.

О КРАСОТѢ ПРИРОДЫ.

Оставь меня мой другъ въ моемъ уединенїи, и не привлекай меня видѣть великолѣпїе города и пышность богатыхъ. Уединенная жизнь свойственняе моему нраву. Я довольно насмотрѣлся на суеты мира, и что въ нихъ болѣе всматривался, то болѣе отъ нихъ отвращался. Для чево мнѣ тратить краткїя жизни, спокойныя минуты. Всегда ли къ жизни приготовляться, и никогда не жить? что меня въ городѣ удивить можетъ. Все что тамъ удобно приносить увеселенїе, и довольствовать любопытство человѣческое, нахожу я здѣсь въ большемъ изобилїи. Огромныя зданїя, потолоки и стѣны испещренныя живописью, марморныя полы, сады, бiющїя къ верьху и многою хитростїю понуждаемыя ключи: все то на что въ городѣ смотрятъ люди, съ удивленїемъ нахожу я здѣсь не въ подражанїи но въ естествѣ. Какое зданїе столько меня

уди-

удивитъ можетъ, какъ огромная вселенная ? какой потолокъ прекрасняе свода небеснаго, съ котораго раскаленное солнце освѣщаетъ и огрѣваетъ подсолнечную, съ котораго блистаетъ луна , и пригвожденныя къ небу звѣзды блестятъ предъ очами моими ? какія стѣны могутъ быть толь украшенны , какъ рощи и дубровы ? какой полъ можетъ быть пріятняе зеленыхъ луговъ и мягкихъ муравъ, по которымъ извиваются шумящія и прохлаждающія источники ? какая музыка можетъ уподобиться пѣнію прославляющихъ свою свободу птичекъ ? Сіи предвѣстники багряныя зари возбуждаютъ меня не шумомъ несогласнымъ и слуху досаждающимъ. Ближайшая къ естественной музыкѣ свирѣльная игра и простота пѣсней пастушекъ мнѣ златой вѣкъ изображаетъ. Во время полудни тѣнь сплетенныхъ древесъ даетъ мнѣ чувствовать едину пріятность полудни и излишества жара ко мнѣ не допускаетъ. Пріятный мнѣ вечеръ на бережкахъ журчащихъ и по камышкамъ быстро текущихъ потоковъ сладко утомляетъ мысли и радостно возбуждаетъ сердце. Не препятствуютъ моему сну тягостныя мысли : съ удовольствіемъ засыпаю и съ удовольствіемъ пробужа-

юся. Притворства я здѣсь не вижу, лукавство здѣсь неизвѣстно. Одѣваюся я какъ мнѣ покойно, говорю и дѣлаю что я хочу и въ поведѣніи своемъ кромѣ себя ни кому не даю отчета. Что дѣлается на свѣтѣ я знать не любопытствую, и удалившися свѣта въ простотѣ и въ моемъ уединеніи обрѣтаю время златаго вѣка.

* * *

II

О БОЛЬШИХЪ БЕСѢДАХЪ.

КАкое увеселеніе находятъ люди въ большихъ бесѣдахъ? разномышленныя разговоры, шумъ, споръ, а иногда и ссору. Тогда приноситъ бесѣда увеселеніе, когда въ ней согласно; но можетъ ли между множества людей быть согласіе, когда и малѣйшее число не всегда между собою соглашается: когда бываетъ то что не только друзья, но и любовники между собою не всегда согласны. Изъ скучныхъ большихъ бесѣдъ я одинъ только балъ исключаю, ни мало танцовать не будучи охотникомъ. Описывать бальныя пріятности, я оставляю; ибо то къ моему намѣренію не принадлежитъ. Въ бесѣдѣ состоящей

щей изъ четырехъ человѣкъ, одинъ говоритъ, а трое внимаютъ, и всякой всякова рѣчью довольствуется. Въ большей бесѣдѣ многія говорятъ, и шумомъ другъ другу говорить и слушать мѣшаютъ, подражая Жидовской школѣ. Разновидныя представленія не даютъ мыслямъ свободнаго бѣга и разумъ приводятъ въ замѣшательство. Большая бесѣда есть пустое и рабяческое увеселеніе. Важное увеселеніе есть, разумное размышленіе, разумная книга, разумный другъ и прекрасная любовница. Можетъ быть поспорилъ бы кто со мною, естьли бы я похваляя достойную бесѣду позабылъ молвить о любовницѣ. Я не слабости человѣческой польстить желая о любви напомянулъ; но для того, что любви такъ же какъ и дружбы не можно и не надобно опровергать. Малыя бесѣды скучняе и большихъ еще, ежели въ нихъ все о бездѣліи говорятъ, и скучняе еще, ежели все въ нихъ говорятъ важное. Бездѣліе всегда сухо, но суха такъ же и важность, ежели она остротою разума не умягчается. Бездѣліе можно уподобить сухому дереву. Важныя разговоры можно уподобить дереву, на которомъ много плодовъ и ни одного листа, и ко-

которое представляетъ нашему зрѣнію кучу плодовъ а не дерево увеселяющее очи наши. Сухая важная бесѣда есть школа наполненная учителями и учениками а не бесѣда, и часы оной бесѣды суть часы труда а не отдохновенія. Человѣкъ всегда въ важныхъ размышленіяхъ и въ важныхъ дѣлахъ упражняющійся разумъ свой отягощаетъ, и щадя времени употребить на отдохновеніе, больше ево теряетъ нежели сохраняетъ. Кто много спитъ тотъ мало дѣлаетъ, а кто мало спитъ, тотъ дѣлаетъ еще менше. Всему, говоритъ Соломонъ, есть время и все свой часъ имѣетъ.

* * *

III.

О гордости.

Гордость есть мать всѣхъ пороковъ, и естественно, и по откровенію священнаго писанія. За нее врагъ божій и рода человѣческаго лишенъ на вѣки милосердія. Она есть дочь самолюбія, которое всѣмъ и добрымъ и худымъ нашимъ дѣйствіямъ основаніе. Добродѣтель есть источникъ славолюбія, а и тщеславіе происходитъ отъ гордости. Оно только единый видъ славолюбія имѣ-

имѣетъ. Всѣ похвальныя дѣла отъ славолюбїя рождаются а тщеславїе рождаетъ дѣла поносныя. Отъ перьвыхъ слѣдуетъ польза, отъ другихъ вредъ. Словолюбивый человѣкъ есть другъ ближняго, тщеславный ближнему врагъ. Перьвый не пресѣкаетъ другимъ достойнымъ людямъ путей ко благополучїю, другой ненавидитъ достоинство, и пресѣкаетъ, сколько можетъ, пути ево благополучїя. Перьвый опирается на свои отечеству заслуги, другой какъ Есоповъ оселъ одѣянный львовою кожею, забывая естественное свое состоянїе, пустымъ блистать устремляется. Перьвый самъ служитъ отечеству, и къ тому другихъ поощряетъ, другой напрасно хлѣбъ ѣстъ, и отъ полезныхъ трудовъ другихъ отвращаетъ, чтобъ и они хлѣбъ ѣли даромъ. Разумный человѣкъ, хотя бы онъ на высочайшей степени былъ, гордости имѣть не можетъ; ибо она благоразумїю не свойственна, и перьвая примѣта беззаконїя и безумства. Что больше Императора въ подсолнечной? можетъ ли человѣкъ имѣть менше гордости какъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ и ДЩЕРЬ Его? а есть люди на самой низкой степени пребывающїя, которыя гордостїю, какъ

какъ пузыри воздухомъ , надуты. Снисхожденіе въ людяхъ производятъ усердіе и любовь , а спесь дѣлаетъ отвращеніе и производитъ ненависть. Непристойное высокомѣріе , и неумѣренная низость , подобно какъ безбожіе и суевѣріе , хотя и разновидны , однако весьма сходственныя пороки , и оба подлость. И тако гордый человѣкъ не слѣдуетъ подобію своему , по которому онъ созданъ ; а слѣдуетъ подобію того, который возмущенъ гордостію возталъ противу Вседержителя неограничное имущаго снисхожденіе , человѣколюбіе , долготерпѣніе , и который отъ обладателя всея вселенныя , сверженъ во адъ ; и въ вѣчныя заключенъ узы.

* * *

IV.

О СКОРОСТИ И МЕДЛѢННОСТИ.

СКорость и медлѣнность суть два противныя пороки , подобно какъ мотовство и скупость. Отъ скорости происходятъ вредительныя исполненія , а отъ медлѣнности къ исполненію теряется время. Узаконенія , расположенія , рѣшенія и протчее тому подобное , требуютъ

буютъ великаго размышленія ; и слѣдственно времени. Въ таковыхъ обстоятельствахъ скорость и обще и участно вредительны ; ибо всякое учрежденіе отовсѣхъ противныхъ ему околичностей долженствуетъ быть охранено, а скорость сей безопасности не свойственна. Отъ нея только краткія и безоколичныя дѣла зависятъ. Медлѣнность напротивъ того не служитъ къ разобранію всѣхъ околичностей ; но ею запримѣваются еще отъ забвенія въ изысканномъ подробности , не исчисляя потерянія полезныхъ предпріятій и недопущенія къ новымъ вымысламъ. Скорость во всѣхъ дѣлахъ , которыя времени требуютъ, не доходитъ до благорассужденія , не проницаетъ истинны и не полагаетъ основанія къ пользѣ. Медлѣнность удаляется отъ благоразсужденія и погубляетъ драгоцѣннѣйшее на свѣтѣ, то есть время. Человѣкъ по достойному любочестію старается много совершить похвальнаго а нетого чтобы многое только совершить. Онъ измѣряетъ силы разума человѣческаго и потребное къ исполненію своему время. Не предпріемлетъ столько дѣлъ единыхъ разомъ , сколькихъ онъ благоразсудно окончать не можетъ , вѣдая что многія размышленія приведутъ умъ ево

въ замѣшательство, затмятъ ясность воображенїй ево, и всѣ ево устремленїя перепутаютъ. Силѣ нашего разума положены границы. Пути древностїю уставлены, всегдашнимъ благоразумїемъ просвѣщены и проницанїемъ изысканы.

Весь сей мѣсяцъ сочиненїя Александра Сумарокова.

* * *

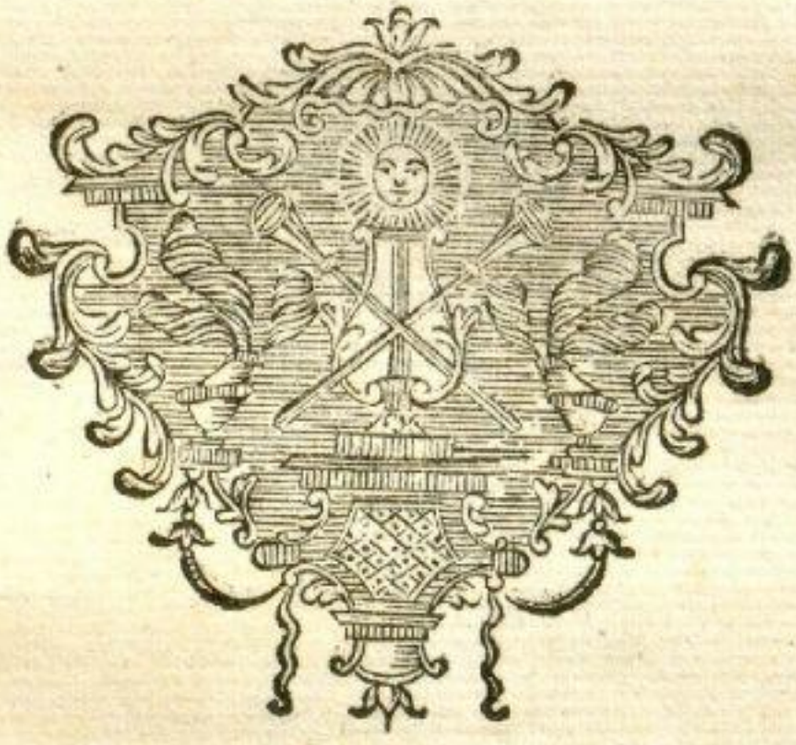
Оглавленїе.

		стран.
I.	О разумѣнїи человѣческомъ. - -	259
II.	Къ Типографскимъ наборщикамъ -	263
III.	О Несправедливыхъ основанїяхъ -	275
IV.	Епистола, Стихи противъ злодѣевъ, Идиллїя и Ода. - - - -	282
V.	Разговоры мертвыхъ. - - - -	287
VI.	Притчи, Апрѣля первое число и Епиграммы. - - - - - - - -	305
VII.	Письма. - - - - - - - - -	312

ТРУДОЛЮБИВАЯ

ПЧЕЛА.

Іюнь 1759 года.



ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

I.

МОЛИТВЫ и ПСАЛОМЪ.

МОЛИТВЫ.

I.

Боже неба и земли,
Жалобу мою внемли,
И спаси меня своей сильною рукою!
Я гонимъ безъ оборонъ,
День и ночь отъ всѣхъ сторонъ,
И душѣ моей ужъ нѣтъ ни отколь покою.

*

Стражду мучуся стеня;
Всѣ случаи на меня,
Въ жаркой ярости своей устремленны злобно.
Какъ въ оковахъ человѣкъ,
Горько проживая вѣкъ,
Мучится по всякой часъ, мучусь я подобно.

*

Во всегдашнихъ я бѣдахъ :
Тако кормщикъ на водахъ ,
Страждетъ, какъ уже въ корабль грозны волны плещутъ.
И когда въ полудни зракъ ,
Видитъ лишь единый мракъ ,
И единъ отъ молній свѣтъ кои въ мракѣ блещутъ.

* * *

II.

Къ тебѣ , о Боже мой ! я нынѣ вопію ,
И возвѣщаю днесь тебѣ печаль мою :
Къ тебѣ я помощи лишенный прибѣгаю ,
И только на тебя надежду полагаю.
Проникни небеса повсеминутный стонъ !
Взлетите жалобы передъ небесный тронъ.
Создатель мой ! къ тебѣ взвожу и взоръ и руки:
Возри и умягчи мои несносны муки !
Грущу и день и ночь , вздыхаю завсегда ,
Спокойствія себѣ не вижу никогда.
Вздыханіемъ моимъ мученіе исчисли !
Разсѣянъ весь мой умъ, исчезли ясны мысли,
Минута всякая мнѣ новый боль несетъ ,
Тоска стѣсняя грудь изъ сердца кровь сосетъ :
Той часъ напастію мнѣ новой угрожаетъ ,
Другой ужъ дѣйствуетъ и ею поражаетъ :
Какъ токомъ водъ волна играетъ за волной ,
И скорбь за скорбію играетъ такомной.

* * *

На что ни погляжу, все духъ мой устрашаетъ,
И только на тебя надежда утѣшаетъ.

ПСАЛОМЪ CXLI.

Жаромъ я святымъ пылаю,
Гласъ мой къ небу возсылаю:
Милосердому Владыкѣ возвѣщу печаль мою,
И предъ Господомъ молитвы сокрушенно пролїю.

*

Какъ ужъ чувства исчезаютъ,
Томны ноги увязаютъ
На пути, мнѣ въ сокровенной лютою сѣти враждой
Помощи себѣ не вижу и терзаюся бѣдой.

*

Рвуся мучусь унываю,
И въ печали воззываю:
Боже ты моя надежда въ злополучїяхъ моихъ,
Часть моя лишь ты едина творче на земли живыхъ.

*

Бѣдство грудь мою разшибло,
Все терпѣнїе погибло;
Ты избавь мя отъ гоненья: я тебя молю стеня;
Яростны мои злодѣи и сильняй они меня!

*

Злоба всѣ прешла границы;
Изведи мя изъ темницы,
Принести благодаренье за спасенїе тебѣ!
Праведники ожидаютъ мя избавленна къ себѣ.

А. С.

* * *

II.

ЛУКІЯНА

ТОРГЪ ЖИЗНЕЙ.

Дій. Ты поставь стулья и скамейки и изготовь мѣсто для приходящихъ ; а ты выведи и поставь порядочно всѣ жизни , но прежде убери ихъ хорошенько, что бы благообразными казались , и сколько можно больше купцевъ къ себѣ привлекали ; а ты , Ермій, провозглашай и сзывай въ доброй часъ , чтобъ собиралися въ продажную палату. Мы будемъ сего дни продавать жизни философскія всякаго рода и различныхъ намѣреній. А ежели у кого готовыхъ денегъ не случится для расплаты , тотъ заплатитъ на другой годъ , поставивъ поруку.

Ерм. Много народа собирается ; не надобно медлить и ихъ удерживать.

Дій.

Дїй. Такъ станемъ продавать.

Ерм. Которую жизнь первую вывесть прикажешъ ?

Дїй. Ту долговолосую Іоническую ; она кажется прочихъ не много сановитѣе.

Ерм. Жизнь Пиѳагорова , сойди сюда, стань тутъ , пускай тебя осмотрятъ всѣ собравшіеся.

Дїй. Чтожъ ? Ермїй , провозглашай.

Ерм. Самую лучшую жизнь продаю, самую сановитую , кто купитъ ? Кто желаетъ быть выше человѣка ? Кто хочетъ знать всемирное согласїе ? Кто опять ожить имѣетъ охоту ?

Кулецъ. Съ виду кажется нехудъ : да что онъ болѣе всего знаетъ ?

Ерм. Ариѳметику , Астрономїю , предвѣщательную науку , Геометрїю , музыку , волшебное искуство ; великаго ты видишъ предъ собою пророка.

Куп. Можно ли его спросить ?

Ерм. Спрашивай , о чемъ тебѣ угодно , въ доброй часъ.

Куп. Откуду ты родомъ ?

Пиѳагоръ. Изъ острова Сама.

Куп. Гдѣ ты учился ?

Пиѳ. Въ Египтѣ у тамошнихъ мудрецовъ.

Куп. Скажи , пожалуй , когда я тебя куплю , чему ты меня научишъ ?

Пиѳ. Я небуду ни чему тебя учить, но только тебѣ припоминать стану.

Кул. Какъ припоминать ?

Пиѳ. Очистивъ сперьва душу твою, и скверну , которая въ ней , омывъ.

Кул. Положимъ, что уже я чистъ душею : какимъ образомъ станешъ ты мнѣ припоминать.

Пиѳ. Съ начала надобно тебѣ долго быть въ тишинѣ и безмолвіи , и цѣлые пять лѣтъ ничего не говорить.

Кул. Хорошо бы было тебѣ , другъ мой , у Крезова сына быть учителемъ. Я хочу съ людьми разговаривать , а не какъ столпъ стоять. Чтожъ послѣ пятилѣтнаго того молчанія ?

Пиѳ. Въ музыкѣ и Геометріи будешъ упражняться.

Кул. Изрядно говоришъ : по тому должно напередъ музыкантомъ быть , а послѣ мудрецомъ.

Пиѳ. Послѣ музыки и Геометріи слѣдуетъ Ариѳметика.

Кул. Я и теперь уже считать умѣю.

Пиѳ. Какъ ты считаешъ ?

Кул. Одинъ , два , три , четыре.

Пиѳ Видишъ ли , что ты думаешъ четыре , то десять , и совершенный треугольникъ , и клятва наша.

Кул. Ей , ей , кленуся великою тою

тою клятвою, четырьмя; я никогда не слыхивалъ божественнѣйшихъ словъ, ниже священнѣйшихъ.

Пив. По томъ, другъ мой, узнаешь о землѣ, о воздухѣ, о водѣ и объ огнѣ, какое ихъ теченїе, какой имѣютъ они образъ, и какъ движутся.

Кул. Имѣетъ ли образъ огонь, вода и воздухъ?

Пив. И весьма явственный; да и невозможно никакого движенїя имѣть тому, что лишено образа и вида. Послѣ сего познаешь ты бога, что онъ ни что иное какъ число и согласїе.

Кул. Удивительныя вещи сказываешь ты мнѣ.

Пив. По сихъ уже реченныхъ узнаешь и о себѣ самомъ, что ты однимъ быть себѣ кажешся, другимъ предъ другими видишся, и что ты по истиннѣ другой.

Кул. Что ты говоришь? я не тотъ, которой съ тобою теперь разговариваю?

Пив. Послушай, теперь ты тотъ, а прежде въ другомъ тѣлѣ и подъ другимъ именемъ ты былъ: по времени опять въ другое превратишся.

Кул. Твое мнѣнїе такое, что я буду безсмертнымъ, перемѣняясь, въ

многоразличные образы. Но о семъ довольно. Въ пищѣ каковъ ты ?

Пиѳ. Ни чего одушевленнаго не ѣмъ, а прочее все , кромѣ бобовъ ?

Кул. Для чего ты гнушаешся бобами ?

Пиѳ. Ни какъ я не гнушаюсь, но они священны , и удивительное у нихъ естество. Во перьвыхъ они со всѣмъ изображаютъ рожденїе, и естьли ты зеленой еще бобъ облупишъ, увидишъ сходство его съ частями онаго , а вареные естьли выставишъ на мѣсяцъ ночью въ равноденствїе , то кровь изъ нихъ выступитъ. И что всего больше , то у Аѳинянъ есть узаконенїе , чтобъ употреблять бобы при жертвоприношенїи.

Кул. Все хорошо и благоговѣйно ты сказалъ. Раздѣнься , я тебя нагаго посмотрѣть хочу . О Ираклїй ! что я вижу ? у него золотая лядвея. Я думаю ; что ето не смертной человѣкъ , но богъ. Надобно мнѣ его конечно купить. Что ты за него просишъ ?

Ерм. Десять мнасъ.

Кул. Добро , беру за столько.

Дїй. Запиши имя , кто купилъ , и откуда онъ родомъ.

Ерм. Италїянцемъ мнѣ быть кажешся , Дїй. Изъ тѣхъ, которые живутъ

вутъ въ Кротонѣ и Тарентѣ, въ тамошней Греціи, да онъ и не одинъ, почти триста вообще его купили.

Дїй. Пускай отведутъ его. А мы выведемъ другаго.

Ерм. Не вывесть ли волосатаго того Понтїйскаго.

Дїй. Очень хорошо.

Ерм. Слушай, ты, съ мѣшкомъ и съ обнаженною рукою, выйди, и обходи всѣхъ кругомъ. Продаю жизнь мужественную, жизнь самую лучшую, и благородную, жизнь вольную, кто купитъ?

Кул. Провозглашатель, какъ ты говоришь? продаешь вольнаго?

Ерм. Да.

Кул. Чтожъ ты развѣ не боишся, чтобъ онъ тебя въ судъ не позвалъ за то, что ты его крѣпишь? не опасаешся ли, чтобъ онъ тебя не повелъ въ Ареопагъ?

Ерм. Нѣтъ ему въ томъ ни мало нужды, что его продаютъ; онъ думаетъ, что онъ вездѣ воленъ.

Кул. Да къ чему бы его употребить, такъ гнуснаго, и такъ пребѣднаго человѣка? развѣ землю копать и воду носить.

Ерм. Не то только; но еще когда его вратаремъ здѣлаешь, повѣрь, что онъ

онъ будетъ тебѣ вѣрнѣе всякаго пса. Да и имя ему , Песъ.

Кул. Откуда онъ родомъ , и какое за нимъ ремесло ?

Ерм. Его спрашивай. Онъ тебѣ обстоятельнѣе можетъ объявить.

Кул. Боюсь ужаснаго его вида и угрюмаго лица , чтобъ онъ не сталъ на меня лаять , когда я къ нему подойду и чтобъ не укусилъ. Не видишъ ли , какъ онъ поднялъ палку , брови нахмурилъ , угроженіе и гнѣвъ видны на лицѣ его.

Ерм. Не бойся , онъ смиренъ.

Кул. Когда смѣю тебя, дражайшій, спросить, скажи пожалуй прежде всего, откуда ты родомъ ?

Діогенъ. Отвсюду.

Кул. Что ты говоришъ ?

Діог. Ты видишъ предъ собою гражданина мира.

Кул. Не подражаешъ ли ты кому въ семъ ?

Діог. Ираклію.

Кул. Для чего же ты и львиной не носишъ кожи ? съ дубины ты на него похожъ.

Діог. Ето мнѣ львиная кожа и плащъ. Воюю такъ какъ и онъ , но противъ страстей, ни по чьему приказу , но по моей волѣ ,

волѣ , съ тѣмъ намѣренїемъ , чтобъ очистить жизнь.

Куп. Доброе намѣренїе ! скажи мнѣ еще , что ты знаешь , или какое за тобою ремесло ?

Діог. Я свободитель людей и врачъ страстей , однимъ словомъ , я хочу быть истиннымъ и необиновеннымъ проповѣдникомъ.

Куп. Пожалуй , проповѣдникъ, скажи , естьли я тебя куплю , какъ ты меня станешь учить ?

Діог. Во перьвыхъ принявъ я тебя , сниму съ тебя роскошь , съ бѣдностїю заключу , и плащъ на тебя надѣну , по томъ принужу тебя трудиться и работать , на голой землѣ спать , пить одну воду , а ѣсть то , что ни попадется. Деньги, ежели у тебя есть, послѣдуя моему совѣту , ты понесешь , и бросишь въ море ; о женѣ никакого попеченїя не будешь имѣть, ни о дѣтяхъ , ни объ отечествѣ. Все сїе за ничто будешь почитать. Оставишь домъ отца твоего , и вселишся либо въ яму какую нибудь , либо въ пустую башню , или въ бочку. Мѣшокъ наполненъ у тебя будетъ бобами , и бумагою вездѣ исписанною , и будучи въ такомъ состоянїи , ты будешь говорить ,

что

что ты благополучнѣе Персидскаго Царя. Естьли кто тебя высѣчетъ, или изувѣчитъ, то и того за зло почитать не будешь.

Кул. Какъ ты говоришь, чтобъ не ощущать боля, когда бьютъ? у меня кожа не такая, какая у черепахи.

Діог. Будешь подражать изреченію Еврипида, не много отмѣнивъ.

Кул. Какому?

Діог. Въ мысли будешь чувствовать боль, а языкъ у тебя будетъ безъ боля. А что ты всего больше долженъ имѣть, то состоитъ въ слѣдующихъ: надобно быть нахальнымъ и дерзновеннымъ, браниться со всѣми, равно съ вельможами какъ и съ простыми людьми. Ибо такимъ образомъ будутъ на тебя смотрѣть съ удивленіемъ, и за мужественнаго почитать; а говорить, сколько возможно, неправильно и нечисто, непріятнымъ и противнымъ голосомъ рѣчь свою произносить, подобно будто псы лаютъ. Лице имѣть напряженное, и походку таковому лицу пристойную, однимъ словомъ все звѣрское и суровое. Стыдъ, кротость и умѣренность отложи, краску съ лица со всѣмъ отскобли, чтобъ никогда не закраснѣться, обитай въ са-

самыхъ многолюдныхъ мѣстахъ , и будучи тамъ , старайся жить въ уединеніи безъ всякаго сообщенія ; не пускай къ себѣ ни друга , ни гостя для того , что такая поступь лишитъ тебя власти. Предъ глазами всѣхъ дѣлай смѣло то , чего другой и наединѣ не будетъ дѣлать ; и самое смѣшное соединеніе избирай. На конецъ , естьли тебѣ угодно , сырую каракатицу , или сипію свѣжь и умри. Сіе мы тебѣ благополучіе обѣщаемъ.

Кул. Провались ты. Какія скверности и нелюдскости говоришь.

Діог. Да очень легко , другъ мой , и безъ всякаго труда можно все сіе исполнить. Не надобно будетъ тебѣ ни ученія , ни краснорѣчія , ни другихъ враковъ. Ета самая крапчайшая дорога ко славѣ. Хотя ты будешъ простакъ или кожевникъ , или солильщикъ , или плотникъ , или пѣняжникъ , однако то тебѣ не будетъ препятствовать , чтобъ ты не былъ достойнымъ удивленія , есть ли только безстыденъ будешъ и смѣлъ , и хорошо научишся браниться.

Кул. Для етого мнѣ тебя не надобно , однако можешъ быть гребцомъ или садовникомъ , да и то когда етотъ тебя отдастъ за два шеляга.

Ерм.

Ерм. Возми, мы съ радостію его отдадимъ. Онъ уже намъ наскучилъ, и полны уши накричалъ, всѣхъ бранитъ безъ разбора, и рѣчи очень не складно говоритъ.

Дій. Зови другую, ту Киринейскую одѣтую въ порфиру, и вѣнцемъ покрытую.

Ерм. Слушайте всѣ. Драгоцѣнная вещь, и богатымъ только приличная. Сія жизнь сладка, жизнь преблаженна. Кто желаетъ роскоши? кто купитъ самаго нѣжнаго?

Кул. Поди ты сюда, и скажи, что ты знаешь? я тебя куплю, есть ли ты къ чему нибудь способенъ.

Ерм. Не трогай его другъ мой, и не спрашивай. Онъ пьянъ, и не станетъ тебѣ отвѣтствовать. Не видишь ли, что языкъ у него скользитъ?

Кул. Кто жъ въ здравомъ разсужденіи купитъ такъ испорченнаго и никуда негоднаго раба? какъ отъ него духами пахнетъ! ходитъ онъ пополъ-зновенно, и съ стороны въ сторону шатается. Однако хотя ты, Ермій, скажи какой въ немъ прокъ, и чему онъ научился?

Ерм. Вообще сказать, онъ въ сожитіи очень хорошъ, вмѣстѣ пить гораздъ, и къ пиршествамъ съ музыкантскою

кою влюбившемуся и роскошному господину весьма способенъ. Въ прочемъ знающъ въ варенїи яствїй и приуготовленїи сластей. Однимъ словомъ, мудрецъ сладострастїя. Учился онъ въ Аѳинахъ, служилъ у Сицилїйскихъ Тирановъ, и въ великой былъ славѣ у нихъ. Главное основанїе намѣренїя его всѣхъ презирать, и имѣть во всѣхъ нужду; отвсюду корыстоваться сластїю.

Кул. Пора тебѣ искать другаго изъ богатыхъ, и многїя имѣющихъ стяжанїя, а я веселую жизнь купить не въ состоянїи.

Ерм. Я думаю, Дїй, что сїя жизнь у насъ останется безъ продажи.

Дїй. Отведи ее прочь, выведи другую, а еще лучше тѣ двѣ, смѣющуюся родомъ изъ Авдиры, и плачущую изъ Ефеса, они вить хотятъ проданы быть вмѣстѣ. Выдьте на средину. Самыя лучшїя двѣ жизни продаю, премудрѣе всѣхъ жизней.

Кул. Боже мой, какъ они дружка дружкѣ противны. Одинъ не переставетъ смѣяться; а другой, думаю, кого нибудь оплакиваетъ, рыдаетъ не утѣшно. Что за причина, другъ мой, для чего ты смѣешся?

Димокритъ. Спрашиваешъ? для то-

го , что мнѣ всѣ ваши дѣла кажутся смѣшными , и вы сами.

Кул. Какъ ты говоришъ ? насмѣхаешся намъ всѣмъ , и ни во что вмѣняешъ дѣла наши ?

Дим. Да , такъ. Важнаго въ нихъ нѣтъ ничего , все пустое : несѣкомыхъ частицъ волненїе и безконечность.

Кул. Никакъ , никакъ : ты пустой, естьли правду сказать , и безконечной. О поношенїя ! не перестанешъ ли ты смѣяться ? А ты любезный , о чемъ плачешъ ? я думаю , что гораздо лучше съ тобою поговорить.

Ираклитъ. Для того, что я человѣческїя дѣла почитаю за плачевныя и достойныя слезъ ; и нѣтъ въ нихъ ни чего , что бы не временное было. Ради того сожалѣю я объ васъ и плачу , и о настоящихъ мню , что ето все маловажно , а о будущихъ въ послѣдующїя времена , что все бѣдственно. Я говорю о сожженїяхъ и о всемирной погибели. О семъ я плачу , и что нѣтъ ни чего постояннаго , а собирается все во смѣсь; что все тоже , веселїе и печаль, знанїе и невѣжество , малое и великое, въ верьхъ и въ низъ, преходящая и премѣняющаяся въ игрушкѣ вѣковъ.

Кул. Что есть вѣкъ ?

Ираклит.

Иракл. Рѣзвой рабенокъ, который играетъ въ косточки, и отъ шалости на всѣ стороны шатается.

Кул. Что человѣки?

Ир. Смертные Боги.

Кул. А Боги что?

Ир. Безсмертные человѣки.

Кул. Загадками ты говоришъ, другъ мой, недовѣдомыми и непостижимыми, а прямо ни чего не объявляешъ, какъ и Аполлонъ Локсїй.

Иракл. Ето для того, что мнѣ въ васъ нужды нѣтъ.

Кул. Когда такъ, такъ и не купитъ тебя ни кто, кто въ здравомъ еще разсужденїи.

Иракл. А я вамъ всѣмъ безъ разбора говорю; пропадите, провалитеся, и тѣмъ, которые меня купятъ, и которые не купятъ.

Кул. Сїя болѣзнь не много разнствуетъ отъ меланхолїи: ни одного я изъ нихъ не куплю.

Ерм. И сихъ мы, вижу; не продадимъ.

Дїй. Провозглашай другую.

Ерм. Не угодно ли будетъ тебѣ вывесть теперь продавать того Аѳинянина говоруна.

Дїй. Очень хорошо.

Ерм. Поди сюда ты. Жизнь бла-

гую и разумную провозглашаемъ, кто купитъ священнѣйшаго?

Кул. Скажи мнѣ, что ты знаешь? и какимъ образомъ живешь?

Сокр. Я себѣ выдумалъ новое нѣкоторое гражданство, въ которомъ живу; учрежденіе онаго странно; и законы въ немъ всѣ мои.

Кул. Желалъ бы я хотя одно о чемъ нибудь мнѣніе твое услышать.

Сокр. Такъ послушай самое большее; что я установилъ о женахъ: я думаю, что бы ни которая изъ нихъ не была женою ни которому мужу единому: но сообщалась бы всякому желающему брака.

Кул. Что ты ето говоришь? чтобъ законы о прелюбодѣяніи истребить?

Сокр. Такъ конечно, да и всѣ со всѣмъ о томъ пустыя подробности.

Кул. Какое щедролюбіе! а мудрости какое у тебя начало?

Сокр. Идеи и сущихъ вещей примѣры, ибо что ты ни видишь, землю и то что на землѣ, небо, море, всѣхъ сихъ вещей образы невидимые есть внѣ мира.

Кул. Гдѣжъ они?

Сокр. Нигдѣ. Ибо ежели бы они гдѣ были, то бы не были.

Кул. Не вижу я сихъ, о которыхъ ты мнѣ говоришь, примѣровъ.

Сокр.

Сохр. Ето очень вѣроятно : для того что ты слѣпъ глазами душевными. А я всѣхъ вещей вижу образы , и тебя невидимаго , и меня въ другомъ мѣстѣ , однимъ словомъ все двойное.

Кул. И такъ надобно тебя купить за то , что ты толь мудръ и быспрозрителенъ : постой , посмотримъ. Что ты за него будешъ просить ?

Ерм. Дай два таланта.

Кул. За ету цѣну куплю , деньги я тебѣ послѣ заплачу.

Ерм. Какъ твое имя ?

Кул Дионъ Сиракусскій.

Ерм. Возми и поведи его въ доброй часъ Епикурова жизнь , тебя я уже зову. Кто сего купитъ? онъ смѣющагося того Философа ученикъ , такъ же и того , который до пьяна напивается , которыхъ я не много прежде провозглашалъ : въ одномъ етотъ еще большій знатокъ , по елику онъ ихъ злочестивѣе. Въ прочемъ онъ въ обхожденіи пріятенъ, и любитъ хорошо ѣсть.

Кул. Какая ему цѣна ?

Ерм. Двѣ мнасы.

Кул. Вотъ тебѣ двѣ мнасы , да какія онъ кушанья ѣстъ ?

Ерм. Сладкія и медовыя , а больше всего винныя ягоды.

Куп. Изрядно. Я ему куплю разныхъ закусокъ.

Дїй. Зови другаго, того выбритаго, угрюмаго, который изъ Стои.

Ерм. Очень хорошо. Я думаю, что превеликое множество купцовъ, которые на нашъ торгъ сошлись, его дожидаются. Самую добродѣтель продаю; жизнь совершенную: кто все одинъ желаетъ знать?

Куп. Какъ ты ето говоришъ?

Ерм. Такъ: что сей единый премудръ; единый прекраснъ; единый праведенъ; мужественъ, Царь, Риторъ, богатъ, законодавецъ и прочее, что бы то ни было.

Куп. И такъ, другъ мой, онъ единый и поваръ, и кожевникъ, и плотникъ, и прочая.

Ерм. Я думаю.

Куп. Поди, другъ мой, сюда, я хочу тебя купить, говори мнѣ, каковъ ты? сперьва скажи, не досадуешъ ли ты за то, что тебя продаютъ, и что ты будешъ рабъ?

Хрисиллъ. Нимало: вить ето не въ нашей власти, а что въ нашей власти, то все безразличественно.

Куп. Не разумѣю, что ты говоришъ.

Хрис. Какъ ? не разумѣешь , что изъ мирскихъ вещей иныя предваритѣльныя иныя опять отъ предваритѣльныхъ ?

Кул. Теперь я тебя еще больше не разумѣю.

Хрис. Вѣроятно : ты не привыкъ къ нашимъ именамъ , и понимающей душевной силы не имѣешь. А прилѣжащій къ сему , который изучился словесному умозрѣнію, не только все сіе знаетъ , но и сослучайное и присослучайное, и въ чемъ и сколько одно отъ другаго разнствуетъ.

Кул. Прошу тебя философіи ради , пожалуй скажи мнѣ , что сослучайное и что присослучайное ; ибо сложеніе сихъ словъ меня весьма удивляетъ.

Хрис. Очень хорошо : естьли кто будучи хромымъ, тоюжъ самою хромою ногою ударившись о камень получитъ нечаянно рану , у таковаго хромая нога было сослучайное , а рана , которую онъ получилъ , будетъ присослучайное.

Кул О остроумїе ! но что еще больше знаешь ?

Хрис. Сплетенія словъ , которыми спутываю тѣхъ , кои со мною разговариваютъ , со всѣхъ сторонъ ихъ обгораживаю , и привожу къ тому , чтобъ они умолкли , накладывая на нихъ не-

чувствительно узду. Имя сей силѣ есть прехвальный силлогисмъ.

Кул. О Ираклій ! ты мнѣ сказываешъ о нѣкакомъ непобѣдимомъ и насильственномъ.

Хрис. Посмотри. Есть ли у тебя дитя ?

Кул. Есть.

Хрис. Естьли то дитя , когда оно будетъ бродить близъ рѣки , ухватитъ крокодилъ , по томъ обѣщаетъ тебѣ оное отдать , когда скажешъ правду , какъ онъ заподлинно думаетъ объ отдачѣ дитяти ; что ты тогда скажешъ , какое его намѣреніе ?

Кул. На вопросъ твой отвѣтствовать ни коимъ образомъ не возможно. Недоумѣваю , что мнѣ сказать , чтобъ взять дитя назадъ , пожалуй ты ради Бога отвѣчай , и спаси мнѣ дитя , чтобъ онъ его поскорѣе не поглотилъ.

Хрис. Не бойся , я тебя научу еще и другимъ вещамъ , чуднѣе сихъ.

Кул. Какимъ ?

Хрис. Жнущему , господствующему, и кромѣ всего того Илектрѣ , и покрытому.

Кул. Какого ты мнѣ покрытаго , и какую ты мнѣ Илектру сказываешъ.

Хрис. Илектру , ту древнюю , Агамем-

мемнонову дочь, которая тоже знала вмѣстѣ чего и не знала: ибо какъ стоялъ предъ нею Орестъ ею еще непознанный, такъ она знала, что Орестъ ея братъ, а что сей предъ нею стоящій, Орестъ, того не знала; что жъ касается до покрытаго, то удивительное слово услышишъ. Отвѣчай мнѣ. Знаешъ ли ты своего отца?

Кул. Знаю.

Хрис. Что жъ, естьли я какого человѣка покрытаго предъ тебя приведши спрошу: знаешъ ли етого; что ты мнѣ на то скажешъ?

Кул. Извѣстно, что скажу, не знаю.

Хрис. Но етотъ былъ твой отецъ. И такъ по тому, что ты етого незнаешъ, явственно, что ты незнаешъ своего отца.

Кул. Никакъ. Я открывъ онаго, узнаю истинну. Но каковъ конецъ твоей премудрости, и что ты будешъ дѣлать, возшедъ на самую высочайшую степень добродѣтели?

Хрис. Съ первыми буду по естеству поступать; я говорю о богатствѣ, здоровьѣ, и симъ подобныхъ. Но прежде надлежитъ много трудиться, глаза приобучить къ читанію мѣлко писанныхъ

книгъ, собрать различныя примѣчанія, наполнить голову несвойственными реченіями и пречудными словами, однимъ словомъ, нельзя быть мудрымъ, покамѣсть трижды съ ряду не напьешся Еллевора.

Кул. Храбрыя ето твои дѣла и весьма мужественныя. А о томъ, чтобъ деньги въ ростъ отдавать и быть лихоимцемъ, ибо я вижу, что и ето искуство есть за тобою, что скажемъ? развѣ ето дѣло такого человѣка, которой уже Еллевора напился, и совершенъ въ добродѣтели?

Хрис. Давать въ ростъ деньги прилично одному только мудрецу для того, что ему свойственно рѣчи заключать въ силлогисмы, а давать деньги въ ростъ и заключать оныя въ ящики, кажется не много разнствуетъ отъ силлогистическаго заключенія; того ради какъ то, такъ и другое ему одному прилично; да и не одинъ только простой ростъ, какъ другіе дѣлаютъ, но и съ сего перваго другой ростъ брать. Развѣ ты не знаешъ, что ростъ есть перьвой, и есть второй, перьваго какъ будто нѣкій отродокъ. Послушай еще какъ силлогисмъ заключаетъ. Вотъ онъ: естьли перьвой ростъ возметъ, то и вто-

второй ; а перьвой онъ возметъ , того ради не премѣнно и второй.

Кул. Такъ и о платѣ тоже сказать должно , которую ты береш ъ запремудрость отъ учащагося юношества. Да то и явно , что одинъ только мудрый получитъ мзду за добродѣтель.

Хрис. Хорошо ты ето понялъ. Я вить не ради себя беру , но того ради, который даетъ. Мы видимъ , что иной есть расточитель , а иной собиратель и содержатель ; ради сего приобучаю я себя къ тому , чтобъ быть собирателемъ и содержателемъ , а ученика , расточителемъ.

Кул. А прежде ты сказывалъ , что ученикъ долженъ быть собирателемъ , а о себѣ утверждалъ , что ты одинъ богатъ , и по тому расточитель ?

Хрис. Ты насмѣхаешся , другъ мой. Однако берегись , чтобъ я тебя не застрѣлилъ анаподиктическимъ силлогисмомъ.

Кул. Какое зло причиняетъ сія стрѣла ?

Хрис. Недоумѣніе , молчаніе , замѣшательство ума ; и что еще больше , естьли я захочу , то покажу въ сіежъ мгновеніе ока , что ты камень.

Кул. Какъ ? ты меня превратишъ

въ

въ камень ? Не думаю я , что бы ты , дражайшій , былъ Персеемъ.

Хрис. Вотъ какимъ образомъ : скажи мнѣ : камень , не тѣло ли ?

Кул. Да , тѣло.

Хрис. А животное , не тѣло ли такъ же ?

Кул. И то тѣло.

Хрис. Хорошо , теперь о себѣ скажи : ты животное ли ?

Кул. Такъ кажется.

Хрис. Того ради ты камень , по тому что ты тѣло.

Кул. Никакъ. Разрѣши меня , Дія ради , и опять здѣлай человѣкомъ.

Хрис. Ето не трудно , ты будешъ опять человѣкомъ : скажи мнѣ , всякое ли тѣло есть животное ?

Кул. Нѣтъ не всякое.

Хрис. Чтожъ, камень, животное ли?

Кул. Нѣтъ.

Хрис. А ты , тѣло ?

Кул. Конечно.

Хрис. И такъ ты тѣло , и животное ?

Кул. Вѣрно такъ.

Хрис. Того ради ты не камень , по тому что ты животное.

Кул. Покорно благодарствую. А то было уже голени мои , какъ у Ніовы ,

хлад-

хладнѣть и окаменѣвать начали. Надобно мнѣ тебя конечно купить. Что ты за него просишь ?

Ерм. Двенадцать мнасъ.

Кул. Вотъ тебѣ деньги , возми.

Ерм. Одинъ ли ты его купилъ ?

Кул. Никакъ , всѣ сіи , которыхъ ты здѣсь видишь.

Ерм. По етому васъ очень много , да при томъ посмотрите пожалуйте , какіе всѣ широкоплечіе , и годные ко жнущему.

Дій. Не мѣшкай , Ермій зови другаго.

Ерм. Поди сюда ты, Перипатитикъ, ты хорошій , и богатой. Ну , покупайте разумнѣйшаго , покупайте того , который все знаетъ.

Кул. Каковъ онъ ?

Ерм. Умѣренъ , ласковъ , способенъ къ общежитію , и что больше всего , двоякъ.

Кул. Какъ ты говоришь ? онъ съ наружи только такимъ кажется , а внутри развѣ онъ не таковъ ?

Ерм. Да , и естьли ты его купишь , то помни , что тебѣ его называть должно то внутреннимъ , то внѣшнимъ.

Кул. Но въ чемъ онъ больше всего искусенъ ?

Ерм.

Ерм. Онъ говоритъ, что троякое есть добро, душевное, тѣлесное, и внѣшнее.

Кул. По етому онъ по человѣчески разсуждаетъ, чего онъ стоитъ?

Ерм. Двадцать мнасъ.

Кул. Ты много за него просишъ.

Ерм. Нѣтъ, другъ мой, не много, у него и у самаго есть нѣсколько денегъ. Покупай скорѣе. Ты еще кромѣ того отъ него узнаешъ, сколь долго живетъ комаръ; сколь глубоко море солнечными лучами освѣщается; и какую душу имѣютъ устрицы.

Кул. Ираклій, что ето за тонкости и мѣлкости!

Ерм. Чтожъ ты будешъ думать, когда услышишъ отъ него многія еще другія вещи сихъ несравненно тончайшія: о рожденіи и дѣторождствѣ, и какъ во чревѣ матернемъ зародыши получаютъ образъ, и что человѣкъ смѣющееся; а оселъ не смѣющееся, ни созидающее, ниже пловущее.

Кул. Прекрасныя ты мнѣ и полезныя ученія исчисляешъ, такъ я его куплю за двадцать мнасъ.

Ерм. Какъ изволишъ. Кто у насъ еще остался? сей одинъ Скептикъ. Рыжій, ты; приступи сюда поскорѣе, пора намъ

и те-

и тебя провозглашать, уже многіе отходятъ, мало осталось для тебя купцовъ, однакожъ кто етого купитъ.

Кул. Я куплю, только напередъ ты мнѣ скажи, что ты знаешъ?

Философъ. Ничего.

Кул. Какъ ты ето говоришъ?

Фил. Такъ: мнѣ кажется, что въ свѣтѣ со всѣмъ нѣтъ ничего.

Кул. По етому и мы сами ничто.

Фил. И сего я не знаю.

Кул. А о собственномъ твоемъ бытіи знаешъ ли?

фил. Етого то я еще больше не знаю.

Кул. Куды, какое сомнѣніе! да на что ты сіи вѣски носишъ?

Фил. Я взвѣшиваю на нихъ доказательства о всѣхъ вещахъ, и привожу въ равновѣсіе, и естьли увижу, что они равны и на одной сторонѣ столькожъ въ нихъ вѣса, сколько и на другой; такъ тогда я не знаю, которыя изъ нихъ справедливѣе.

Кул. А изъ другихъ дѣлъ, какія ты съ прилѣжаніемъ отправляешъ?

Фил. Всѣ, кромѣ что за бѣглецомъ не гоняюсь.

Кул. Развѣ ето для тебя невозможное дѣло?

Фил.

Фил. Для того другъ мой, что я не доспигаю'

Кул Весьма вѣроятно; ты мнѣ кажешся очень не скорь и лѣнивь, да каковь конецъ твоего знанія?

Фил. Невѣденіе, и чтобь ни слышать ни видѣть.

Кул. И такь ты и нѣмой вмѣстѣ и слѣпой?

фил. При томь еще и не разсуждающій и безчувственный; однимь словомь ни чѣмь неразнствующій отъ червя.

Кул. Для етого надобно тебя купить. Сколько ты за него требовать будешь?

Ерм. Аттическую мнасу.

Кул. Возми. Теперь, дружекь, что ты мнѣ скажешь? купилъ ли я тебя?

Фил. Неизвѣстно.

Кул. Никакь. Весьма извѣстно: я тебя купилъ, и заплатилъ деньги.

Фил. Сего утверждать я не смѣю, и въ мысляхъ моихъ о семъ разсматриваю.

Кул. Ступай ты только за мною, какъ надлежишь слугѣ за своимь господиномь.

Фил. Кто знаетъ, правду ли ты говоришь?

Кул.

Куп. Тотъ кто тебя продалъ, и деньги, и присутствующіе здѣсь.

Фил. Есть ли полно тутъ кто при насъ?

Куп. Вотъ я тебя приставлю къ жорновамъ, и увѣрю лучшимъ способомъ, что я твой господинъ.

Фил. Сего утверждать я не смѣю.

Куп. Повѣрь мнѣ, я тебѣ сказалъ, что я ето съ тобою здѣлаю.

Ерм. Перестань ты прекословить, и поди за нимъ, онъ тебя купилъ. А насъ просимъ назавтрѣе опять сюда. Мы будемъ взавтрѣ провозглашать жизни простолюдиновъ, ремесленниковъ и приказныхъ.

Переводилъ съ Греческаго Г. К.

III.

О МОЗАИКѢ.

Мозаикъ [Mosaique] есть имя Французское, которое происходитъ отъ Латинскаго Музаикумъ [Musaicum],

или правѣе и чище Музивумъ [Mobiuut] а при обоихъ сихъ Латинскихъ названіяхъ, надлежитъ приразумѣвать Латинскую жъ рѣчь Опусъ [Opus], значащую по нашему, дѣло: и такъ, Музаикумъ или Музивумъ опусъ, есть музаическое или музивное дѣло, и музаическая, и музивная работа. Прежнее и у насъ имя Мозаику было Мусія безъ сомнѣнія съ Латинскаго; а Латинское оное достовѣрно жъ отъ Греческаго слова или евмусіи [ἐυμυστιας], или отъ мусонъ [μουσῶν], по нашему отъ Музъ то есть отъ согласія, да не въ пѣніи но въ сочетанномъ приборѣ маленькихъ жеребейковъ, складно и ладно между собою сопряженныхъ.

И подлинно, Мозаикъ значитъ вообще всѣ тѣ работы, кои дѣлаются изъ небольшихъ приборныхъ, и сложенныхъ совокупно разноцвѣтныхъ штучекъ, какъ деревянныхъ и каменныхъ такъ шитыхъ и живописныхъ. По сему, въ Мозаикъ включаются, не токмо настиланіе, насаживаніе, вынизываніе, наклееваніе, и врѣзываніе шариковъ и жеребейковъ разноцвѣтныхъ, по узорамъ, на полахъ, панеляхъ; потолокахъ, столахъ, ларчикахъ, и на премногомъ подобномъ, такъ же счетаніе каме-

камешковъ на изображеніе лица, всего человѣческаго стана, одеждъ его съ воскріліями, и другихъ бездушныхъ, одушевленныхъ, и прозябающихъ подобій вмѣсто живописи; но еще и называемыя въ тканомъ чемъ земли, по коимъ швальнаго дѣла ремесленники вышиваютъ разными шолками, серебромъ и золотомъ, и такъ же левкасныя доски, на которыхъ представляютъ живописцы разными жъ красками, всякія цѣлыя распещренія, но какъ будто сложенныя изъ маленькихъ блесточекъ.

Впрочемъ, я здѣсь вамъ, пишу не о двухъ послѣднихъ Мозаикахъ; но о первыхъ двухъ, то есть, о приборѣ и сосіпавленіи жеребейковъ деревянныхъ оныхъ и каменныхъ, особливѣе жъ сихъ каменныхъ: да и увѣдомляю услужно, что сперва самаго сей Мозаикъ употребляемъ былъ токмо на выстиланіе половъ въ великолѣпныхъ храмахъ и богатыхъ палатахъ. Можно думать, по оставшимся огромнымъ зданіямъ въ престарѣломъ Египтѣ, что сіе искусство началось тамъ, и что оттуду перешло въ Грецію. Съ другой стороны кажется что и въ Греціи, самой той древней, не было жъ другаго употребленія Мозаику, кромѣ выстиланія половъ: ибо

имя его Греческое показываетъ сїе, Псифоѳетита [ψηφοθετητά] то есть камешковъ положенїе. Сего ради Мозаикъ былъ тогда весьма еще простъ: состоялъ онъ только въ нѣсколькихъ мраморныхъ разноцвѣтныхъ камешкахъ, счетаваемыхъ узорнымъ расположенїемъ.

Когда жъ сей Мозаикъ дошелъ до совершенства, а художники, стройнымъ и разноцвѣтнымъ очертанїемъ изъ камешковъ, достигли до того, что возмогли уже представлять ими всякїя украшенїя, какъ то зелень листовъ древесныхъ, виноградныя кисти, яблоки, другїе различные плоды, цвѣтки, лица человѣческїя съ возрастомъ, и прочее неисчетное; то и начали убирать ими въ тѣхъ же самыхъ зданїяхъ, въ коихъ полы выстилали, стѣны, панели и своды. И какъ натура не подавала, по ихъ ненасытному вожделѣнїю, довольнаго изобилїя въ цвѣтахъ изъ самороднаго мрамора, на изображенїе безчисленныхъ вещей: того ради, выдумали они рукотворные камешки, подобные мраморнымъ, и начали ихъ дѣлать изъ стекла и финифти; такъ что стекляный и финифтяный Мозаикъ ихъ, походилъ не безъ лѣпоты нѣкоторыя на живопись, изображающую роды вещей

толь

толь слично и сходственно съ естественными.

Весьма вѣроятно, что къ стекляннымъ и финифтянымъ камешкамъ на Мозаичную живопись, подала причину древняя, бывшая въ великомъ употребленіи по всей Италіи, во время Плинія натуралиста, а называемая Кавстическою [жженою], отъ греческаго слова Кеинъ [καιειν] жечь. Сія живопись была вощаная, въ коей кисточка Зографская не имѣла почитай участія. Все сіе искусство состояло въ приуготовленныхъ вощаныхъ катышкахъ, и плоскихъ блесткахъ разноцвѣтныхъ, а потомъ въ накладываніи ихъ или на дерево, или на слоновую кость, способомъ прижиганія и припапливанія на огнѣ.

Стекло вамъ, по премногу вѣдомо: всѣ почитай наши питейные сосуды изъ него, и множество другихъ орудій и вещицъ. Но финифть есть родъ стекла жъ, краскою напоеннаго. Главнѣйшая матерія ея, есть олово и свинецъ, по равнымъ частямъ смѣшанныя, а прежде въ пепелъ приведенныя на огнѣ; къ чему прибавляются особенно такіе Металлическіе цвѣты, какимъ въ финифтѣ быть желается. Фи-

нифтїю называется еще и та живопись, которая производится изъ минеральныхъ красокъ, жженыхъ на огнѣ. Фарфоровая, цѣнинная, и муравленая посуда, есть такъ же родъ финифти. Употребленїе ея на глинѣ, есть весьма древнее: ибо во время Порсенны, Тосканскаго Царя, дѣлана была въ его областяхъ финифтяная посуда разныхъ видовъ.

Что жъ паки до Мозаика у древнихъ стекляная и финифтяная; то художники новыхъ вѣковъ, произвели сїе искусство еще далѣе. Презрѣвши стекло и финифть, какъ вещи подлыя и дешевыя для предивныхъ работъ помышляемыхъ ими, начали они примѣшивать къ самому лучшему мрамору дорогїе камни, какъ то Агатъ, Яшму, Сердоликъ, Томпасъ, Изумрудъ, еще и Лалъ, и червчатый Яхантъ.

Изъ сихъ трехъ родовъ Мозаика, именно жъ стекляная съ финифтянымъ, приборныхъ тѣхъ камешковъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, и оныхъ камешковъ изъ дорогихъ камней, упомянутый теперь прежде двухъ другихъ, болѣе уже ни гдѣ не употребляется нынѣ для своея безважности; а который изъ дорогихъ камней, тотъ такъ же очень

рѣдко

рѣдко бываетъ въ дѣлѣ для дороговизны своея жъ и многотрудности : дѣйствителенъ токмо третїй изъ разноличныхъ мраморныхъ камешковъ. Есть и четвертый родъ Мозаика изъ Слудянаго камня : сей Мозаикъ есть плодъ нынѣшнихъ недавныхъ временъ ; а отъ знающихъ въ томъ силу и похваляется не мало.

О времени Мозаика , въ кое онъ начался , и о мѣстѣ , гдѣ прежде всѣхъ начатъ , нѣтъ ничего точнаго въ Писателяхъ. Можно токмо заключить , по многимъ имовѣрнымъ обстоятельствамъ , что полы стали выстилать Мозаикомъ прежде въ древнѣйшемъ Египтѣ ; по томъ въ Грецїи ; а у Грецїи переняла послѣ Италїя. Но Мозаикъ , подражающїй живописи , можетъ быть вымышленъ и приведенъ въ совершенство особливо въ Римѣ : ибо въ немъ , по самой большой части , видимы остатки древняго Мозаика , служащїе нынѣшнимъ художникамъ образцами. Напослѣдокъ, живопись производимая малеванїемъ , весьма превосходнѣе Мозаичныя живописи , по разсужденїю славнаго въ ученомъ свѣтѣ Автора : ибо не возможно , говоритъ онъ , подражать совершенно камешками и стеклышками всѣмъ красотамъ

сотамъ и пріятностямъ, изображаемымъ отъ искусныя кисточки на картинѣ изъ масла, или на стѣнѣ, такъ называемою Фрескою, изъ воды по сырой извести.

В. Т.

IV.

ПРИТЧИ.

I.

КОКУШКА.

Грачъ вырвался изъ рукъ, изъ города домой;
Кокушка говоритъ: скажи дружечикъ мой,
Какая въ городѣ молва о пѣсняхъ нашихъ:
Онъ ей отвѣтствуетъ: изъ жителей тамъ вашихъ,
Прославленъ соловей, о немъ вездѣ слова,
О немъ великая тамъ носится молва.
Кокушка говоритъ: о жавронкѣ извѣстно?
Грачъ ей: и жавронка тамъ пѣніе прелестно.
Кокушка говоритъ: во славѣ ль тамъ скворецъ?
Грачъ ей: и онъ у нихъ извѣстный тамъ пѣвецъ.

Кокушка

Кокушка говоритъ : съ тобой жила я дружно;
Для дружбы той скажи , что знать еще мнѣ
нужно ,
Да только ни чево дружокъ не упаи :
Какія рѣчи тамъ про пѣсенки мои ?
Грачъ ей : о томъ людей на рѣчь не позывало ,
Какъ будто бы тебя на свѣтѣ не бывало.
Кокушка говоритъ : коль люди безъ ума ,
Такъ я могу сплести хвалу себѣ сама.

* * *

II.

СЕКРЕТАРЬ и СОПЕРНИКИ.

По биржѣ двое шли.
Какія люди то , не знаю я объ етомъ ,
Гуляли лѣтомъ ,
Гуляли и въ гульбѣ тутъ устрицу нашли :
Гражданска въ силу права ,
Кому съѣсть устрицу , не приложу ума;
Юстиція сама
Не вѣдаетъ того , и нѣтъ на то устава.
Пошелъ великой споръ ,
Кому принадлежитъ находку ету скушать ,
И скучно было слушать ,
Какой объ устрицѣ былъ шумъ у нихъ и вздоръ
Окончилась проказа :
Глупяе устрицы была такая тварь.
Попался секретарь ,

Шелъ биржей на кабакъ изъ суднаго приказа:
Тотчасъ онъ ихъ развелъ,
Имъ далъ по черепку обѣимъ изъ находки,
И передъ чаркой водки,
Безъ справокъ, устрицу, и безъ екстракта,
съѣлъ.

* * *

III.

ПАХАРЬ и ОБЕЗЬЯНА.

Мужикъ своимъ трудомъ наевѣтѣ жить родился,
Мужикъ пахалъ, потѣлъ, мужикъ трудился,
И отъ труда
Онъ ждетъ себѣ плода.
Прохожій похвалилъ работника съ дороги.
То слыша подняла и обезьяна ноги,
И хочетъ похвалы трудами испросить,
Отъ любочестія и въ ней разжегся пламень,
Взяла великой камень,
И стала камень сей переносить,
На мѣсто съ мѣста,
А камень не пирогъ, и здѣланъ не изъ тѣста;
Такъ ежели когда носить ево хотѣть,
Конечно надлежитъ нося ево потѣть:
Потѣетъ и трудится.
Другой прохожій шелъ,
Въ трудѣ ее нашелъ,
И говоритъ: на что людской трудъ годится?

Безумцы

Безумцы никогда покоя не хранятъ.
Впередъ не заманятъ
Къ трудамъ меня, она болтала:
Свой камень бросила, трудиться перестала,
И жестоко роптала,
За что хвала другимъ, за то меня бранятъ.

* * *

А. С.

V.

ПИСЬМА.

I.

О ДОСТОИНСТВѢ.

Многія почитаютъ знатность рода великимъ украшеніемъ истиннаго достоинства: я не знаю, какими доводами ето утвердить возможно: ибо нѣтъ ни однаго на то доказательства.

Ты честью хвалишся, которa не твоя:
Будь працуръ мой Катонъ; но то Катонъ не я.

Чинъ такъ же поставляютъ за украшеніе истиннаго достоинства, и столько же и на то доказательства имѣютъ; разумный, искусный, проворный и храбрый Полководецъ, не тѣмъ великъ,

что

что чинъ Полководца, но что достоинство Полководца имѣетъ.

Богатство такъ же поставляютъ украшенїемъ истиннаго достоинства, и столько же и на то доказательства имѣютъ; богатство довольствуетъ насъ, и не украшаетъ нашего достоинства.

Чины называются достоинствами человѣка, а мнѣ кажется, что они имена человѣка.

Чинъ есть одно только имя: кто больше имѣетъ чиновъ, тотъ больше имѣетъ именъ, и когда восхожденїемъ, или паче возведенїемъ, перемѣняются чины, перемѣняются только имена, и умножаются доходы, поклоны и лесть, а достоинство не умножается.

Справедливо ли говорится, вмѣсто человѣкъ имѣющїй великой чинъ, и вмѣсто человѣкъ знатнаго рода, честный человѣкъ? изъ сего слѣдуетъ, что всѣ крестьяне безчестныя люди, а сего не правда; земледѣлїе, не воровство и не грабительство, но почтенное упражненїе. Пращуръ боярина отданъ на сѣденїе червямъ, и въ прахъ претворился, Пращуръ крестьянина такъ же.

Отъ боярина того нѣтъ ужъ больше страха,
И боярчъ и мужикъ, вы потомки праха.

Оба

Оба вы можете быть честны, когда захотите, оба вы сыны отечества, и оба можете ему быть полезны. Пускай лестію питаемая гордость всѣ титла у добродѣтели отнимаетъ, и ими вмѣсто украшенія обезображивается. Честь наша не въ титлахъ состоитъ: тотъ сіятельный, который сердцемъ и разумомъ сіяетъ, тотъ превосходительный, который другихъ людей достоинствомъ превосходитъ, и тотъ боляринъ, который болѣетъ объ отечествѣ.

Богатство умножаетъ роскошь и высокомѣріе, знатность рода умножаетъ гордость. Чинъ великій тщеславіе умножаетъ, ежели они безъ достоинства; богатство человѣку дѣлаетъ удовольствіе, а не украшеніе, чинъ дѣлаетъ вредъ или пользу обществу, а не украшеніе тому кто ево имѣетъ, а знатность рода не дѣлаетъ, ни украшенія достоинству, ни пользы обществу.

Ни что достоинства украсить не можетъ, ибо всѣ ево украшенія въ немъ самомъ состоятъ: чистота сердца, острота разума, просвѣщеніе мыслей и услуга роду человѣческому.

* * *

II.

ЧЕТЫРЕ ОТВѢТА.

ТЫ спрашиваешь меня мой другъ, и задаешь четыре мнѣ вопроса: что бы я дѣлалъ: 1) ежели бы я былъ малой человѣкъ и малой господинъ; 2) ежели бы я былъ великой человѣкъ и малой господинъ; 3) ежели бы я былъ великой человѣкъ и великой господинъ; 4) ежели бы я былъ малой человѣкъ и великой господинъ. На перьвой вопросъ я отвѣчаю: всѣ бы мѣры употребилъ я ознакомиться въ домахъ знатныхъ господъ и сильныхъ властїю людей, не пропустилъ бы ни одного праздника, что бъ не обѣжать города разнося поздравленїе, ходилъ бы по переднимъ комнатамъ знатныхъ господъ на цыпачкахъ, и подчивалъ бы камердинеровъ ихъ тобакомъ, научился бы въ карты играть во всѣ игры; ибо играя въ карты можно съ первымъ господиномъ сѣсть плечо о плечо, и вмѣсто, чтобъ говорить, весьма низко нагибаяся: доношу вашему Высокопревосходительству о такомъ и о такомъ дѣлѣ, сказать ему прибодрившись, у васъ тринатцать, а у меня четырнатцать. Не спорилъ бы я ни о чемъ, и говорилъ бы только: такъ, конечно такъ, все-

конечно

конечно такъ, превсеконечно такъ, превсеконечнѣйше такъ. Сказывалъ бы всему свѣту, какъ тотъ и тотъ знатной господинъ со мною милостиво поговорилъ, а ежели бы когда не достало истинны, такъ бы я дополнялъ ложью, да и ни что не украшаетъ такъ рѣчи какъ ложь; Стихотворцы тому свидѣтели. А наконецъ покорствомъ и лестїю испросилъ бы я себѣ нажиточное мѣсто, а лутче всево поѣхалъ бы я на воеводство; ибо сїя должность нажиточна, почтенна, и легка. Нажиточна, что всѣ дарятъ: почтенна, что всѣ кланяются: легка, что очень мало дѣла, да и то обыкновенно исправляетъ Секретарь или съ приписью подьячїй, а они такъ же люди присяжныя и положиться на нихъ безовсякаго сумнѣнїя можно. И подьячїй отъ того же созданъ Бога, отъ котораго человѣкъ; такъ суемудренно сїе мнѣнїе, что подьяческая душа не можетъ имѣть добродѣтели. Я думаю, что между человѣка и между подьячева разности мало, и гораздо менше нежели между подьячева и между другой какой твари. Ежели бы я былъ великой человѣкъ и малой господинъ; я бы по многомъ моемъ стараніи показывать моему отече-

ству и свѣту услуги, ни ково бы ни какою докукою не отягощалъ, и полагалъ бы надежду на достоинство свое, и на заслуги отечеству, а когда бы въ томъ обманулся, такъ бы я по многомъ своемъ терпѣнїи сошелъ съ ума, и былъ бы такой человѣкъ, какїя не только ни чево не дѣлаютъ, но и ни о чемъ не думаютъ. Ежели бы я былъ великой человѣкъ и великой господинъ; я бы неусыпно старался о благополучїи моево отечества, о возбужденїи добродѣтели и достоинства, о награжденїи заслугъ, о утоленїи пороковъ и о истребленїи беззаконїя, о приращенїи наукъ, о умаленїи цѣны необходимыхъ жизни человѣческой вещей, о наблюденїи правосудїя, о наказанїи за взятки, грабительство, разбойничество и воровство, о уменшенїи лжи, лести, лицемѣрїя и пьянства, о изгоненїи суевѣрїя, о уменшенїи не надобнаго обществу великолѣпїя, о уменшенїи картежной игры, чтобъ она не отъимала у людей полезнаго времени, о воспитанїи, о учрежденїи и порядкѣ училищей, о содержанїи исправнаго войска, о презрѣнїи буянства, нетимеперства и искорененїи тунеядства. А ежели бы я былъ малой человѣкъ и великой господинъ; такъ бы жилъ велико-

ликолѣпно; ибо такое великолѣпіе рѣдко великой душѣ свойственно бываетъ; а что бы я дѣлалъ, етова я не скажу.

* * * А. С.

VI.

ЕПИГРАММЫ.

I.

Ты будущей себя женою ушѣшаешъ,
Какую взять тебѣ, усердно вопрошаешъ.
Возми богатую, такъ будешъ ты богатъ,
Возми болшей родни, боярамъ будешъ братъ.
Возми разумную, любви къ похвальной страсти,
Возми прекрасную, тѣлесной ради сласти:
А ты отвѣщствуешъ: хочу имѣть покой;
Такъ лутче не бери, пожалуй, ни какой.

II.

Кто въ чемъ когда нибудь молвою возвышенъ,
Достоинствомъ прямымъ ни мало украшенъ,
Не дивно; похвала и похуленье въ волѣ,
А разумъ не у всѣхъ, глупцовъ на свѣтѣ болѣ.

III.

Преподлый суевѣрЪ отЪ разума бѣжитЪ,
И вѣритЪ онЪ тому, чему не надлежитЪ:
Кто вздору всякому старается повѣрить;
Стремится предЪ самимЪ онЪ БогомЪ лицемѣрить.

IV.

Пожалуй не зови меня безвѣрнымЪ болѣ,
За то, что кЪ вѣрѣ я не причитаю вракЪ;
Я вѣрю Божеству, покоренЪ вышней волѣ,
И вѣрю я еще тому, что ты дуракЪ.

V.

Судьи приказныхЪ дѣлЪ у насЪ не помѣчали,
Дьяки сей даръ писать и взятки брать нашли,
Писать и брать они дворянство обучали!
Но мы учителей далеко превзошли.

VI.

Когда любезный мужЪ со мною ты простился,
Рвалася я тогда и плакала стеня.
Между надежды зрѣлЪ и страха ты меня;
Желала я, чтобЪ ты не скоро возвратился.

VII.

Что скоро родила тебѣ по свадьбѣ сына,
Любезный муженекЪ, вотЪ та тому причина,
Что я собравшися принесть тебѣ сей даръ,
ВЪ смятеньи посмотрѣть забыла вЪ календарЪ.

VIII.

VIII.

Я друга твоево люблю зракъ твой любя ,
Ево цалуючи цалую я тебя :
Едина въ васъ душа , извѣстно мнѣ то дѣло;
Такъ думается мнѣ , одно у васъ и пѣло.

IX.

Посѣкла до крови я сына очень больно ;
Что жъ дѣлать ? не живи рабенокъ своевольно.
Мужъ вопитъ : екая къ моей крови любовь;
Хоть я и не ево спустила плѣтью кровь.

X.

Не многое число друзей собрать умѣетъ ,
Съ умомъ, съ ученїемъ достойная душа ,
Тотъ больше, кто казны довольняе имѣетъ,
Всѣхъ больше, у ково хозяйка хороша.

* * * А. С.

****

VII.

ПИСЬМА.

I.

ОБЪ ОСТРОУМНОМЪ СЛОВѢ.

Острота разума человѣческаго свойственно скорое проницанїе , точное

воображенїе, и краткое изъясненїе: Отъ сихъ свойствъ рождаются остроумныя слова, которыя разрѣшаютъ самымъ легкимъ образомъ разныя предложенїя: а иногда преимуществуютъ они предъ самыми яснѣйшими доказательствами. Извѣстный Александра великаго Парменїону отвѣтъ, когда сей Полководецъ предлагалъ ему, чтобъ онъ съ Дарїемъ примирился, сочетанїемъ съ сво дочерью, взявъ половину Азїи въ приданое, кратко и ясно изобразилъ Александрово честолюбїе. Парменїонъ говорилъ: я бы де на семъ договорѣ съ Дарїемъ согласился, ежели бы я былъ Александръ: и я бы такъ же, отвѣчалъ Александръ, ежели бы я былъ Парменїонъ. Сїе Александрово слово Лонгинъ до небесъ возвышаетъ, и подлинно, скажу и я съ симъ прехвальнымъ разсмотрителемъ истиннаго краснорѣчїя, что сїе остроумное слово, достойно великаго Александра. Сей славолюбивый Государь не школьными отвѣчалъ доказательствами, о разности между себя и между Парменїона, что бы въ мѣсто краткова слова цѣлую книжку здѣлать могло, и менше бы удовольствовало читателей, нежели слышателей удовольствовало сїе остроумное

умное слово ; острота разума обширных изъяснений не терпитъ : да и на что обширность , ежели безъ нея изъясниться удобно. Многорѣчіе свойственно человѣческому скудоумію. Всѣ тѣ рѣчи и письма , въ которыхъ больше словъ , нежели мыслей , показываютъ человѣка тупова. Быстрота разума , словъ беретъ по размѣру мыслей , и не имѣетъ въ словахъ ни излишества ни недостатка. Сіе толкованіе , сколько до разговоровъ , столько и до писменныхъ сочиненій касается. Но я обращаюся къ остроумнымъ словамъ , на которыя нынѣ въ свѣтѣ такъ велико употребленіе , какъ мало ихъ число. Остроумное слово единожды только выговорено быть должно ; ибо повтореніе ихъ безобразно , а особливо заимствованіемъ чужаго разума. Предъ людьми утопающими въ невѣжествѣ можно услышанными и прочтенными остроумными словами показаться , и получить себѣ утвержденіе красоты остроумія, но приводя таковыми словами просвѣщенныхъ людей , къ удостоинству своея остроты , показываемся мы людьми слабыми и надутыми пустою гордостію , которая вмѣсто возвышенія дѣлаетъ намъ пониженіе.

II.

О ЧТЕНІИ РОМАНОВЪ.

РОмановъ столько умножилось, что изъ нихъ можно составить половину библіотеки цѣлаго свѣта. Пользы отъ нихъ мало, а вреда много. Говорятъ о нихъ, что они умѣряютъ скуку и сокращаютъ время то есть: вѣкъ нашъ, который и безъ того кратокъ. Чтеніе Романовъ не можетъ назваться препровожденіемъ времени; оно погубленіе времени. Романы писанныя невѣжами читателей научаютъ притворному и безобразному складу, и отводятъ отъ естественнаго, который единъ только важенъ и пріятенъ. Мы не худымъ Романическимъ, но при просвѣщеніи нашемъ естественнымъ складомъ, скотскія изображенія превосходимъ. Хорошія Романы хотя и содержатъ нѣчто достойное въ себѣ; однако изъ Романовъ въ пудъ вѣсомъ, спирту одного фунта не выйдетъ, и чтеніемъ онаго больше употребится времени на безполезное, нежели на полезное. Я исключаю Телемака, Донкишота и еще самое малое число достойныхъ Романовъ. Телемака причисляли къ Епическимъ Поемамъ, что

въ

въ предисловіи ево и напечатано, а многія сію книгу какъ Иліяду и Енеиду, образцемъ Епической Поемы поставляютъ; но что сево смѣшняе? кромѣ расположенія, Телемакъ не Поема; нѣтъ ни Епической поемы, ни оды, въ прозѣ. А Донкишотъ Сатира на Романы. Ежели кто скажетъ, что Романы служатъ къ утѣшенію неученымъ людямъ, для того что другія книги имъ не понятны: ето неправда; ибо и самой высочайшей Математики основанія, понятно, написать удобно; хотя то и подлинно, что книгъ таковыхъ мало видно. Однако много еще книгъ и безъ Романовъ осталося, которыя вразумительны и самымъ неученымъ людямъ. Довольно того, чемъ и просвѣщаяся можно препровождать время, хотя бы мы и по тысячѣ лѣтъ на свѣтѣ жили.

* * *

А. С.

VIII.

ЕЛЕГІИ

I.

Предвѣстія для насъ плачевныя свершились,
Которыхъ каждой мигъ драгая мы страшились.
Нежалостливый твой и яростный отецъ,
Мучитель злобнѣйшій влюбившихся сердецъ,
Узнавъ, что я къ тебѣ любовію пылаю,
Что всю въ тебѣ я жизнь единой полагаю,
И что твоя ко мнѣ равно пылаетъ кровь,
И равную моей являешъ ты любовь,
Подвигнувшись за то на гнѣвъ неуполимой,
И слышать не хотя чтобъ я былъ твой любимой,
И небомъ и землей и всѣмъ, что въ свѣтѣ есть,
Въ другой отселѣ градъ клялся тебя увесть.
Колико клятвы тѣ казались намъ ужасны!
Ужасны были намъ и стали не напрасны.
И полнилъ, что что онъ исполнити хотѣлъ.
Сердитый рокъ, къ чему нещастныхъ ты привелъ!
Въ сей день кончается утѣха предрагая,
И совершается судьбина наша злая.

На

На вѣкъ лишаюсь я твоихъ прелестныхъ глазъ,
Ты зришь любезная меня въ послѣдній разъ.
Терзаться вѣчно намъ отъ дня сего приходитъ,
Какую казнь, Тиранъ отецъ твой намъ наводитъ!
Коликой отягчилъ насъ скорьбію и тоской,
Отъемля общій нашъ въ сей грозной день покой!
О день! печальный день, плачевныя разлуки!
Неизреченныя день горести и муки!
Страданіе сердецъ хошь мало ущади,
И медленно въ своемъ теченіи спѣши:
Въ послѣдніе мнѣ дай драгой налюбоваться,
Въ послѣдніе мнѣ дай съ драгой нацѣловаться!
Но день кончаетъ бѣгъ, и наступаетъ часъ,
Которой разлучитъ на вѣкъ драгая насъ.
Моя дражайша жизнь на вѣки утекаетъ,
И изъ очей тебя на вѣки увлекаетъ.
Рокъ ближится, - - - увы! приближился, - - -
насталъ.
Свирѣпой рокъ! уже ты все для насъ скончалъ.
Гдѣ я! - - - и что я сталъ! - - - чувствъ
прежнихъ не имѣю.
Мой духъ выходитъ вонъ, - - - томлюся, ка-
менѣю.
Когда теряю я любезную свою;
Возми о небо жизнь оставшую мою!
На что она, когда лишившися любезной,
Я буду провождать ее въ судбинѣ слезной?
Но не отъемлется плачевный вѣкъ судьбой!
Лишь только рокъ велитъ разстаться мнѣ
съ тобой

О часъ, противный часъ ! и всѣхъ часовъ горчайшій !
Источникъ вѣчныхъ слезъ ! о часъ прежестокочайшій !
Возри, Тиранъ, на скорбь ты дочери своей!
За что ты дѣлаешь сіе мученье ей ?
За что она тобой толь горестно страдаетъ?
За то, что ахъ ! ко мнѣ любовію пылаетъ.
О варваръ! не женой ты въ свѣтъ произведенъ!
Свирѣпымъ нѣкакимъ чудовищемъ рожденъ,
И люпой львицею въ лѣсахъ воспитанъ темныхъ,
Въ безсолнечныхъ возросъ пещерахъ ты подземныхъ.
Когда бъ не звѣрскую природу ты имѣлъ,
И былъ бы человѣкъ; ты бъ дочери жалѣлъ,
И не далъ бы въ такомъ мученьи ей терзаться!
Вздыхать, стенать, вопить, и люто разрываться;
А ты безъ жалости на муки зришъ ея,
Ни гдѣ примѣра нѣтъ свирѣпости сея.
Въ какой, о небеса, я грусти остаюся!
На жесточайшія я муки предаюся.
Я все, что есть гублю, тебя мой свѣтъ губя,
Всего лишаюсь я, лишаяся тебя.
Противенъ сталъ и градъ, гдѣ я съ тобой слюбился;
Прекрасный видъ ево въ пустыню превратился,
Ни что ужъ въ немъ меня, ни что ужъ не прельститъ,
И красота ево съ тобою прочь летитъ.

Про-

Противны и мѣста, гдѣ мы съ тобой видались;
Тобою лишь они приятны мнѣ казались.
Не будешь безъ тебя въ нихъ больше красоты:
Мѣста прекрасны тѣ, въ которыхъ будешь ты.
Когда ты будешь жить во градѣ отдаленномъ,
Въ жилищи отъ отца тебѣ опредѣленномъ,
И какъ повѣешь тамъ Зефиръ отъ той страны,
Гдѣ мы твоимъ отцомъ съ тобой разлучены,
И нѣжно коснется главѣ твоей крылами,
Или спряженъ свои съ твоими онъ устами,
Вообрази въ тотъ часъ, что я съ тобой стою,
И жалостнымъ къ тебѣ я гласомъ вопію:
Люблю тебя мой свѣтъ, любя не премѣнюся,
Доколѣ съ жизнію своей не разлучуся.
Вообрази тогда меня въ своихъ глазахъ,
Что въ горькихъ по тебѣ я плаваю слезахъ,
Что нѣтъ ни дня, часа, ниже одной минуты,
Когда бы не были со мною скорби люты.
О свѣтъ очей моихъ! любовь ко мнѣ храня,
Уже въ послѣдній разъ цалуешь ты меня.
Текипте изъ очей горчайши слезны рѣки!
Прости любезная, прости мой свѣтъ на вѣки.

Иванъ Дмитревской.

II.

Сокрылися мои дражайшія утѣхи,
Въ жестокую печаль преобратились смѣхи,
Когда восходитъ лучъ вселенну освѣщать.

Не можетъ мнѣ минуты веселыхъ предвѣщать.
Куда ни обращу свои плачевны очи ,
Вездѣ я грусти зрю , и мракъ печальной ночи.
Ты радости мои пресѣкъ жестокой рокъ ,
Ты въ вѣкъ опредѣлилъ мнѣ слезной лить по-
токъ.
Лишилъ меня , лишилъ ты сладкаго покою ,
Сразилъ, какъ молніей , меня ты злой тоскою,
Въ тяжчайшія любви оковы заключилъ ,
Несносной горести на жертву поручилъ.
Покрылъ мя тучею прегорькія печали ,
Чтобъ бѣдспива , всѣ мои забавы окончали.
Но что я такъ мятусь , напасть моя тобой ,
Когда уже мнѣ то предписано судьбой !
Но ахъ ! возможно ли , чтобъ я теперь не рвался!
Увы ! ужъ я на вѣкъ съ любезною разстался !
Разстался ! --- вспомню лишь я тотъ горчай-
шій часъ ,
Какъ я драгой сказалъ, прости въ послѣдній разъ ,
Въ минуту ону духъ прискорбный возмутится,
И что ни мыслилъ я , все въ муку превратится,
Лишуся чувствія въ очахъ померкнетъ свѣтъ ,
И помню только то . драгой со мною нѣтъ.
О нестерпима казнь не милосердой части !
О мой плачевный вѣкъ ! о люпыя напасти !
Возможно ли сего мучительняй страдать ,
Какъ вѣчно что любить и вѣчно не видать ?
Повсеминутно мнѣ разлука въ мысль приходитъ,
Повсеминутно духъ въ смятеніе приводитъ.
Я рвуся , и ни въ чемъ отрады не сыщу.

Но

Но ежели еще и нищетно я грущу ,
И мнѣ любезная не вѣрна стала нынѣ ;
Какой подверженна ты жизнь моя судбинѣ !
Повѣрь драгая мнѣ : каковъ бы кто ни былъ ,
Не будетъ такъ тебя любить , какъ я любилъ.
Но что отъ ложныя мечты мой духъ стонаетъ ?
Моя любезная меня воспоминаетъ ,
И ту же чувствуетъ она любовь ко мнѣ ,
Которую она имѣла въ сей странѣ.
Но я не зрю ее и рвусь изнемогая.
Ужъ нѣтъ тебя , ужъ нѣтъ , со мною дарагая.

* * *

Александръ Аблесимовъ.

IX.

ОДА, ИДИЛЛІЯ и СПРАВКА.

ОДА.

Подраженная Горацію , кн : III. Од : IX.

ЛЮБОВНИКЪ.

Доколѣ ты меня любила ,
И мнѣ невѣрностью своей не сгрубила ,
Я щастливѣе всѣхъ считалъ себя , бывъ милъ.

ЛЮБОВНИЦА.

Доколѣ я была любима ,
И только лишь одна тобой приятна зрима ,
Я щастливяе всѣхъ , ты всѣхъ миляй мнѣ былъ.

ЛЮБОВНИКЪ.

Владѣешъ нынѣ Хлоя мною ,
Не буду зараженъ красавицей иною ,
И буду вѣренъ ей доколѣ буду живъ.

ЛЮБОВНИЦА.

Миршилломъ я плѣненна :
Не буду я къ нему въ любови премѣненна ;
Онъ искрененъ со мной , и жаръ ево не живъ.

ЛЮБОВНИКЪ.

А естьли Хлою я оставлю ,
И жара прежнїя любви еще прибавлю ,
Захочешъ ли меня любовникомъ ты зрѣть ?

ЛЮБОВНИЦА.

Такъ я Миршилла позабуду ,
И вѣчно я твоей любовницею буду ,
Съ тобой хочу я жить съ тобою умереть.

* * *

ИДИЛЛІЯ.

Безъ Филисы очи сиры ,
Сиры всѣ сїи мѣста :

Оп-

Отлетайте вы Зефиры ;
Безъ нея страна пуста :
Наступайте вы морозы ,
Увядайте нѣжны розы.

*

Пожелтѣй зелено поле ,
Не журчите вы струи ,
Не вспѣвайте нынѣ болѣ ,
Сладкихъ пѣсней соловьи :
Стонь со мною ехо нынѣ ,
Всеминутно въ сей пустынѣ.

*

Съ горестью ль часы ты числишъ ,
Въ отдаленной сторонѣ ?
Часто ль ты , ахъ ! часто ль мыслишъ ,
Дарагая обомнѣ ?
Тужишъ ли воспоминая ;
Какъ разстались мы стоная ?

*

Въ часъ тотъ какъ ты мыться станешъ ,
Хотъ немного потоскуй ,
И когда въ потоки взглянешъ ,
Молви ты у ясныхъ струй :
Зрима я передъ собою :
Но не зрима я тобою.

* * *

СПРАВ-

СПРАВКА.

ЗАПРОСЪ.

Потребна въ протоколъ порядочная справка:
Имѣетъ въ оном быть казенной интересъ;
Понеже выпала казенная булавка:
Какой по описи булавки оной вѣсъ,
Желѣзо или мѣдь въ булавкѣ той пропала,
Въ которомъ, именно, году она упала,
Въ которомъ мѣсяцѣ, котораго числа,
Которымъ и часомъ, которою минутой,
Казенной былъ ущербъ, булавки помянутой?

ОТВѢТЪ.

Я знаю только то, что ты глупай осла.

* * *

А. С.

****

Оглавленїе.

		стран.
I.	Молитвы и Псаломъ. - - - -	323
II.	Лукіяна Торгъ жизней. - - -	326
III.	О Мозаикѣ. - - - - - - - -	353
IV.	Притчи. - - - - - - - - -	360
V.	Письма. - - - - - - - - -	363
VI	Епиграммы. - - - - - - - -	369
VII	Письма. - - - - - - - - -	371
VIII.	Елегїи. - - - - - - - - -	376
IX.	Ода, Идиллїя и Справка. - - -	381